

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООО «Учебный центр “Информатика”»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Часть 3

**Психология; филология, лингвистика, современные
иностраннные языки**

Материалы третьей международной
научно-практической конференции (26–28 апреля 2013 г.)

Пермь 2013

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008

ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

А 43

Научные редакторы – к. филос. н. *К.В. Патырбаева, А.В. Попов, Е.Ю. Мазур*

А 43 **Актуальные** проблемы современных социальных и гуманитарных наук: материалы третьей междунар. науч.-практ. конф. (26–28 апреля 2013 г.) : в 4 ч. – Ч.3: Психология; филология, лингвистика, современные иностранные языки / науч. ред. К.В. Патырбаева, А.В. Попов, Е.Ю. Мазур; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 232 с.

ISBN 978-5-7944-2119-4

ISBN 978-5-7944-2122-4 (ч.3)

В сборнике публикуются материалы третьей международной научно-практической конференции (26–28 апреля 2013 г.) «Актуальные проблемы современных социальных и гуманитарных наук», организованной Пермским государственным национальным исследовательским университетом при партнерской поддержке ООО «Учебный центр “Информатика”».

В сборник включены статьи, посвященные решению актуальных вопросов современного социально-гуманитарного знания – философии, культурологии, психологии, педагогики, филологии, экономики, политологии, юриспруденции и др.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития науки, современного социально-гуманитарного знания.

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008

ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Печатается по решению оргкомитета конференции

Организационный комитет конференции:

Канд. филос. наук, доцент каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА, докторант каф. философии ФГБОУ ВПО ПГНИУ *К.В. Патырбаева (г. Пермь)*; эксперт в области территориального развития, магистр географии, магистр менеджмента *А.В. Попов (г. Пермь)*; ст. преп. каф. спец. психологии ФГБОУ ВПО ДВГТУ *Е.Ю. Мазур (г. Хабаровск)*; д-р физ.-мат. наук, проф., зав. каф. прикл. матем. и информ. ФГБОУ ВПО ПГНИУ *С.В. Русаков (г. Пермь)*; педагог-психолог высшей квалификационной категории *М.И. Патырбаева (г. Пермь)*; MA in Philosophy *Constantinos Maritsas (Bulgaria)*.

Администрация проекта FEAP: К.В. Патырбаева, А.В. Попов, С.В. Русаков.

ISBN 978-5-7944-2119-4

ISBN 978-5-7944-2122-4 (ч.3)

© Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, 2013

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

State educational institution of higher education

«PERM STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY »

The Educational Center “Informatics”, Ltd

**ACTUAL ISSUES
OF SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES**

Part 3

**Psychology; Philology, Linguistics, Study of contemporary
languages**

The collection of scientific writings as a result of participation in the III
International Theoretical and Practical Conference (Russian Federation,
Perm, April 26th-28th of 2013)

Perm 2013

BBK 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Actual issues of social and humanitarian sciences: the collection of scientific writings as a result of participation in the III International Theoretical and Practical Conference (Russian Federation, Perm, April 26th-28th of 2013) : in 4 parts. – Part 3. Psychology; Philology, Linguistics, Study of contemporary languages / edited by K.V.Patyrbaeva, A.V.Popov, E.Yu.Mazur; Perm state national research university. – Perm, 2013. – 232 p.

ISBN 978-5-7944-2119-4

ISBN 978-5-7944-2122-4 (p.3)

This book is the collection of scientific writings as a result of participation in the III International Theoretical and Practical Conference (Russian Federation, Perm, April 26th–28th of 2013), which was organizing by Perm state national research university and the Educational Center “Informatics”, Ltd.

There are papers about actual issues of modern social and humanitarian sciences.

The book can be interesting for scientists and others interested in modern social and humanitarian sciences.

BBK 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Published by the decision of the organizing committee of the conference and the FEAP project administration

The organizing committee of the conference: K.V. Patyrbaeva, S.V. Rusakov, A.V.Popov, E. Yu. Mazur, M.I. Patyrbaeva, C. Maritsas.

FEAP project administration: K.V. Patyrbaeva, S.V. Rusakov, A.V. Popov

ISBN 978-5-7944-2119-4

ISBN 978-5-7944-2122-4 (p.3)

© Perm State National Research University, 2013

РАЗДЕЛ VIII. ПСИХОЛОГИЯ

SECTION VIII. PSYCHOLOGY

Самоизоляция как проблема современной молодежи

Под **социальной изоляцией личности** понимается социальное явление, при котором происходит отторжение индивида или социальной группы от других индивидов или социальных групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимоотношений [1].

Социальная изоляция делится на типы:

- принудительная - индивида или социальную группу изолируют в местах лишения свободы.

- вынужденная изоляция и разрыв отношений (бойкот) – происходит или по причине случайных объективных факторов: незапланированное длительное пребывание в безлюдном месте или во враждебной/чуждой/незнакомой социальной среде, или в случае, когда другие участники социальной группы минимизируют любое (даже формальное) общение с индивидом.

- добровольная – изоляция самого индивида от социальной группы или общества в целом.

Добровольная изоляция может быть обусловлена следующими причинами: субъективной замкнутостью, скрытностью, недоверием по отношению к людям (в общем, вызваны особенностями личности), а также идейными причинами, обусловленными приверженностью культуры, культов и т.д. (отшельники, монахи, хикикомори). И если причины, вызванные субъективной замкнутостью личности, существовали на протяжении всей истории человека, то причины культового происхождения, ранее представляемые лишь редкими приверженцами определенных культов, в настоящее время становятся весьма популярной. По словам известного японского психотерапевта Тамаки Сайто, примерно 20% японских подростков уже являются хикикомори или близки к этому. Власти бьют тревогу, ведь это настоящая социальная катастрофа. Другие развитые страны озабочены, ведь их ждет нечто похожее...» [2].

Анализ литературы позволил увидеть, что **хикикомори** (от яп. букв. - нахождение в уединении, англоязычным аналогом является, используемый в Европе, Not in Employment, Education or Training (NEET), для США basement dwellers.), описывает подростков и молодёжь, отказывающихся от социальной жизни, стремящихся к крайней степени изоляции и уединения вследствие разных личных и социальных факторов [3]. Они не являются психически больными, их добровольное заключение не вызвано психологической травмой или врожденным дефектом, не стремятся к

профессиональной реализации, не работают, живут на иждивении родственников.

Поиск ответа на вопрос: «что же является причиной резкого ограничения жизненного пространства этой молодежи» в имеющейся современной литературе не увенчался успехом. Поэтому видим необходимость дать более подробное описание причин, основанное в большей степени на личных обществоведческих знаниях. Первое, условия жизни развитых стран позволяют вести отшельнический образ жизни даже среди цивилизации. Второе, технологии как способ уйти от реальности, например, интернет-информация. В-третьих, негативные внешние факторы, в разной степени, влияющие на решение индивида стать хикикомори. И, в-четвертых, это определенные свойства личности.

Интересным является факт, что феномен социальной изоляции подвергается глубокому, систематическому анализу учеными Японии, Тайвани, Южной Кореи, Западной Европы, и остается абсолютно без внимания научного сообщества России. Недостаточный интерес к данной проблеме объясняется следующими причинами:

- **Малая плотность населения РФ.** Основным условием социальной самоизоляции - является наличие социума, от которого, собственно, ограждается субъект. Однако плотность населения Российской Федерации на 2011 год была равна 8,4 чел/км², что примерно в 40 раз меньше той же Японии. Из выше изложенного следует – наличие условий социальной напряженности сравнимой с азиатской может присутствовать только в агломерациях г. Санкт-Петербурга и г. Москвы.

- **Низкие суммы пособий по безработице** (максимальная величина пособия на 2012 год - 4900 рублей (ст. 33)) [4]. В случае хикикомори минусы социальной политики России, просто вынуждают отшельников, не имеющих родителей, способных обеспечивать их, быть социально активными – работать или добывать средства иными способами.

- **Исторический фактор.** Именуя себя «развитой» страной, Российская Федерация, однако, отличается от развитых стран Востока и Запада. Отличия эти затрагивают и социальную сферу жизни нашего общества: жизнью «в пределах своей квартиры» вряд ли может позволить себе жить среднестатистический горожанин. Заказ продуктов и другого товара по интернету или телефону – недавнее нововведение российских рынков, которое наверняка ещё вызывает сомнения у граждан. Обобщая вышесказанное, культурное и технологическое запаздывание России, также препятствует развитию острой социальной изоляции молодежи.

Однако, несмотря на все препятствия развития социальной изоляции личности, все-таки необходимо отметить зачатки ее появления. Несомненно, эти проявления далеки от хрестоматийных японских отшельников, которые годами не выходят на свежий воздух, но основные черты поведения и мотивы имеют схожесть. Русские хикикомори не имеют постоянного заработка, не ведут активной социальной жизни, их отношения с людьми редко заходят за пределы рядовых диалогов, не планируют или не хотят

иметь семьи. Их жизненный девиз можно выразить словами Метродора из Лампска (III век до н.э): «То, что находится внутри нас, более влияет на наше счастье, чем то, что вытекает из вещей внешнего мира».

В системном анализе проблемы социальной самоизоляции, видим необходимость остановиться на описании особенностей личности современных отшельников. Вспоминая высказывания А.Шопенгауэра: «Человек умный будет, прежде всего, стремиться избежать всякого горя, добыть спокойствие и досуг, он будет искать тихой, скромной жизни, при которой бы его не трогали, а поэтому, при некотором знакомстве с так называемыми людьми, он остановит свой выбор на замкнутой жизни, а при большом уме - на полном одиночестве. Ведь, чем больше человек имеет в себе, тем меньше требуется ему извне, тем меньше могут дать ему другие люди» [5, с. 40].

Таким образом, можно предположить, что хикки – воплощения самодостаточности и обладатели великих умов. Рассказывая о причинах своего добровольного заключения, хикки называют внешние факторы разной силы: «попала в аварию, пролежала 3 месяца дома», «разочаровался в людях», «подставил друг», и прибавляют: «был изгоем в школе». Многие упоминают о наличии или желании получить психологическое образование. Не имея эмпирических исследований, опираясь только на наши субъективные данные, можно предположить, что типичный российский хикикомори, представляет из себя эмотивного интроверта с недостаточно усвоенными социальными нормами. Приведем пример, высказывания человека, считающего себя хикикомори, на общественном ресурсе: *«... Первое время хотелось выбраться из этого положения, но все как то получалась так, что мне казалось, что все меня высмеивают, что я какой то не такой как все (хотя вроде не урод)), а, потом как то вся эта игра, показуха людей перед друг другом надоела и вот результат 3 года одиночества и никаких целей, желаний впереди. Из дому выхожу только утром часов в пять, чтоб купить перекусить да иногда пробежаться на стадионе. Со временем стал замечать, что мне очень трудно стало общаться с людьми, я стал каким-то заторможенным..»* [6]. Апатия, двигательная и коммуникативная заторможенность, описанные в приведенном комментарии, являются симптомами депрессии.

Из выше приведенного, можно предположить, что разрешение проблемы социальной изоляции, в условиях нынешнего развития социума, может стать ещё одной из задач, поставленных перед психологией. Как основные аспекты психики хикки, необходимость изучения которых можно поставить на первое место, можно выделить защитные психологические механизмы, степень тревожности, тип темперамента и ведущие страхи.

Литература

1. В.А. Арефьев, Л.А. Лисовенко. Англо-русский толковый словарь генетических терминов. Москва, 1995.
2. Saito, Tamaki (2012) *Social Withdrawal: Adolescence without End*. Trans. Jeffrey Angles. Minneapolis: University of Minnesota Press.

3. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B8> (Дата обращения 30.01.2013).
4. О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам финансирования мероприятий по содействию занятости населения: Федеральный закон от 10.01.2003 № 8-ФЗ [в ред. от 06.12.2011 г.] // Российская газета, 14.01.2013 г.
5. А. Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости. Минск, 1998.
6. URL: <http://yukari.org.ru/xikikomori-realnyj-vzglyad/#more-558> (Дата обращения 29.01.2013).

Артемяева Т.И.

К. психол, н., старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии Российской академии наук (ИП РАН) г. Москва, Россия

Вклад К.Д. Кавелина в создание отечественной этнопсихологии

В последние несколько лет отечественные психологи очень активно занялись разработкой проблемы менталитета. В истории отечественной психологии и истории такие попытки предпринимались еще в конце XIX века, например, П.Е. Астафьевым, И.А. Сикорским и многими другими. В процессе ее анализа они по существу пытались выявить характеристики самобытности русского народа, изучить его материальную и духовную культуру, психический склад и т.д. Следует иметь в виду, что понятие «менталитет» в науке появилось недавно. Что же касается проблематики менталитета, то она всегда присутствовала в общественной науке, но в середине-конце XIX века она выступала под другими понятиями: народная психология, образ жизни народа, национальный характер, психический склад нации, дух народа и др. В разработке этой проблематики активное участие принял и К.Д. Кавелин.

Имя К.Д. Кавелина (1818-1885) широко известно в русской дореволюционной науке как историка, философа, правоведа, психолога, который, по оценке его современников, внес огромный вклад в развитие отечественной общественной мысли, оставил значимые труды в разных направлениях своей многогранной деятельности, в том числе и в психологии. В 1846 г. в России было учреждено Русское Географическое общество (РГО). Его деятельность была активной – в нем были созданы несколько отделений, в том числе этнографическое, которое возглавлял К.М. Бэр. Его членами были Н.И. Надеждин, К.Д. Кавелин и И.И. Срезневский (40–50 гг.). Совместно с другими учеными, К.Д. Кавелин по существу являлся автором основных принципов «психологической этнографии». Уже в 1847 г. в РГО была разработана специальная программа по изучению этнографических материалов «о собственно русской стихии народонаселения

империи», по существу – психологии народа.

Занимаясь историей и правоведением, К.Д. Кавелин настаивал на тщательном изучении духовной жизни народа, полагая в этнопсихологии и народной жизни найти материал для построения теории истории. Это определяло в целом его интерес не только к народной психологии, но и к психологии вообще.

Чрезвычайно ценным является утверждение Кавелина о приоритете психологии, ее центральной роли в системе наук о человеке. По мнению К.Д. Кавелина, психология «выдвинулась на первый план, и очень понятно, почему. Она – собственно центр, к которому теперь сходятся и который предполагают все науки, имеющие предметом человека» [2, с. 365]. Он аргументировал свой взгляд следующим образом: «Сравнивая однородные явления и продукты духовной жизни у разных народов и у одного и того же народа в различные эпохи его исторической жизни, мы узнаем, как эти явления изменялись, и подмечаем законы таких изменений, которые в свою очередь служат материалом для исследования законов психической жизни. Все науки подготавливают, таким образом, материал для психологии, и от степени совершенства его выработки зависит большая или меньшая положительность психологических исследований» [2, с. 674].

Его идея о высокой оценке психологии, признании ее центральной роли в системе знаний о человеке получила продолжение в середине XX века в работах Б.М. Кедрова (1903-1985), который предложил модель построения современного научного знания в виде «треугольника наук» (естественных, общественных и философских наук), охватываемых в их совокупности материалистической диалектикой [4]. В этой системе наук о человеке психологии отведено центральное место.

Аналогичные положения высказывали Ж. Пиаже, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов. Таким образом, Кавелина можно считать провозвестником принципиально новой и плодотворной идеи.

Создание в рамках Русского Географического общества «психологической этнографии» имело особое значение для исследования общего положения дел в России. Е.А. Будилова акцентирует внимание на том, что, по сравнению с другими странами, Россия была первой страной, где был поставлен вопрос о создании такой новой науки, тем самым опередив другие страны, в которых в 70-е гг. XX века развивались аналогичные направления. Они были представлены работами Г. Спенсера, Э. Тейлора, Д. Леббока и других ученых.

К.Д. Кавелин предложил свою оригинальную программу изучения психологии народа в целом на основе изучения отдельных его психических свойств в их взаимосвязи. По его мнению, народ представляет такое же органическое существо, как и отдельный человек. Он писал: «Начните исследовать отдельные его нравы, обычаи, понятия. И остановитесь на этом, вы ничего не узнаете... Умейте взглянуть на них в их взаимной связи, в их отношении к целому народному организму, и вы подметите особенности, отличающие один народ от всех прочих» [3, с. 42]. В связи с этим,

важнейшая из задач исследования – это выделение уникальных и отличительных признаков того или иного народа (в данном контексте – русского), выявление уникальных особенностей, специфичных и характерных именно для русского народа и отличных от тех, которые могут быть свойственны другим народам. Решение этой задачи было необходимым звеном в понимании самобытности народа, его национального характера, а также психического склада нации.

Вклад К.Д. Кавелина в развитие этнопсихологии состоит и в том, что ряд выдвинутых им идей относительно развития этнопсихологической науки опережали свое время. К ним относится идея создания нового метода исследований. Он предложил и обосновал значение метода «психологического исследования духовной стороны человека по продуктам духовной деятельности – памятникам культуры, верованиям, фольклору» [1, с. 115]. Эта идея Кавелиным была высказана намного раньше В. Вундта, который аналогичные идеи положил в основу созданной им психологии народов (1910). Приоритетность Кавелина в разработке данного направления подчеркивала Е.А. Будилова.

К.Д. Кавелин считал, что слово и речь, сочетание звуков, художественные произведения, наука, обычаи и верования, материальные продукты, гражданские и политические уставы, памятники исторической жизни, словом, все это служит материалом для психологических исследований; все эти составляющие характеризуют психологию народа, его национальный характер.

В истории психологии отмечается, что в этнографическом отделе Русского Географического общества в конце 40-х гг. XIX века было положено начало новой отрасли знания – народной психологии, в создании которой заметную роль сыграл К.Д. Кавелин. Уже в 1847 г. по всей России начался сбор материалов в соответствии с созданной в РГО программой, а в 1850 г. К.Д. Кавелин сделал первый обзор собранного материала.

Но в целом, анализируя полученные материалы, К.Д. Кавелин дает им положительную оценку. За три года было получено около 500 номеров описаний из всех регионов России. По его словам, богатство и разнообразие полученных материалов просто поражали. Они охватывали все стороны народного быта: описание известных местностей, целых племен, например, малороссиян, белорусов или же губерний, уездов, приходов, волостей, городов и сел. Эта информация составляла первую группу материалов. Во вторую группу включались материалы, относящиеся к какому – то отделу этнографических описаний или к нескольким отделам вместе. По своему содержанию это были монографические описания. Некоторые из этих материалов представляли местные словари; другие – сказки и песни; третьи – пословицы; четвертые – приметы, поговорки, народные праздники и т.д. Особенно богат он был сведениями о свадьбах, приметах. Но, как отмечает К.Д. Кавелин, достоинство материалов было неодинаковым. Однако, все описания были составлены тщательно, подробно, быт народа был описан во всех отношениях. По его мнению, эти материалы имеют особую важность в

историческом отношении, поскольку в них звучал голос отдаленной старины. Приведенные в них примеры поясняли данные письменных памятников (о судах, о пирах и братчинах, о пирровых старостах).

В результате анализа был сделан общий вывод: полученные материалы важны в историческом отношении, поскольку они отражали многие подробности быта, помогали лучше понять старину, и благодаря приведенным в них примерам позволяли уточнить указания письменных памятников, без этого совершенно непонятных.

В заключение следует подчеркнуть, что вклад К.Д. Кавелина в создание отечественной этнопсихологии состоит в том, что им (при участии других ученых) была сформулирована и реализована новая для науки того времени идея о создании этнопсихологии в рамках Русского Географического общества. Значимость этой идеи состояла в том, что этнопсихологические исследования помогут выявить особенности духовной жизни народа, его культуру, национальный характер. Им была составлена собственная программа обширных исследований, которые по существу изучали психологию народа, охватывая комплекс вопросов, раскрывающих такой сложный феномен как психический склад нации, особенности образа жизни народа. Как уже отмечалось, Кавелин был первым, кто предложил метод психологического исследования духовной стороны человека на основе анализа продуктов духовной деятельности, к которым он относил памятники культуры, фольклор, верования и т.п. Говоря современным языком, предложенный им метод – это метод психологической реконструкции прошлого. В тех условиях он не был реализован из-за критики его И.М. Сеченовым, но в настоящее время успешно используется историками психологии в их исследованиях. Кавелиным впервые была высказана принципиально новая, плодотворная идея о приоритете психологии, ее центральном месте в системе знаний о человеке.

Литература

1. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
2. Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 3. Спб., 1900.
3. Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 4. Спб., 1900.
4. Русская философия. Энциклопедия. М., 2007.

Психобиографические исследования И.А. Сикорского

В истории психологии заметно проявляется интерес к психобиологическому направлению исследований. По своему содержанию психобиологические работы нацелены на психологические исследования жизненного пути исторических личностей, на жизнеописание, историю жизни личностей конкретных исторических эпох на всем протяжении их жизненного пути. Упор в таких жизнеописаниях делается, прежде всего, на психологической составляющей, на написании психологического портрета, на раскрытии творческих характеристик личности. В значительной своей части психобиографический анализ реализуется в жанре патографий. Особенно эта линия исследований характерна для зарубежной психологии.

И. Сироткина пишет: «Исследователю патографии важно знать, кто были ее авторы, – образовывали ли они однородную группу, принадлежали к определенной профессии, какие цели преследовали, – и как проект патографии был связан с другой их деятельностью. Необходимо прояснять контекстуальный смысл патографий, который не исчерпывается стремлением их авторов к социальному контролю. Так, утверждение Мебиуса, в действительности было направлено в адрес биографов и литературных критиков. По мнению Мебиуса, не будучи врачами и не разбираясь в психиатрии, они преувеличивали психологические проблемы объектов своего внимания [3, с.7]. Для того чтобы опровергнуть неверные, с точки зрения Мебиуса, диагнозы знаменитостей, он и обратился к патографии.

Жанр патографии получил распространение в конце XIX-начала XX вв., его родоначальником был П.Ю. Мебиус. Как пишет И. Сироткина, его интересовали болезни знаменитых личностей, и он сам написал несколько биографий (Гете, Шумана и Шопенгауэра). Главным для него был вопрос, какое влияние на их творчество оказали их недуги, реальные или предполагаемые. «Такой нетрадиционный медицинский поворот биографического жанра Мебиус назвал патографией» [3, с. 5].

Позже возникло особое направление психобиографических исследований. Говоря о истории развития этого направления, историки главным образом ссылаются на Зигмунда Фрейда, который в 1921 г. издал психоаналитическое жизнеописание, которое было посвящено личности Леонардо да Винчи.

В России в начале 1890-х гг. П.И. Ковалевский опубликовал первую патографию, в которой изложил свой взгляд на болезнь Ивана Грозного. К психобиографическим исследованиям можно отнести и работы И.А. Сикорского (1842 /43 – 1919) – крупного специалиста в области психологии

личности. Он опубликовал большое количество статей, раскрывающих жизнеописание многих выдающихся личностей, дал тонкий анализ психологическим факторам их жизни и творчества. Среди них есть статьи, которые непосредственно посвящены ученым, известным в российской и мировой науке, а также писателям, например, Н.В. Гоголю. Ознакомление с рядом его статей позволяет сделать вывод о том, что он был блестящим мастером психологического портрета. В качестве иллюстрации можно привести его статью, опубликованную в память об Иване Михайловиче Балинском (1827 -1902). Самое общее впечатление, которое создается при прочтении статьи, – это глубокое проникновение, всестороннее понимание и высокая оценка необыкновенной личности И.М. Балинского.

Сикорский всегда выделял в личности три стороны: ум, чувство и волю как наиболее главные и определяющие. Такой подход осуществлен им и при характеристике личности Балинского. Он пишет, что Балинский отлично знал не только психиатрию, но был знаком и с психологией, анатомией и физиологией мозга соответственно своему времени. Склад ума в сочетании с психологической и психиатрической проницательностью сделали Балинского редким знатоком человеческой души. Он обладал блестящим умом, острой логикой и редкой проницательностью, что проявлялось во всей его деятельности. Его лекции отличались от лекций других преподавателей. Они представляли собой ряд живых, талантливых, внезапно построенных концепций, поражавших слушателя своей яркостью, отчетливостью и творческой законченностью. В оценке Сикорского «он обладал той врожденной талантливостью и остротой ума, которая делала его несравненным аналитиком в сложнейших и запутанных вопросах психологии и психической патологии» [1, с. 49]. От природы Балинский обладал необыкновенной чувствительностью, отзывчивостью и нравственной чуткостью, дополненными прекрасным образованием и знакомством с изящной литературой. Интерес представляет мысль Сикорского о влиянии на его натуру родовых способностей. Если в отношении умственного склада он унаследовал свойства своих предков – отца и деда по материнской линии, то в его чувствах сказывались все основные лучшие качества польского племени [1, с. 51). Сикорский пишет, что его тонкая художественная натура была соткана из самых возвышенных, самых нежных качеств польского племени. Его пылкая благородная душа всегда горела огнем чувства, всегда стояла в полном вооружении на высокой службе чести и долга. Как говорил сам Балинский, для больных он был другом и слугой, и это признание говорит об особых его личностных качествах. Он жил с ними и среди них в самой клинике душевнобольных – среди этого кладбища человеческой мысли и воли. Чувства заботы, сострадания к больному были для Балинского неотъемлемыми, обнаруживая неподражаемую, часто творческую изобретательность в том, чтобы найти оптимальный выход из негативного положения, в котором находился больной. Высокие нравственные качества Балинского оказывали мощное воздействие на сослуживцев, поднимая их на более высокий нравственный уровень. Балинский был прямодушным

человеком; он открыто признавал свои ошибки, и о них «говорил спокойно, с ледящей душу беспощадной объективностью». И.А. Сикорский дает характеристику отношения Балинского к себе самому, подчеркивая при этом, что к себе он относился с такой нравственной строгостью и взыскательностью, что, по выражению Сикорского, это был единственный пункт его души, в котором он был несправедлив.

Сикорский пишет, что его редко можно было видеть в состоянии средних или слабых настроений духа; чаще всего он был настроен возвышенно, и это настроение придавало особенный отпечаток благородства и величия его скромной, тщедушной холерической фигуре, всегда энергичной, всегда светившейся внутренним огнем. Сикорский подчеркивает, что он обладал большой силой воли, необыкновенной способностью владеть собой, по временам, глаза горели негодованием, когда Балинский был возмущен чем-либо нравственно недостойным. Он был также способен проявлять глубочайшую любовь, сочувствие и нежность, которые производили чарующее впечатление, успокоительное влияние на души больных.

Психологический портрет Балинского, созданный «кистью» Сикорского, представлен ярко и многогранно. Сикорскому удалось талантливо и убедительно высветить многообразные грани этой выдающейся личности и показать их реализацию в его реальной жизни и деятельности. При чтении любой работы Сикорского, касающейся характеристик личности, очевидна его высокая аналитическая способность, меткий и выразительный язык, умение выявить личностные качества в их широком диапазоне

Итак, говоря о Балинском, Сикорский отмечает такие его характеристики, как «острота логики», «редкая проницательность», способность анализа «сложнейших и запутанных вопросов психологии и психической патологии» и др. Описывая сферу чувств Балинского, Сикорский подчеркивал, что он от природы был наделен необыкновенной чувствительностью, эмоциональной выразительностью. Кроме того, он обладал большой силой воли, необыкновенной способностью владеть собой. Особое внимание уделено им нравственным характеристикам Балинского, к которым относятся отзывчивость, «нравственное чутье», развитые чувства чести и долга, нетерпимость ко всему «нравственно недостойному», доброта, эмпатия.

Несколько в ином ракурсе И.А. Сикорский «рисует» для читателя портрет Н.В. Гоголя, исходя из психологических приемов его творчества, выделяя самые характерные черты этого процесса. 10 апреля 1909 г. в университете св. Владимира (в Киеве) И.А. Сикорским была произнесена речь, посвященная столетнему юбилею Н.В. Гоголя. И.А. Сикорский говорил о том, что «Все его создания представляют собою плод не только художественного чутья, но и сознательной психологической преднамеренности. Едва ли кто из писателей, не исключая и Достоевского, в такой мере, как Гоголь, останавливался над изучением человеческой души для целей всестороннего, т.е. художественного, нравственного и здравоохранительного расследования» [2,

с. 1]. Можно предположить, что это научное издание – Университетские Известия – не имело широкого распространения и поэтому, к сожалению, не очень хорошо известно психологам. Как отмечает Сикорский, художественный материал, который был использован Гоголем при написании его произведений, не только позволял исследовать конкретные вопросы, но и создавал возможность положить «угловые камни для будущего здания общей художественной психологии». Представляется, что эта мысль имеет особое значение, поскольку в ней в имплицитной форме отражается потенциальная возможность использовать художественные произведения психологами для получения глубоких психологических знаний в отношении природы человека и его поведения, выявлять психологические механизмы различных состояний. Сикорский подчеркивает, что «при изучении и описании конкретных психологических состояний всякий психолог по призванию найдет у Гоголя материал неизмеримой ценности. И этот материал приготовлен Гоголем уже 70 лет тому назад!» [2, с. 1].

Чем характеризуется психологический анализ Гоголя в интерпретации Сикорского? Прежде всего, он отмечает полноту анализа, который основывается на многих признаках: во-первых, характеризуя душевные качества своих героев, Гоголь дает исчерпывающее описание внешних или антропологических особенностей субъекта. Сикорский пишет: «В описаниях Гоголя, как и Шекспира, исчислены внешние особенности, наружные знаки дегенерации, ярко отмечены особенности темпераментов и черты физиогномии, и даже не забыта оценка степени, силы и быстроты движений, словом – внешность и физиогномика индивидуальности представлена полностью»... Особенно удивительно то, что Гоголь был способен описать, как отмечает Сикорский, расовые признаки племен, «населяющих Россию, как будто художник знаком с взглядами и терминологией современных антропологических трактатов» [1, с. 2].

Во-вторых, Сикорский обращает особое внимание на характеристики ума, чувств, воли, которые писатель всегда выделяет, чтобы более объемно и выпукло обрисовать тот или иной персонаж. Другими словами, он характеризует свойства ума своего героя, показывает разностороннее проявление конкретных чувств, степень их выраженности, подчеркивает волевые особенности, а затем, соотнеся эти качества и свойства, он представляет тип личности в целом. При описании Гоголем сложных чувств его персонажей «поражает необыкновенная пластичность и наглядность в обрисовке душевных движений и особенная, свойственная одному только Гоголю, меткость в подборе кратких формул и терминов» [там же].

В-третьих, Гоголь по существу ставит вопрос о соотношении внешнего и внутреннего в личности и раскрывает их диалектику. Сикорский пишет: «Если к этому добавить, что Гоголь обязательно указывает и на самое происхождение душевных качеств, т.е. на прирожденность их или на их зависимость от внешней среды или, наконец, на их зависимость от дурных нравственных навыков описываемого субъекта, то, таким образом становится очевидным для читателя весь *нравственный формуляр* (выделено Н.В.

Гоголем) человека» [1, с. 2-3]. В качестве наглядного примера Сикорский обращается к персонажу Гоголя – Плюшкину, у которого отмечается такой дегенеративный физический признак как прогнатизм (подбородок у него выступал далеко вперед). Этот недостаток «сочетался» у него с природной односторонностью характера: Плюшкину нельзя было отказать в уме, но чувства его были слабы, не отражались на лице и не занимали существенное место в структуре его личности и в жизни в целом. Гоголь показывает читателю, что на основе некоторых природных неправильностей, которые были от рождения у Плюшкина, в физическом и душевном складе, в дальнейшем сформировались основные пороки его души. Как пишет Сикорский, Плюшкин «опошлел под действием трех начал: природной неправильности душевного склада, семейных несчастий гнетущего характера и неправильной жизни, сосредоточенной на узких материальных интересах» [1, с. 3]. Говоря об описаниях личности Гоголем, он отмечает, что в них чувствуется *сознательность психологического анализа* и он всегда ставит ряд вопросов, помогающих понять личность: 1) каким человек вышел из рук природы, 2) каким он затем стал, 3) что именно сделало его таким. Сикорский подчеркивает, что для Гоголя характерно стремление поставить «прогноз и найти лекарство против изображенного им нравственного зла...стремление распознать и исцелить душу...создать диагностику и самую терапию нравственного зла.

К этому Гоголь добавляет и другие вопросы, а именно вопрос о сущности нравственной порчи человека и о средствах исцеления, испытанных на самом себе. По мнению Сикорского, таким средством является гоголевский юмор, который состоит из комбинации «видимого смеха и невидимых миру слез». «Своим художественным орудием Гоголь стремится вызвать в душе читателя стыд и при помощи этого нравственно-спасительного средства уберечь человека от тонких сетей порока. В этом удивительном сопоставлении двух борющихся чувств – смеха и стыда, Гоголя едва ли кто превзошел не только у нас, но и у других народов» [1, с. 5]. Гоголь проводит тонкий анализ различных степеней упадка чувства стыда и показывает ничтожность, мелочность, гадость или, «говоря единым психологическим термином, – пошлость». Сикорский поясняет, что пошлость – это утрата чувства стыда; отсюда происходят такие термины как пошлая личность, пошлый субъект, пошлая физиономия, под которой понимается экспрессия лица, в котором недостает оттенка стыда. Это понятие стыда в описаниях Гоголя несет огромную психологическую нагрузку: понижением стыда знаменуется начинающаяся атрофия всех высших чувств...В упадке стыда уже содержится, в гомеопатической дозе, вся будущая подлость человека. И Гоголь прибегает к осмеянию начинающейся пошлости, «чтобы тем предохранить от упадка чувство стыда и совести». «Таким образом, в изображениях Гоголя, пошлость рисуется как атрофия чувства стыда и как психологическое понижение человека до уровня животного, которому доступно только чувство виновности» [1, с. 7]. Согласно Гоголю, чувство стыда есть

показатель для оценки нравственного уровня человека – его высоты или его деградации.

Чувство юмора у Гоголя характеризуется тем, что в свою речь он вводит массу умственных курьезов, тонкостей, замысловатых оборотов и загадок, тем самым возбуждая интеллектуальное чувство и восприятие читателя. Именно эти приемы и создают у читателя возможность понимания умственных тонкостей, которые вызываются стыдом.

Сикорский отмечает, что творчество Гоголя главным образом адресовано той части общества, члены которого – обыкновенные, средние люди, их большинство, и они более других нуждаются в нравственном попечении. На основе анализа гоголевского психологического материала, Сикорский разделяет этих людей на две части. «Одна часть – это субъекты малоодаренные во всех отношениях, т.е. в отношении воли, чувства и ума, как Петрушка, Селифан, Коробочка. Таких вообще немного. Другие, которых большинство, одарены отличной волей и обладают недюжинным умом своей расы. Но у них слабо развиты чувства и на первом плане – чувство стыда. Это важное для нравственного самосохранения чувство легко стирается в душе и слабеет, и тогда человек утрачивает свою нравственную проницательность. Таковы именно настоящие гоголевские герои. С утратой или понижением нравственной проницательности человек впадает в своего рода дальтонизм и начинает делать нравственные ошибки в жизни. И только сделавши крупную ошибку (мелкие уже тогда проходят незаметно), человек исправляется, видя своим умом последствия. Жизнь человека обращается, таким образом, в серию ошибок и поправок: человек быстро падает и медленно поднимается, по выражению новейшего писателя, снова быстро падает и вновь медленно поднимается и т.д. Прямая дорога человека, его прямое призвание при этом неминуемо страдают и человек, как личность, хиреет и понижается» [1, с. 9].

Отмечая в качестве главной задачи, которую ставил Гоголь, его попытку диагностировать и исцелять «часть нравственно хиреющего человечества», Сикорский пытается выявить этапы этого процесса. В качестве первого этапа на этом пути он выделяет попытку писателя восстановить главнейший душевный нерв в человеке, т.е. чувство стыда. «Насмешка над пороком, обнажение зла, пристыжение человека посредством смеха явилось в руках Гоголя целительным приемом» [там же].

По признанию самого Гоголя, он имел дар знать и видеть человеческую душу так же легко, «как видится всякий внешний предмет». Именно эта способность давала ему силу и прозорливость в понимании зла и жизни общества в целом, позволяла художественными средствами бороться с нравственными пороками.

Представляется важным заметить, что Сикорский выражает глубокое сожаление по поводу того, что русское общество не нашло необходимой проницательности и силы, чтобы «поддержать и охранить великого целителя душ с его нежнейшей душой и хрупким телом»; оно не научилось защитить его или, как сказал Аксаков по поводу смерти М.Д. Скобелева, в гибели

великих людей «виновны мы все, виновно русское общество, которое еще не научилось охранять своих великих людей, потому что великие люди нуждаются в житейском о себе попечении, как дети» [1, с. 11]. Психологический анализ творчества Гоголя Сикорский заканчивает призывом отнестись чрезвычайно внимательно к великому человеку, разгадать загадку его души, понять и оценить его величие. Этот призыв был сделан более века тому назад, но и сегодня он остается актуальным. Хотелось бы специально подчеркнуть, что прочтение работ И.А. Сикорского, посвященных отдельным выдающимся личностям, всегда поражает тонкостью и глубиной психологического анализа и создает впечатление незаурядности и величия личности его самого. Причем, следует отметить, что в отличие от психоаналитического подхода, Сикорский обращается к медико-клиническому методу, не рассматривая личность только в каком-то одном измерении, а анализирует ее на всем протяжении жизненного пути, делая упор на раскрытии психологических составляющих.

Литература

1. Мержеевский И.П. и др. Иван Михайлович Балинский. Киев, 1902.
2. Сикорский И.А. Психологическое направление художественного творчества Гоголя. Киев, 1911.
3. Сироткина И. Классики и психиатры. М., 2009.

Гаврилович А.А.

*Старший преподаватель кафедры психологии развития
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
г. Брест, Беларусь*

К проблеме возрастных особенностей страхов у школьников

В ситуации социальной нестабильности на современного ребенка обрушивается множество неблагоприятных факторов, способных не только затормозить развитие потенциальных возможностей личности, но и повернуть процесс ее развития вспять. Проблема детских страхов, несмотря на достаточную изученность, не только не теряет своей актуальности в наши дни, но даже обостряется в связи с масштабными изменениями в общественно-политической и экономической жизни не только взрослых, но и детей. Ребенку сегодня приходится бороться с такими страхами, каких не испытывали его сверстники XX века: их вызывают, в частности, сюжеты фильмов ужасов, персонажи компьютерных игр, серийные убийцы, боевики со сценами насилия и убийствами, ежедневные сообщения о террористических актах в средствах массовой информации. Исследование детских страхов как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе обусловлено пониманием важности того, насколько сильно эмоциональные нарушения у детей влияют на формирование личности ребенка, а также на

нормальное протекание его психических процессов (В.К. Вилюнас, В.В. Зеньковский, А.И. Захаров, П. Поппер, Й. Раншбург и др.).

Наша работа была направлена на изучение выраженности и содержания страхов у школьников разных периодов онтогенеза.

В организованном нами исследовании, которое осуществлялось на базе ГУО «Средняя школа № 29 г. Бреста», для диагностики страхов применялся опросник «Виды страха» (И.П. Шкуратовой), для выявления возрастной динамики страхов использовалась методика «Свободное описание страхов» (СОС), разработанная В.В. Ермаком. Выборку составили учащиеся 12–13 лет ($n = 25$) и 15–16 лет ($n = 39$). Критерии отбора для участия в исследовании не вводились.

Результаты эмпирического исследования с использованием методики «Виды страха» позволяют сделать следующие выводы: наиболее выраженным у подростков и старших школьников оказался страх смерти близких людей ($\Sigma = 78$ баллов и $\Sigma = 90$ баллов соответственно). Интересным является тот факт, что общий уровень страха собственной смерти в группе подростков – средний с тенденцией приближения к высокому ($\Sigma = 59$ баллов), а в группе старшеклассников – более низкий ($\Sigma = 32$ баллов). В зарубежной психологии этому явлению находят следующее объяснение: в 12–15 лет детские механизмы отрицания перестают быть эффективными и вновь появляется выраженный страх смерти. Наличие базовой тревоги ведет к появлению страха смерти, что является нормальным в психическом развитии ребенка. Мы склонны находить объяснение в специфике подросткового возраста, связанной с физиологическими (гормональными) перестройками, общей впечатлительностью и эмоциональностью подростков, с одной стороны («подростковый комплекс эмоциональности») [1, с. 80]. С другой стороны, можно предположить, что страх собственной смерти непосредственным образом воздействует на образ формирующегося тела и его восприятие ребёнком (смерть может исказить это новое тело). Невысокий балл по всей выборке старшеклассников указывает на то, что современная молодёжь разумно относится к такому феномену жизни как смерть. Кроме того, мы соотносим этот факт со специфическими характеристиками данного возрастного периода, а именно с юношеским максимализмом.

Следующей по выраженности у подростков представлена группа учебных страхов: страх наказания родителями за неуспеваемость ($\Sigma = 69$ баллов); страх получить плохую оценку ($\Sigma = 62$ балла), страх перед вызовом отвечать у доски ($\Sigma = 59$ баллов). Поскольку величина страха определяется величиной негативных последствий устрашающего события для личности и его вероятностью, то можно утверждать, что эти страхи являются у подростков постоянно присутствующими и ярко выраженными. В то же время в группе старшеклассников перечисленные страхи выражены не столь ярко. Высокие баллы получили такие страхи как страх одиночества ($\Sigma = 68$ баллов) и страх предательства со стороны друзей ($\Sigma = 69$ баллов). Подобная ситуация объяснима посредством тех закономерных процессов, которые осуществляются по логике развития на данном этапе, а именно:

открытие внутреннего мира, независимость от родителей, поиск и выстраивание отношений со значимым Другим (подтверждающим собственное Я).

Для обобщенного анализа страхов, все они были объединены в группы в зависимости от источника: фобии; учебные страхи; социальные страхи; криминальные страхи; мистические страхи. Поскольку группы страхов включали разное количество пунктов, для сопоставления их выраженности в двух группах были высчитаны средние значения.

Наибольшую выраженность у современных школьников имеют социальные страхи: в группе старшеклассников $M = 15,9$ в группе подростков $M = 14,8$. Второе место у подростков занимают мистические ($M = 12,5$) и учебные страхи ($M = 12,4$). У старшеклассников на втором месте находятся фобии ($M = 9,9$), а третье место делят учебные и криминальные страхи ($M = 9,5$).

Данные свидетельствуют о том, что подростки более предрасположены к переживанию всех видов страха. Эти различия можно объяснить процессами созревания и развития на всех уровнях психической реальности (начиная от когнитивного созревания, завершая процессами социального взросления).

Оценка значимости различий в выраженности страхов у школьников 1 и 2 группы осуществлялась посредством t – критерия Стьюдента. Зафиксированы статистически значимые различия между подростками (группа 1) и старшеклассниками (группа 2) по степени выраженности социальных и мистических страхов. Так, достоверно выше (при $p \leq 0,05$) уровень мистических страхов у подростков (группа 1), достоверно ниже – у старшеклассников ($t_{\text{эмп.}} = 2,956$; $t_{\text{крит.}} = 1,960$). В то же время достоверно выше уровень социальных страхов у старшеклассников, достоверно ниже – у подростков ($t_{\text{эмп.}} = - 2,960$; $t_{\text{крит.}} = 1,960$).

Для выявления возрастной динамики страхов испытуемые опрашивались о страхах, которые они переживали в прошлом, наиболее выражены в настоящее время, и чего они опасаются в будущем. Обработка методики «Свободное описание страхов» осуществлялась с помощью контент-анализа по шкалам, повторяющим таковые в предыдущей методике.

В результате можно констатировать, что детство оказывается представленным в основном фобиями, которые с возрастом убывают. Напротив, социальные страхи, связанные с отношениями с окружающими людьми, нарастают, причем подростки считают, что в будущем эти страхи выйдут на первый план. Увеличивается и количество учебных страхов в будущем у старшеклассников, что объяснимо реальными предстоящими событиями (экзамены, поступление в вуз и т.д.). В то же время школьники практически не выражают никаких волнений по поводу возможности стать жертвой криминального поведения других людей, действий потусторонних сил.

Таким образом, полученные результаты позволяют участникам учебно-воспитательного процесса рационально выстраивать профилактическую

работу по предупреждению развития страхов на разных этапах школьного обучения. С другой стороны, полученные результаты раскрывают непосредственную область (мишень) воздействия при осуществлении коррекционной и реабилитационной работы с подростками и старшеклассниками для педагога – психолога. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с изучением существующей взаимосвязи между страхами и иными поведенческими проявлениями (например, нейротизмом, эмоциональной неустойчивостью, интровертированностью – экстравертированностью).

Литература

1. Фридман Л.М. Психология детей и подростков. Справочник для учителей и воспитателей. Москва, 2003.

Газизова У.В., Хабибрахманова Р.Ф.

студенты факультета истории и юриспруденции

*Казанский (Приволжский) федеральный университет (филиал в г.Елабуга),
г. Елабуга, Россия*

Образ мира у детей подростков из неполных семей

В психологии принято считать, что образ мира является основой успешной адаптации и адекватного взаимодействия человека с миром. Особенно актуальна данная проблема сегодня в условиях неопределенности, кризисов, которые все чаще сотрясают наше общество. В сложившихся условиях развития и функционирования общества страдает одна из важнейших подсистем социальной структуры – семья.

Официальные статистические данные свидетельствуют о непрочности института семьи в России. Только за первый квартал 2010 года на 185969 браков пришлось 153 406 разводов, что составляет более 80% всех официальных отношений [1, с. 45]. В стране постоянно увеличивается число детей, рождающихся и воспитывающихся в неполных семьях.

Проблема образа мира детей и подростков из неполных семей остается недостаточно изученной и требует более пристального внимания специалистов. Подростки из неполных семей считаю, что жизнь к ним несправедлива. Являясь жертвами неблагоприятных условий социализации, подростки стремятся привлечь внимание и помощь окружающих, прибегая к различным манипуляциям.

Одна из основных характеристик человека, который находится в социальной роли жертвы – наличие стигмы (от греч. stigma –клеймо, пятно [3, с. 286]. В современном понимании стигма – это социальный атрибут, который определяет человека или социальную группу. Ярлыки, которые присваивает общество различным социально незащищенным группам (к их числу относится неполная семья), существенно влияет на поведение их членов (детей и подростков). Мы провели исследования среди небольшой

группы подростков (12-14 лет) из полных и неполных семей по двум методикам, которая состояла из 44 человек (23 ребенка из полных семей, 21 – из неполных). Данные исследования проводились в школе № 9 по месту жительства в г. Елабуга.

Цель нашего исследования - выявить специфику образа мира подростков из неполных семей, являющихся потенциальными жертвами неблагоприятных условий социализации. Изучить установки поведения и методы воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом возрасте.

Для реализации указанных целей нами были поставлены задачи: провести анализ образа мира современных подростков из неполных и полных семей; охарактеризовать воспитательное воздействие родителей на детей.

Для изучения образа мира, отношения с родителями испытуемых и их поведенческих особенностей нами была использована проективная методика «Образ мира» (вариант, основанный на авторской проективной методике «Путешествие внутрь себя» [4] и опросник "Поведение родителей и отношение подростков к ним", который создан Шафером в 1965г [2, с. 640-649].

В ходе проведения первой методики испытуемым была дана следующая инструкция: « Представьте себе образ мира. Первый образ, который пришел вам в голову, - самый верный. Остановите свое внимание на нем. Рассмотрите его в своем воображении и нарисуйте. Художественные навыки значения не имеют. Опишите свой образ мира. Что это или кто это? Как он выглядит? Что чувствует ваш образ мира? О чем думает? О чем мечтает?».

Перед началом тестирования по опроснику дана была задача оценить, исходя из собственного опыта, какие положения более всего характерны для их родителей.

Длительность проведения методик составила 60-70 минут.

При интерпретации результатов первой методики, следует обратить внимание на цвет рисунка. Принято считать, что чем световая гамма рисунка теплее, тем более положительное эмоциональное состояние свойственно подростку, черно-белые тона или простая штриховка одним цветом говорят о негативных состояниях или переживаниях. Интересно то, что в нашем исследовании подростки были обеспечены всем необходимым инструментарием (карандаши, фломастеры), однако воспользовались ими лишь немногие.

Для сравнения образа мира наших испытуемых мы сопоставили их рисунки по цветовой гамме. Цветовая гамма рисунка зависит от переменного «состава семьи». Подростки из полных семей видят мир в более позитивном, ярком, красочном свете.

У 71,5% подростков из неполных семей образ мира в основном серый либо серно-белый, рисунки без "размаха", очень простые и стандартные. Только 6 рисунков (28,5%) были сделаны в цветовой гамме. Среди подростков из полных семей цветных рисунков значительно больше (67 %), а остальные рисунки (33%) были черно-белыми.

Подростки изображали на своих рисунках себя одиноко играющих на песке возле моря, пасмурную погоду, дремучий темный лес с большими воронами, так же большинство мальчиков рисовали военные действия, большие грузовые машины, ужасающих роботов и т.д.

На 60% рисунков, выполненных подростками из неполных семей, и в их описании («что чувствует образ мира»?) четко выделяются отрицательные эмоциональные переживания. При этом на 32% рисунков обнаруживаются признаки агрессии (вымышленные животные с острыми клыками и зубами, вооруженные люди).

У подростков из полных семей образ мира более разнообразный. На 9% рисунков сквозят негативные эмоции (грусть, страх, усталость, равнодушие, сожаление). На 52% рисунков выделены позитивные эмоциональные переживания из полных семей (радость, внутренняя свобода, уют, любовь к своему миру и т.д.). При этом подростки рисуют свою дружную семью как символ образа мира или планету, охваченную и поддерживаемую многочисленными руками людей (6%).

Не обнаружено ни одного рисунка семьи как символа образа мира в группе подростков из неполных семей. В основном подростки ограничивают свой образ мира многочисленными вещами, автомобилями, природными явлениями самого различного свойства.

На одном из рисунков (формально это полная семья) изображена мама и отчим в виде робота. Рисунок черно-белый; несмотря на то, что подросток находится в спокойствие, его рисунок отличается агрессивностью. Чужой человек в семье, создающий иллюзию полной семьи, не всегда благоприятно влияет на эмоциональный комфорт детей и подростков.

Можно сделать вывод, что образ мира как отображение объективной реальности, в которой живет и действует подросток из неполной семьи и субъективной реальности, неразрывно, связанной с происходящими событиями, отличается примитивностью, излишней простотой и стандартностью, он воспринимается как серый либо черно белый. В нем представлены и позитивные, и негативные характеристики.

Вторая методика базируется на положении Шафера о том, что воспитательное воздействие родителей (так, как описывают дети) можно охарактеризовать при помощи трех факторных переменных: принятие - эмоциональное отвержение, психологический контроль - психологическая автономия, скрытый контроль - открытый контроль.

Эмоциональное же отвержение рассматривается как отрицательное отношение к ребенку, отсутствие к нему любви и уважения, а порою и просто враждебность. Понятие психологического контроля обозначает как определенное давление и преднамеренное руководство детьми, так и степень последовательности в осуществлении воспитательных принципов.

Отношения подростков с родителями оцениваются по следующим шкалам: шкала позитивного интереса (уровень необходимости в помощи и поддержке родителей), шкала директивности (уровень ответственности за все что делает и будет делать ребенок), шкала враждебности (уровень

агрессивности и чрезмерной строгости в межличностных отношениях), шкала автономности (уровень диктата, полного упоения властью, некоторой маниакальности в отношении с детьми), шкала непоследовательности (уровень чередования психологических тенденций таких как, господство силы и амбиций, деликатность и недоверчивая подозрительность).

По шкале позитивного интереса у 66% девочек и у 53% мальчиков измеряемое качество выражено вполне отчетливо.

По шкале директивности у 49% девочек - норма и у 34% мальчиков - слабо выражено.

По шкале враждебности у 64,5% девочек и у 42% мальчиков - слабо выражено.

По шкале автономности у 58% девочек - измеряемое качество выражено отчетливо и у 33,7% мальчиков - норма.

По шкале непоследовательности у 78,4% девочек - норма, у 35% мальчиков - слабо выражено.

Результаты теста позволяют судить о том, что отношения родителей с подростками непоследовательны. Этому сопутствует ряд причин: трудности на работе, конфликты с трудовым коллективом, бытовые проблемы, настроение, финансовые трудности и т.д.

Мы предлагаем следующие рекомендации по работе с подростками из неполных семей:

1. Несмотря на некоторое настороженное отношение психологов к проективным методикам, они становятся все более популярными. Позволяют глубже раскрыть переживания, состояния и внутренний мир детей и подростков. Методика "Образ мира" оказалась весьма эффективной, так как пробудила особый интерес подростков к своему собственному миру и к миру другого человека. Таким образом, эти занятия могут быть рекомендованы для работы психолога с подростками различных образовательных учреждений в целях коррекции их негативных эмоциональных состояний.

2. Кроме этого следует рекомендовать педагогам и психологам обратить более пристальное внимание на подростков из неполных семей. При этом поддерживающие мероприятия не должны носить характер опеки, выражающийся в готовых решениях и прямой навязчивой помощи. Главное - незаметно и осторожно сопровождать и поддерживать подростка, при этом давать ему реальную возможность преодолевать трудности самостоятельно.

3. Родителям необходимо помнить, что формирование и содержательное наполнение образа мира происходит еще в ранние годы и зависит от многих внешних и внутренних условий. К внешним условиям можно отнести не только место жительства семьи, ее традиции, культуру, но и общую ситуацию общественного развития, отношение к семье со стороны общества и государства.

Таким образом, исследования показали, что сегодняшняя ситуация утраты норм, деформации сознания, его катастрофичности прямым образом отражается на процессах, происходящих в институте семьи, приводит к раздробленности в сознании подростка понятия «образа мира», к выявлению

поведенческих особенностей (в большинстве случаев негативных), у подростков из неполных семей.

Литература

1. Агейко О.В. Социальная перцепция семейных отношений у детей переживших развод родителей на разных этапах онтогенеза // Журнал практического психолога. -2011. -№6. – С. 43-58.
2. Головей Л.А., Рыбалко Е.Ф. Практикум по возрастной психологии. Речь.Санкт-Петербург, 2002г., 704 с.
3. Кемеров В.Е. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. -1435 с.
4. Одинцова М.А. Проективная методика «Путешествие внутрь себя» и ее возможности в исследовании личности подростков Чернобыльской зоны // Ярославский психологический вестник. №20. М.; Ярославль: Российское психологическое общество, 2007. – С. 147-151.

Гиздатуллина И. И.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета.
г. Елабуга, Россия*

Определение и классификация ценностных ориентаций у молодежи

Проблема исследования ценностных ориентацией остается актуальной, так как кардинальные изменения в политической, экономической, духовной сферах нашего общества влекут за собой радикальные изменения в ценностных ориентациях и поступках людей, что особенно ярко выражается в предпочтениях молодежи. Особую остроту сегодня приобретает изучение изменений, происходящих в сознании современных молодых людей. Неизбежная в условиях ломки сложившихся устоев переоценка ценностей, их кризис более всего проявляются в сознании этой социальной группы.

Подробнее остановимся на понятии «ценностные ориентации». Впервые данный термин появился в социологии, в работах американских исследователей У. Томаса и Ф. Знаменского как аналог философского понятия *ценности*, и на сегодняшний день им активно пользуются педагоги, философы, психологи. Понятие "*ценность*" широко используется в современных общественных науках (философии, психологии, социологии), где оно обычно трактуется как субъективное отражение в сознании индивида некоторых специфических свойств предметов и явлений окружающей действительности.

Проблема развития ценностных ориентаций является междисциплинарной и имеет богатую историю развития. Её изучали такие философы, как Н.А.Бердяев, Н.О. Лосский, А.А. Лосев, М.Каган; социологи У. Томас, Ф. Знаменский, М.Вебер; психологи А.Н. Леонтьев, С.Л.

Рубинштейн, В.Н. Мясищев и Б.Г. Ананьев, Л. И. Божович; педагоги В. А. Караковский, В.А. Сластенин, И.Я Лернер, И.Л. Федотенко.

Ценностные ориентации (предпочтения) - это определенная совокупность иерархически связанных между собой ценностей, которая задает человеку направленность его жизнедеятельности. Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных новообразований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его действительности.

Немов Р.С. под *ценностными ориентациями* понимает то, что человек особенно ценит в жизни, чему он придает особый, положительный смысл [4].

Е.С. Волков определял *ценностные ориентации* как сознательный регулятор социального поведения личности[3]. Он говорил, что «ценностные ориентации играют мотивационную роль и определяют выбор деятельности». Ценностные ориентации формируются на основе высших социальных потребностей и их реализация происходит в общесоциальных, социально-классовых условиях деятельности. Ценности охватывают жизнь Человека и человечества в целом во всех его проявлениях и сторонах, а это значит, что они охватывают познавательную сферу человека, его поведение и эмоционально-чувственную сферу.

Существует множество различных взглядов на классификацию ценностей.

Б.Г. Ананьев условно разделяет ценности на ценности материальные социально-политические и духовные[1]. Е. Шпангер выделяет шесть шкал ценностей: правды, красоты, необходимости, власти, любви и религии. С. Шварц и В. Билски определяют ценности в следующей последовательности: готовность помочь другим, послушание, удовольствие, целеустремленность, мудрость, интеллектуальность, прочность семьи.

Э. Олдмейер выделяет две большие группы ценностей: относящиеся к «минимальному канону» и поверхностные, ситуативно обусловленные. Он исходит из того, что существует межкультурное стабильное для значительного промежутка времени ядро ценностных ориентаций, которое развилось на относительно ранней исторической ступени и определило минимальный канон стабильных ценностей. Такие «базисные» ценности служат для защиты физической жизни, охраны человеческой собственности и обеспечивают взаимное доверие[2, с. 63].

Исследования показывают, что главой жизненных ценностей и поведенческих приоритетов у молодежи остается материальное благополучие. За последнее время наблюдается следующая тенденция: молодежь в основном отдает предпочтение не столько духовным и нравственным ценностям, сколько большим деньгам. Так же наблюдается тенденция сдвига от семейных ценностей в сторону карьерного роста. По мере взросления коммуникативные ценности также отходят на второй план.

Внимание к формированию ценностей и ценностных ориентаций должно стать первоосновой любого общества. Так как они определяют сферу

человеческой жизнедеятельности, его интересы, потребности, социальные отношения, критерии оценки значимости, которые выражаются в нравственных идеалах, установках, что придает для каждого человека особый жизненный смысл. Ценности являются не только ориентиром жизни человека, но и выступают в качестве механизма социального контроля для поддержания порядка, демонстрации здорового образа жизни.

Литература.

1. Белинская Е. П. Я – концепция ценностных ориентаций старших подростков в условиях быстрых социальных изменений. // Вестник МГУ (Серия 14)- 1997г. № 4
2. Гориянов В. П. Групповая солидарность и ценностные ориентации.// Социологические исследования.- 1997г. С. 60- 67.
3. К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. Под ред. В. С. Мухиной. М.: Мысль, 1989г.
4. Немов Р. С. Психология. Учебник для студентов педагогических учебных заведений. М.: Владос, 1998г.

Гостев А.А.

*Д. психол. н., ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН
Москва, Россия*

О религиозном менталитете: на перекрестке исторической и политической психологии¹

Менталитет социальной общности задает специфику психического отражения-регулирования, является призмой для мировосприятия, регулятором поведения людей. Соотнеся исследование менталитета с проблематикой образной сферы человека [3], подчеркнем значимость осмысления образов «культуро-генетической памяти» этно-культурной общности (памяти на исторический опыт), закономерностей взаимодействия этих «историко-событийных записей» с образами прототипов/архетипов, и влияния этого взаимодействия на социальное восприятие [2]. Система образов коллективного сознания/неосознаваемого вместе с проявлениями коллективной воли, эмоционально-мотивационной и духовно-нравственной сфер влияет на происходящее (сама меняясь под влиянием текущих событий), определяет будущее через исторический выбор, формирует особенности самого группового субъекта и его представителей.

Сказанное имеет прямое отношение к тематике политической психологии: осмысление человеком – носителем конкретного менталитета духовной сущности происходящих процессов в РФ и в мире. Возникают вопросы, которые научным сообществом игнорировались, замалчивались

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-06-00651а

(политкорректностью или опасениями «будоражающих» фактов). В частности, пришло время изучать религиозную окраску, которую несут представления людей о правовых и этических нормах, о собственности и финансах, о семье, трудовой деятельности и т.д. Знания об обусловленности социального поведения людей религиозной верой углубляет научное понимание детерминации политических событий в мире.

Религиозный менталитет включает в себя устойчивые характеристики религиозных сообществ (различного масштаба), приобретенные ими под влиянием преобладающего (преобладавшего) вероисповедания. Изучение проявлений религиозного менталитета в жизни общества предполагает рассмотрение влияния веры на общую картину мира, мораль, поведение, сознательные и неосознаваемые установки людей, волевые акты и пр. [4]. Актуально осмысление влияния религиозных менталитетов на структуры геополитических субъектов, особенности их альянсов в современном мире.

В современной России на политические процессы влияют взаимодействующие менталитеты (выделены, исходя из концепции полиментальности В.И. Семенова): 1) пост-советский; 2) прозападный (светский и конфессиональный, например, прокатолический); 3) «секулярно-державный», (4) вытекающий из православного мировоззрения – основного Образа в ментальности русского народа. Традиционное для «исторической России» православное мировосприятие несет в себе неприятие лежащей в основе процессов глобализации идеологии мондиализма, имеющую оккультную основу и предполагающую: уничтожение расово-этнических, религиозных, национально-культурных границ, слияние стран во всемирное государство под властью Мирового Правительства. «Научное» признание процессов глобализации объективными и неизбежными является для истинно православного человека маскировкой строительства «Нового Вавилона» – «царства антихриста» [1; 3].

Нами разрабатывается интервью, направленное на восприятие основных аспектов глобализации. Вопросы касались следующих тем.

1. Понимание человеком факта психоманипуляции со стороны внешних образных воздействий (имаго-символосферы социума) на свой внутренний мир. В частности, предметом изучения выступает осознание людьми информационно-психологической войны, направленной на манипуляцию социальными представлениями людей о происходящем. Вопросы о влиянии имаго-символосферы на образную сферу человека касались психоманипулирования в «многоликом Экране» (ТВ – государственное и частное, видеопродукция, видеоигры, интернет и пр.); влияния образов в рекламе/брендинге, и политическом пиаре.

2. Представления людей о «глобальной перестройке». Соответствующие данной теме вопросы направлены на раскрытие образов планетарной политической и экономической реальностей, представления о духовно-нравственной сфере современного человека у нас в стране и в мире, образы «сетевых сообществ», образы планетарных угроз.

3. Образная сфера человека под воздействием новых информационных технологий. Вопросы касаются осознания человеком перспектив своей «киборгизации» в слиянии с компьютером под их воздействием, пониманием духовного смысла виртуальной реальности (виртуализации сознания), мыслей человека о контр-манипулятивных духовно-психологических ресурсах.

Итак, православно-христианская традиция дает важные ориентиры оценки мировых социально-политических процессов. Изучение «перекрестка» исторической и политической психологии эти ориентиры будет раскрывать.

Литература

1. Гостев А.А. Манипуляция социальными представлениями путем воздействия на образную сферу личности. – В кн. Психологическое воздействие. Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М., ИПРАН, 2012. – С. 225–246.
2. Гостев А.А. Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции. – в кн. История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее // Материалы международной конференции по истории психологии. М., ИПРАН, 2010. – С. 22–32.
3. Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.
4. Можаровский В.В. Догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики, С.Пб., 2002.

Иващенко И.А.

*студентка 5 курса специальности «Психология»
филиала ФГБОУ ВПО «ИГУ» в г. Ангарске*

Маркер А.В.

*доцент кафедры психологии
филиала ФГБОУ ВПО «ИГУ» в г. Ангарске
г. Ангарск, Россия*

Динамика развития мотивов учебно-профессиональной деятельности студентов-психологов

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью оптимизации мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов-психологов. Практическая значимость работы обусловлена тем, что учет в психолого-педагогической практике выявленных закономерностей учебно-профессиональной мотивации студентов-психологов способен повысить эффективность образовательного процесса в ВУЗе.

Цель данного эмпирического исследования заключалась в изучении динамики развития мотивов учебно-профессиональной деятельности у студентов-психологов. Для реализации поставленной цели были подобраны следующие методики: методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин), методика изучения мотивации

обучения в ВУЗе (Т.И. Ильина), мотивы выбора профессии (Р.В. Овчарова), методика определения основных мотивов выбора профессии (Е.М. Павлютенков).

В исследовании приняли участие студенты специальности «Психология» филиала ФГБОУ ВПО «ИГУ» в г. Ангарске с 1-го по 5-й курсы, общая численность которых составила 75 человек.

Данные, полученные в результате исследования по методике диагностики учебной мотивации студентов, представлены на гистограмме (рис.1). Из представленных в гистограмме результатов можно отметить общее снижение показателей по шкале «коммуникативные мотивы». В свою очередь, отмечено последовательное увеличение показателей в течение всего курса обучения (с 1-го курса по 5-ый включительно) по следующим шкалам: «профессиональные мотивы», «учебно-познавательные» и «социальные мотивы». Следует также отметить, что «мотивы избегания» и «мотивы творческой самореализации» находятся у всех категорий испытуемых примерно на одном уровне.

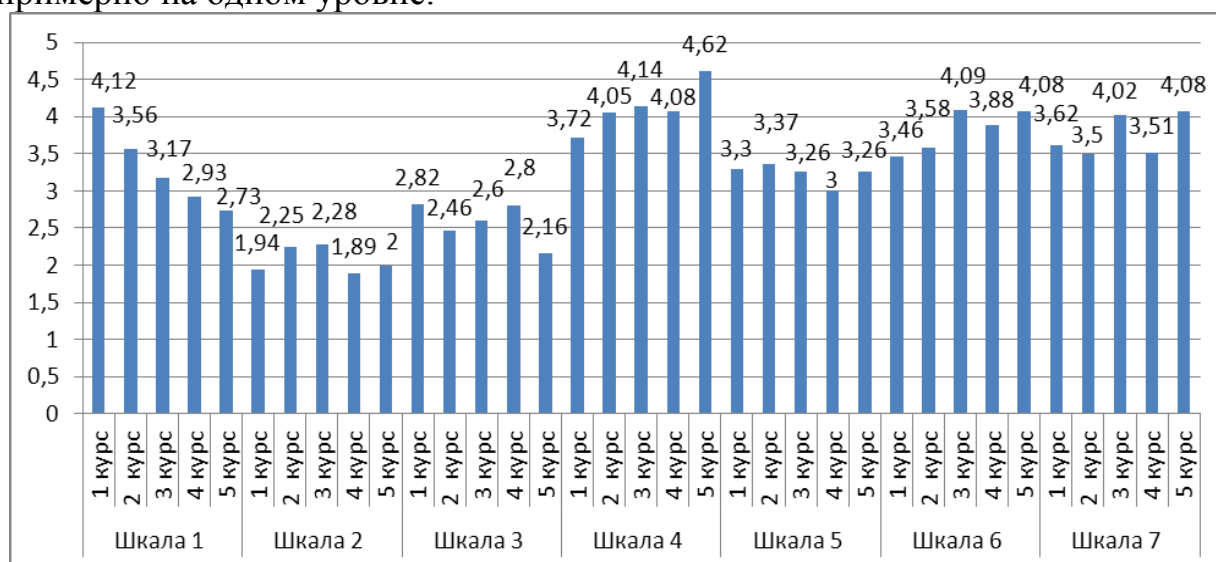

Рис.1. Результаты испытуемых по методике А. А. Реана и В. А. Якунина (средние значения)

Примечания: Шкала 1- коммуникативные мотивы; шкала 2- мотивы избегания; шкала 3- мотивы престижа; шкала 4 - профессиональные мотивы; шкала 5- мотивы творческой самореализации; шкала 6- учебно-познавательные мотивы; шкала 7- социальные мотивы.

По данным, полученным в результате исследования мотивации обучения студентов в ВУЗе (Т. И. Ильина) можно отметить рост показателей по шкале «мотивы приобретения знаний». «Мотивы овладения профессией» равномерны и находятся у всех категорий студентов на достаточно высоком уровне, незначительно снижаясь к 5 курсу. Высокий уровень значимости данных мотивов у всех категорий респондентов обусловлен скорее всего тем, что студенты в течение всего процесса обучения достаточно реалистично представляют себе цели своего профессионального образования,

целенаправленно стремятся овладеть профессиональными знаниями и сформировать необходимые профессионально важные качества.

Результаты, полученные в ходе диагностики студентов по методике Р.В. Овчаровой, отличаются некой «неровностью» в своем развитии при переходе с курса на курс. Так, например, внешние положительные мотивы (возможность продвижения по службе, одобрение коллектива, престиж и т.д.) существенно снижаются, начиная с 3-го курса. Данные показатели, скорее всего, обусловлены тем, что в этот период обучения у студентов на первый план начинают выходить внутренние мотивы деятельности, которые заключаются в предпочтении заданий творческого характера, общественной значимости и пр. Также следует отметить снижение внешних отрицательных мотивов (мотивы давления, наказаний, критики, осуждения и других санкций негативного характера) к 4-му курсу, которые, однако, возрастают у пятикурсников, что, скорее всего, обусловлено ростом ответственности в связи с написанием дипломной работы, сдачей экзаменов, а также увеличением стрессовых факторов, сопровождающих окончание обучения.

Анализ данных по методике Е.М. Павлютенкова позволяет отметить снижение показателей по следующим шкалам: «эстетические мотивы» и «утилитарные мотивы». Снижение показателей, скорее всего, обусловлено тем, что стремление к эстетике труда, его красоте и гармонии, а также стремление работать в городе, чистота и легкость труда значимы для студентов только в начале обучения. В дальнейшем эти мотивы теряют свою актуальность, так как значимость факторов внешней мотивации снижается к концу обучения. В то же время отмечено увеличение показателей по шкале «материальные мотивы» при переходе на 5-й курс, что возможно обусловлено направленностью студента на будущее, переходом от учебной деятельности к профессиональной, а также возрастающей самостоятельностью и независимостью.

Таким образом, первичный анализ данных позволяет говорить о том, что у студентов-психологов в процессе обучения развиваются внутренние мотивы учебно-профессиональной деятельности, которые позволяют им в дальнейшем отходить от формальных оценок, формального мнения окружающих. Для будущих психологов характерна любознательность, стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества, желание своим трудом способствовать общественному прогрессу, а также демонстрировать социальную направленность на высшие общечеловеческие цели. Можно отметить направленность будущих психологов на будущее, на постепенный переход от учебной деятельности к профессиональной, на появление самостоятельности и независимости. Студент стремится обеспечить свою дальнейшую жизнь, сделать ее комфортной и независимой от других.

В свою очередь, к 5-му курсу менее значимыми становятся внешние положительные мотивы: возможность продвижения по службе, одобрение коллектива, возможность общения в процессе деятельности, престиж места

будущей работы, возможность работы в городе, чистота и легкость труда, а также стремление к эстетике труда, его красоте и гармонии.

Недостаточное развитие данных мотивов позволяет задуматься о необходимости проведения целенаправленной работы по развитию и гармонизации у студентов-психологов ряда мотивов учебно-профессиональной деятельности. На следующем этапе дипломного исследования планируется разработка программы, в содержание которой будет включено целенаправленное конструирование психологических условий, способствующих развитию мотивации учебно-профессиональной деятельности в ВУЗе. Также для оценки достоверности полученных показателей будет проведен статистический анализ результатов исследования.

Ким К.А.

*Студент 3-го курса факультета специальной психологии и педагогики
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета
г. Хабаровск, Россия*

Особенности коммуникативной функции у слепоглухих

Проблема слепоглухоты человека была предметом интереса многих специалистов разных областей знания: психологии (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, М.Л. Шкловский, А.В. Ярмоленко); педагогики и дефектологии (А.В. Владимирский, Е.К. Грачева, В. Ларе, П.Ф. Лесгафт, И. С. Попов, Ф. А. Рау, Ф.С. Розенфельд, И.А. Соколянский, Ю. А. Якимова); литературы (А.М. Горький, Ч. Диккенс, З.А. Рагозина, Марк Твен); журналистики и общественных наук (И.А. Скребицкий, Е.Д. Шаповалов), а также сами слепоглухие интересовались данной проблемой (О.И. Скороходова, Елена Келлер и др.) [1].

Актуальность изучения особенностей общения слепоглухих детей обусловлена тем, что подобный дефект неизбежно оставляет свой отпечаток на человеке, его взаимодействии с окружающим миром. А.В. Апраушев выделяет три периода, которые проходят дети с вышеобозначенным дефектом до специального обучения [2, с. 29]:

1) *Доконтактный период.* Данный период характеризуется отсутствием сознательного контакта детей с окружающей средой и людьми. Слепоглухой ребенок не знает, что вокруг него люди. Мир для него пуст и беспредметен, пути самостоятельного овладения функциональным назначением предметов по подражанию ему недоступны. Обычно слепоглухие дети сидят в своих постелях, совершая маятникообразные навязчивые движения - так находит выход накапливающаяся в организме биологическая энергия, реализуется двигательный рефлекс.

И.А. Соколянский описал 24-летнего слепоглухого с сохранным интеллектом, у которого не была сформирована человеческая психика. Он не умел ходить, так как постоянно сидел в собственной спальне. Время от времени он вставал на руки вниз головой, удовлетворяя тем самым потребность организма в движении [3].

2) *Период предметно-действенного общения.* Этот период характеризуется формированием у ребенка системы образов предметов и действий. Это происходит только при благоприятных условиях в семье, т. е. ребенок находится в очеловеченном пространстве и времени, а взрослый, хотя и не обучая специально, обслуживает ребенка, не подавляя при этом его инициативы, давал свободу передвижения.

В этом периоде общения как такого нет. Но, тем не менее, ребенок взаимодействует с родителем или педагогом. Происходит это посредством предметов. Взрослый, удовлетворяя потребности ребенка со слепоглухотой, использует сотни различных предметов (тарелки, ложки, одежда и т.д.). Для ребенка эти предметы становятся значимыми, он практически усвоил их полезное для себя функциональное назначение; в связи с этим у него сформировались образы данных предметов, он научился узнавать их. Поэтому, когда взрослый касается ложкой губ ребенка, он передает ему не только пищу, но и сигнал результата действия, т. е. мысль, связанную с предстоящим насыщением. О том, что эта мысль принята, свидетельствует ответная реакция ребенка по захватыванию пищи.

Дети, усвоившие функциональное назначение предметов, используют их в предметно-действенном общении с взрослым. Например, если слепоглухой ребенок хочет пить, он берет родителя или воспитателя за руку и ведет к тому месту, где обычно стоит кружка. Демонстрируя взрослому кружку, ребенок дает понять ему о своей жажде.

3) *Период возникновения естественных жестов.* Характерное отличие этого периода от предыдущего заключается в том, что образы предметов интериоризировались в психике слепоглухого ребенка. Следовательно, общение с взрослым происходит без опосредования предметом. Ребенок с помощью определенных действий руками и т.п. сигнализирует взрослому о своей потребности. Жест в общении заменяет предмет.

Разумеется, период возникновения естественных жестов не является конечным. В условиях специального обучения имеется возможность вывести на качественно новый уровень коммуникативную функцию слепоглухонемого.

Как полагает А.И. Мещеряков, «следующий (за жестами) этап усвоения средств общения - формирование у ребенка словесной речи. Словесная речь в дактильной форме является надстройкой над жестовой речью, возникает внутри нее как ее вариант, а в дальнейшем развивается в самостоятельную и доминирующую форму речи» [1,с.161]. Жесты, обозначающие хорошо знакомые и часто встречаемые в быту предметы, заменяются пальцевыми словами. Для слепоглухого ребенка эти обозначения также являются жестами, но только жестами другой конфигурации. Жестом ему

показывается, что данный предмет можно обозначать по-другому. В дальнейшем он обозначает предмет, показанный ему, новым для него жестом.

Обучение словесному языку начинается не с букв, а со слов и лишь после усвоения нескольких десятков слов, обозначающих конкретные предметы, ребенку дается дактильный алфавит, которым практически он уже владеет. После дактильного алфавита ребенку можно дать любое слово, соотнеся его с соответствующим жестом и предметом. После того, как ребенок выучит дактильный алфавит, ему дается брайлевское обозначение букв. При этом каждая брайлевская буква связывается со своим дактильным аналогом. Таким образом, можно сказать, что слепоглухой ребенок в процессе своего обучения овладевает сразу двумя языками: языком слепых (брайлевская система) и языком глухих (дактильная система).

Также стоит упомянуть специальные технические средства, созданные специально для облегчения коммуникации зрячеслышащих со слепоглухими. А.В. Апраушев в своей работе указывает следующие их виды [2, с. 135]: переговорный диск, переговорная перчатка, механический коммуникатор, телетакторный телефон.

1) Переговорный диск представляет собой вращающийся на оси диск, по периметру которого расположены изображения дактильных букв, а на поверхности - обычные буквы. Для передачи сообщения слепоглухонемому зрячий собеседник подводит под руку слепоглухого дактильные буквы, совпадающие по значению с нанесенными на поверхности круга. Слепоглухой считывает их с помощью осязания.

2) Переговорная перчатка. На ее ладонной поверхности располагаются определенные буквенные знаки, расположение которых слепоглухонемой ребенок должен заучить. Перчатка одевается на руку слепоглухого. Для передачи сообщения собеседник в определенной последовательности касается знаков на перчатке, а слепоглухонемой расшифровывает эти касания.

3) Механический коммуникатор представляет собой портативное устройство, в корпусе которого расположены подвижные штыри. При нажатии кнопок, размещенных на панели устройства, соответствующие им штыри приходят в движение и слегка выступают над поверхностью панели коммуникатора, образуя буквы под воспринимающим пальцем слепоглухого. Это устройство предполагает знание собеседником шрифта Брайля.

4). Телетакторный телефон. Центральный пульт телетактора предназначен для передачи информации от докладчика к слепоглухонемым слушателям; он снабжен шестью передающими клавишами и соединен с десятью индивидуальными пультами. При нажатии клавишей в определенной комбинации на индивидуальных пультах появляются соответствующие выпуклые брайлевские буквы, образуемые выступающими над поверхностью такторов металлическими штырьками. Слепоглухой читает эти буквы, двигая указательным пальцем по тактору.

Стоит отметить, что вышеперечисленные приборы не являются единственными в своем роде. Существует еще множество видов техники, предназначенных для общения между зрячеслышащими и слепоглухими. Таким образом, несмотря на такой сложный дефект как слепоглухота, лица с ней способны к своеобразной коммуникации со зрячеслышащими людьми.

Литература

1. Мещеряков, А.И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М., 1974.
2. Апраушев, А.В. Тифлосурдопедагогика: Воспитание, обучение, трудовая и социальная реабилитация слепоглухонемых. М., 1983.
3. Обучение и воспитание слепоглухонемых. М., 1962.

Ким К. А.

*Студент 3-го курса факультета специальной психологии и педагогики
Дальневосточного государственного
Гуманитарного университета
г. Хабаровск, Россия*

К проблеме психодиагностики лиц с нарушениями зрения: звуковой тест

Актуальность данной проблемы заключается в ограниченном выборе диагностических методик изучения личностной сферы у лиц с нарушениями зрения. Основным препятствием в разработке методик является специфика дефекта, характерного у выше обозначенной категории.

Впервые в дефектологии материалистическая интерпретация развития личности в условиях сенсорной недостаточности была дана Л. С. Выготским. Он убедительно показал, что любой дефект, любой телесный недостаток является фактором, в известной степени изменяющим отношения человека с окружающим миром, что в результате дает «социальную ненормальность поведения» [1]. Иными словами, органический дефект, нарушая социальные отношения, изменяя социальный статус инвалида, провоцирует возникновение у слепого ряда специфических социальных установок (например, установки на избегание зрячих, иждивенческих настроений).

По мнению А. Г. Литвака для слепых людей отсутствие зрения само по себе не является фактом психологическим, и они не чувствуют себя погруженными во мрак (равно как и глухие в безмолвие). Психологическим фактом слепота становится только тогда, когда человек вступает в общение с отличающимися от него здоровыми людьми. Затруднение социальных контактов приводит к ряду отклонений в формировании личности у слепорожденных и рано утративших зрение. Негативные черты личности могут при неблагоприятных условиях появиться и у ослепших людей в зрелом возрасте. К таким особенностям, возникающим в связи с полной или частичной утратой зрения, относят некоторые изменения в динамике потребностей, например, недоразвитие перцептивных потребностей,

связанных с затруднениями их удовлетворения; сужение круга интересов, обусловленное ограничениями в сфере чувственного отражения; редуцированность способностей к видам деятельности, требующим визуального контроля; отсутствие или резкая ограниченность внешнего проявления внутренних состояний. Таким образом, становится очевидно, что в формировании основных свойств личности на первый план выступают социальные факторы, действие которых оказывается относительно или полностью независимым от времени возникновения и глубины патологий зрения [2].

Успешность осуществления диагностики личностной сферы человека с нарушением зрения зависит от следующих элементов [3]:

1. От личности психодиагноста, его личностных качеств и профессионального опыта.
2. От личности клиента, содержания его психологической проблемы, от настроения на результативность диагностической деятельности, все это влияет на организацию психодиагностической работы. В связи с этими факторами, психолог должен уметь составлять уникальную стратегию путем комбинирования имеющихся методик, модификаций методик.
3. От психодиагностической обстановки, насколько комфортно будет чувствовать себя клиент, в процессе психодиагностики, напрямую повлияет на успешность ее результата.
4. От качества методического аппарата психодиагностики (методики) - разнообразие методик по ряду характеристик, позволяют диагносту строить собственную, уникальную стратегию диагностической работы.

Анализ литературы [3] позволил прийти к пониманию, что психодиагностические тесты являются сложным и тонким инструментом, требующим от психолога досконального знания всех нюансов используемых им методик и строгого соблюдения инструкций к ним. Однако основной сложностью изучения личности человека с нарушениями зрения является то, что стимульным материалом большинства методик выступают картинки, тексты, рисунки, графики. В связи с этим данный стимульный материал не может выступать средством диагностики лиц с нарушениями зрения. Поэтому вопрос поиска и разработки альтернативных методик, опорой которых является слух человека, актуален для специальной психологии, тифлопсихологии, психодиагностики.

Наиболее эффективным инструментарием изучения личности человека с нарушениями зрения выступают звуковые тесты. Так как в психологии отсутствует общее определение звуковых тестов, мною была принята попытка дать определение этим тестам. *Звуковые тесты* – это набор психодиагностических инструментов для измерения индивидуально-психологических особенностей личности, стимульным материалом которых является набор звуков. Хотелось бы обратить внимание, что основой звуковых тестов являются звуки, а не речь человека.

В психологии для диагностики личности разработано большее количество проективных тестов, таких как «Цветовой тест М. Люшера», «Пятна Г. Роршаха», «Метод рисуночной фрустрации С. Розенцвейга» и многие другие. Проективные тесты основаны на предположении, что характер ответов обследуемого определяется особенностями его личности, которые «проецируются» в его ответах [3]. По аналогии с проведением методики пятна Г. Роршаха, при применении которой клиенту демонстрируется ряд симметричных чернильных фигур, которые выступают стимулом для свободных ассоциаций испытуемого, мы предлагаем использовать набор звуковых тестов. В этот набор входят звуки, определенной продолжительности, возможно со сменой тембра, ритма или высоты звучания. После процедуры прослушивания звуков, испытуемый должен сообщить какие именно ассоциации у него были вызваны.

Аналогично вышесказанному можно создать звуковые тесты изучения мышления (уровень обобщения). Взяв за основу методику «Исключение предметов», при котором испытуемому демонстрируется 4 карточки с рисунками, три из которых имеют общий признак, а один оказывается лишним, можно использовать звуки. Испытуемому необходимо было бы прослушать 4 разных по тембру звука. Три из них имели бы общую закономерность в смене ритма, четвертый не укладывался в эту закономерность.

Таким образом, разработка звуковых тестов является малоизученным вопросом специальной психологии, требующей дальнейшего детального анализа.

Литература

1. Выготский Л.С. Основы дефектологии. СПб., 2003.
2. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих. СПб., 2006.
3. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. СПб., 2002.

Мартыненко О.В., Киселева А.А.

*Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия*

Особенности взаимосвязи ценностных ориентаций и психодинамических свойств в структуре интегральной индивидуальности

В современных условиях проблема ценностных ориентаций личности приобретает особую значимость, так как именно они определяют функционирование и развитие личности. Будучи социальными и исторически обусловленными и индивидуальными по отношению к опыту конкретного субъекта, ценностные ориентации являются важнейшим компонентом структуры личности. Они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности[1].

Проблемой изучения ценностных ориентации личности занимались многие отечественные психологи. Мы представляем исследование ценностных ориентаций с позиции системного подхода в структуре индивидуальности. Этот подход, основан на концепции интегральной индивидуальности В. С. Мерлина.

Он трактовал интегральную индивидуальность как особый, выражающий индивидуальное своеобразие характер связи между всеми свойствами человека, начиная от биохимических особенностей организма и заканчивая социальным статусом личности в обществе. Одно и то же свойство может быть одновременно типичным и индивидуальным, если рассматривать его в определенном отношении. Индивидуально неповторимо сочетание типичных свойств человека: биохимических, соматических, нейродинамических свойств личности и т. д.[1].

Исходя из выше сказанного, целью нашего исследования является изучение взаимосвязи ценностных ориентаций с психодинамическими свойствами интегральной индивидуальности.

В соответствии с целью нашего исследования, нами была сформулирована гипотеза о том, что ценностные ориентации обладают системообразующей функцией и могут являться опосредующим звеном в формировании интегральной индивидуальности.

Мы исследовали три уровня интегральной индивидуальности: нейродинамический, психодинамический и личностный.

Нами были использованы следующие методики:

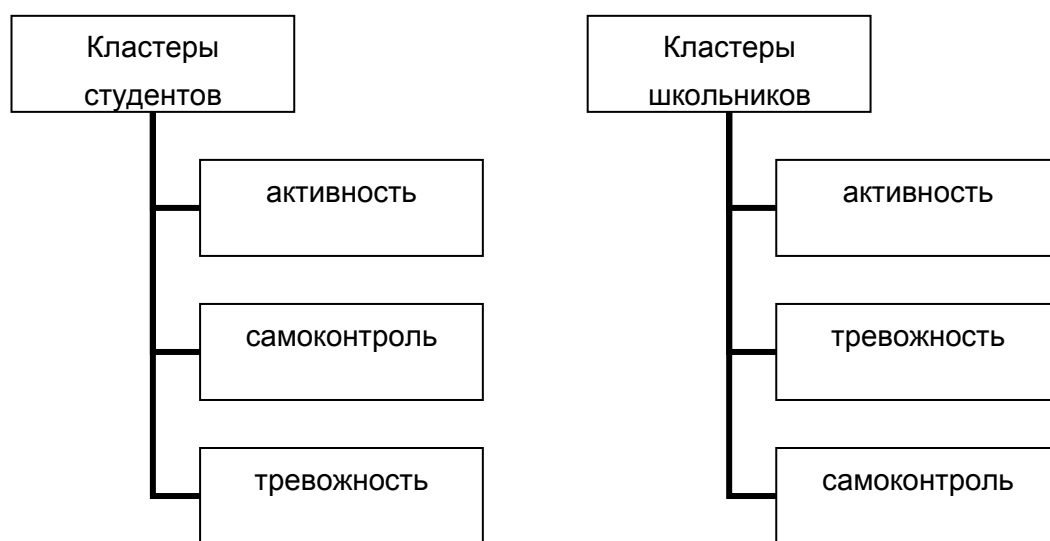
- «Исследование формально-динамических свойств» Я. Стреляу
- «Исследование свойств темперамента» В.М. Русалова
- «Диагностика реальной структуры ценностных ориентации личности» С. С. Бубновой

Результаты исследования обработаны следующими методами математической статистики:

- Корреляционный анализ для выявления однозначных связей (коэффициент Пирсона).
- Кластерный анализ для выявления много-многозначных связей.

Выборка состояла из учеников 11 класса МБОУ СОШ № 24 в возрасте 17-18 лет и студенты второго курса ИГУ психологического факультета в возрасте 19-20 лет. Общий объем выборки составил 34 человека (25 девушек и 9 юношей).

Кластерный анализ решает задачу построения классификации, то есть разделение исходного множества объектов на группы (классы, кластеры). Группирование их в классы происходит так, чтобы объекты в каждом классе были более похожи друг на друга, чем на объекты из других классов[3]. В результате использования кластерного анализа на группах школьников и студентов мы получили дендограммы много-многозначных связей исследуемых уровней интегральной индивидуальности, в которых выделили три кластера.

Первый кластер мы назвали активным.

Этот кластер направлен на преобразование внешней действительности и определяется следующими содержательными особенностями личности - ценностными ориентациями.

У школьников активность направлена на достижение социальных изменений в обществе.

У студентов содержательной направленностью является проведение отдыха для общения.

Следующий кластер который мы можем выявить из полученной дендограммы у студентов – это кластер самоконтроля, а у школьников – кластер тревожности.

Выделенный кластер самоконтроля у студентов проявляется в бдительности, собранности и хладнокровии в поведенческих реакциях. Содержательная часть данного кластера направлена на контроль регуляции полученных знаний чтобы они проявились в реализации себя в обществе через творчество. Важная составляющая - быть здоровым и любящим человеком.

В свою очередь второй кластер у школьников – тревожность, характеризует возникновение чувств, аффектов и настроений, связанных со стремлением к милосердию, помощи другим людям чтобы заслужить их уважение и повысить свой социальный статус.

Третий кластер. У студентов, как у будущих психологов чувство тревоги может возникать в связи с тем, что они, оказывая помощь по долгу своей профессии, сомневаются что смогут заслужить уважение других людей и обрести материальный достаток.

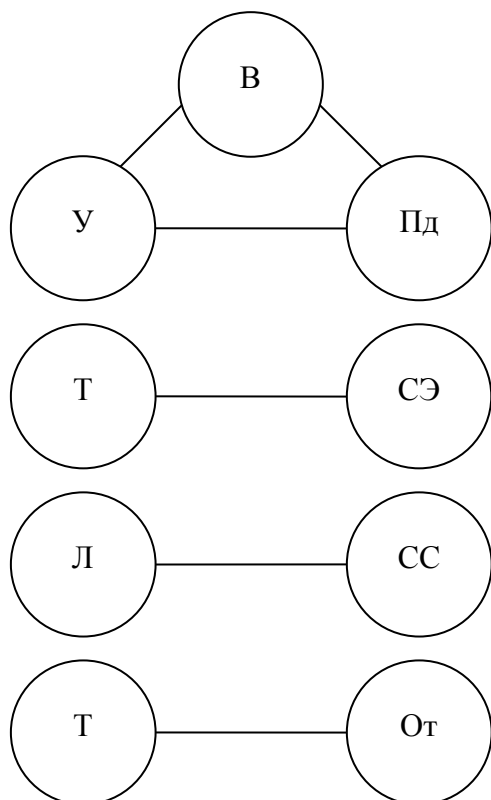
У школьников данный кластер говорит об их озабоченности о своем здоровье, что проявляется в желании как можно чаще отдыхать, общаться, получать эстетическое удовольствие. Для того чтобы делать это более эффективно, для этого нужно высокое материальное благосостояние, хорошо

оплачиваемая работа, чтобы достичь этого, на данный момент школьники ставят перед собой цель успешно учиться.

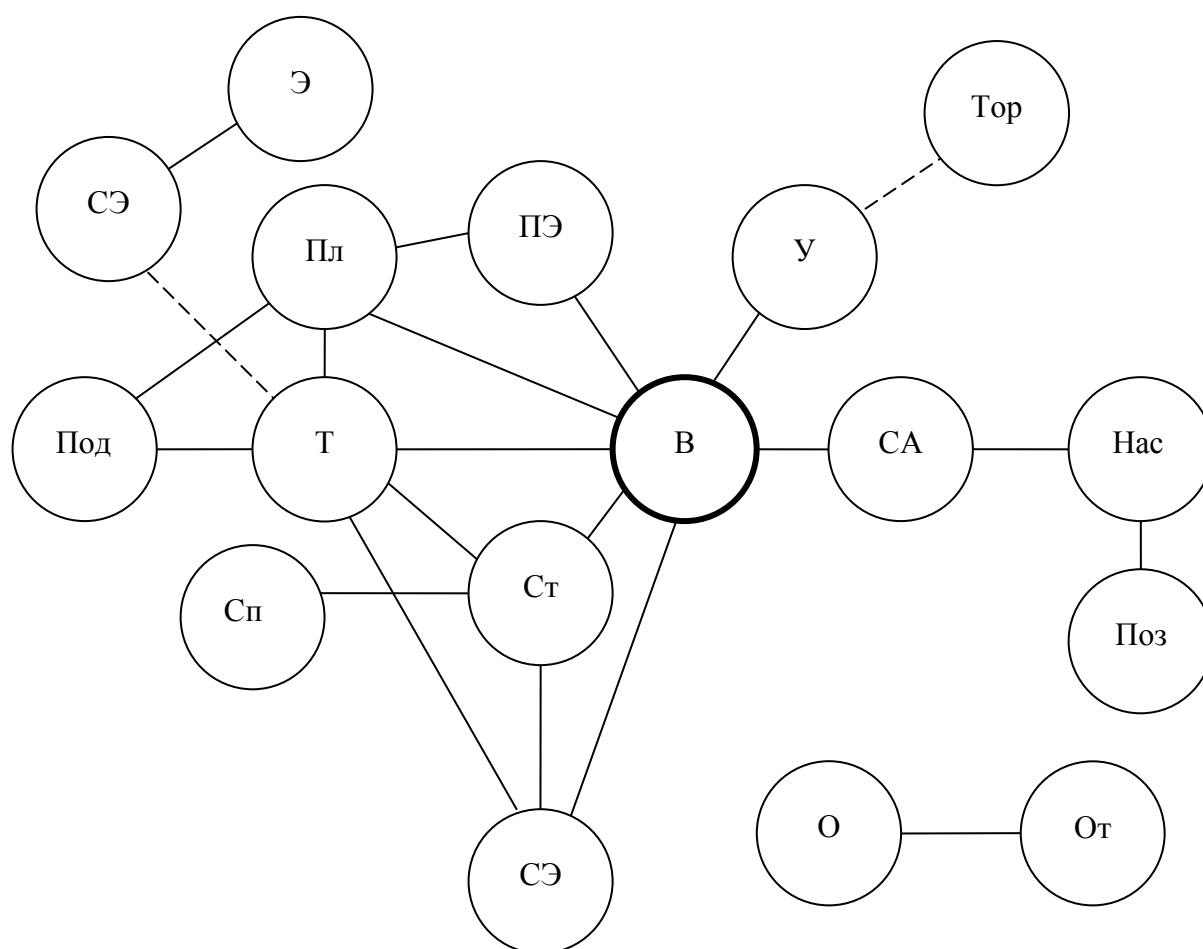
Для выявления характера разноуровневых связей в структуре индивидуальности мы провели корреляционный анализ показателей изучаемых уровней индивидуальности.

Для отображения корреляционных связей в группе школьников и студентов мы выделили следующие значимые зависимости уровня 0,01.

Школьники

Студенты

Условные обозначения: показаны только значимые межуровневые корреляционные связи; В - сила процессов возбуждения; Тор - сила процессов торможения; Пд - подвижность нервных процессов; У – уравновешенность; ПЭ – предметная эргичность; СЭ – социальная эргичность; Пл – пластичность; Сп – социальная пластичность; Т – темп; СТ – социальный темп; Э – эмоциональность; Сэм – социальная эмоциональность; От – отдых; Нас - поиск и наслаждение прекрасным; Поз - познание нового в мире, природе, человеке; СА - социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе; Об – общение.

Из рисунков мы видим, что в структуре индивидуальности студентов и школьников важное место занимает сила процессов возбуждения. Оно связано у школьников с нейродинамическим уровнем, а у студентов связано с нейродинамическим, психодинамическим и личностным.

Нейродинамический уровень у школьников характеризуется наличием значимой положительной связи между возбуждением и подвижностью (0,79); подвижностью и уравновешенностью (0,65); возбуждением и уравновешенностью (0,74). Эти данные могут говорить о том, что школьникам присуще высокая работоспособность и

выносливость, что позволяет им с легкостью переключаться с одного вида деятельности на другой.

Но на высокую работоспособность может оказывать влияние уравновешенность. Уравновешенность как бы обуславливает успешное выполнение деятельности.

У студентов значимая положительная связь обнаружена между возбуждением и уравновешенностью (0,61); уравновешенностью и торможением (-0,46). Это является свидетельством того, что при существенном сдвиге баланса нервных процессов в сторону возбуждения, вероятны неуравновешенное поведение. Соответственно при неуравновешенности сила торможения нервных процессов ниже.

Значимая зависимость, которая была выявлена на психодинамическом уровне у школьников - это взаимосвязь между темпом и социальной эргичностью (0,63). Что свидетельствует о высоком темпе поведения, связанный со стремлением к общению, лидерству.

Из рисунка корреляционных связей у студентов мы видим, что сила возбуждения оказывает влияние на психодинамический уровень.

Значимые зависимости между возбуждением и социальным темпом (0,55); возбуждением и социальной эргичностью (0,51); социальным темпом и социальной пластичностью (0,57).

В данной взаимосвязи чем больше сила возбуждения, тем больше быстрота говорения.

Можно предположить, что если активность студентов направлена на самовыражение, то соответственно больше стремление к лидерству, выражение себя через общение, легкость переключения контактов с одного человека на другого, т.е. общаться как можно с большим количеством людей.

Следующая зависимость между возбуждением и предметной эргичностью (0,47); возбуждением и пластичностью (0,54). Эти данные могут говорить о том, что активность студентов направлена на стремление к деятельности, к напряженному труду. При высокой работоспособности больше скорость переключения с одной деятельности на другую.

Следующие значимые зависимости были выявлены между возбуждением и темпом (0,72); темпом и подвижностью (0,47); темпом и социальной эмоциональностью (-0,48); социальной эмоциональностью и эмоциональностью (0,55).

Это является свидетельством того, что активность опосредует быстроту выполнения предметной деятельности. Отрицательная связь в данной корреляции говорит о том, что чем ниже тревожность по отношению к оценкам других людей, тем выше скорость выполнения этой деятельности что может объясняться уверенностью в себе.

Личностный уровень у школьников характеризуется наличием отрицательных связей на уровне 0,05 между такими зависимостями как: любовь и высокий социальный статус (-0,56); темп и отдых (-0,54).

В первом случае данная зависимость может говорить о том, что школьники в состоянии влюбленности демонстрируют свои слабые стороны, что в свою очередь ведет к снижению социального статуса.

Во втором случае связь между темпом и отдыхом свидетельствует о том, что при наличии высокого темпа школьники не чувствуют потребности в отдыхе.

Среди корреляционных связей в группе студентов выделяются многочисленные значимые положительные зависимости между возбуждением и социальной активностью для позитивных изменений в обществе (0,57); социальной активностью и наслаждением прекрасным (0,58); между наслаждением прекрасным и познанием нового в мире, природе, человеке (0,58).

Эти данные могут говорить о том, что студенты направляют свою активность на преобразование внешней действительности, достижение позитивных изменений в обществе, с помощью которой они смогут наслаждаться жизнью и удовлетворять потребность в познании.

И отдельная ветвь значимых зависимостей представленных на личностном уровне – это зависимость между ценностью общения и отдыха (0,47) что может говорить о том, что проводить все свободное время студенты предпочитают в компании знакомых, друзей.

Вывод

Опираясь на полученные нами результаты, мы можем сказать, что наша гипотеза о том, что ценностные ориентации могут являться системообразующим фактором в структуре интегральной индивидуальности подтверждается частично, т.е. только на выборке студентов.

Отсутствие тесных корреляционных связей между психодинамическим и личностным уровнями в группе школьников может свидетельствовать о том, что структура индивидуальности недостаточно сформирована.

Опираясь на концепцию В.С. Мерлина, мы утверждаем, что структура интегральной индивидуальности не статичное образование, а находится в непрерывном динамическом развитии и к переходу от младшего юношеского возраста к старшему будет усложняться и разноуровневые свойства интегральной индивидуальности будут плотнее сгруппированы.

Литература

1. Ахвердова О.А., Волоскова Н.Н., Белых Т.В. Дифференциальная психология. Теоретические и прикладные аспекты исследования интегральной индивидуальности. Санкт-Петербург, 2004.
2. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. Москва, 1986.
3. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Санкт-Петербург, 2004.

Логунова В.В.
к.псих.н., доцент кафедры психологии
Армавирской государственной педагогической академии
г. Армавир, Россия
Литвиченко К.Е.
Студент 4 курса
Армавирской государственной педагогической академии
г. Армавир, Россия

Аспекты женской измены

Измена – распространённое явление в нашей жизни. Как принято считать что мужская и женская измены, это абсолютно разные вещи.

Предрасположенность мужчин к изменам, объясняется природными инстинктами, т.е. стремлением к оплодотворению как можно большего количества представительниц противоположного пола. А вот у женщины причины измены более другие.

Женщины же более склонны к моногамным отношениям. С целью улучшения собственного генофонда, женщина выбирает лучшего претендента для создания семьи. И основной причиной женских измен является неудовлетворенность в отношениях с партнёром, а, следовательно, и разочаровании в нем, как в достойном кандидате.

Женщины часто верят, что если мужчина уходит, то уходит к более молодой и красивой «по известной причине». Практика же говорит, что многие мужчины уходят к той, что внешне уступает жене. Но она увидела в нем человека, а жена видела лишь свою собственность, которую тщательно обстирывала и кормила. Начинается драма. Жена не может понять, как это он оказался таким неблагодарным, надеется, что он вскоре раскается и вернется. Конечно, причин неверности много, но, обобщая, можно сказать, что мужчину толкает на этот шаг то, что брак оказывается скучным и монотонным, а жена неохотно соглашается на близость, считая ее необходимой, но обременительной обязанностью. Женщина же может пойти на измену из мести, потому что обижена на весь белый свет, из сочувствия, из любопытства - словом, причин может быть множество. Удерживает от измены любовь, а если через какое-то время любовь слабеет, то и моральные нормы, запрещающие обижать другого человека, тоже ослабевают.

«Чем опаснее плавание, тем желаннее берег» - так говорят англичане, подразумевая супружескую измену. Причем непременно... женскую. Французы же с ними явно не согласны: именно за мужчиной они оставляют право активного начала в любви. Недаром же французский «адюльтер» произошел от латинского *adulterer* - «обесчещивать»¹. Естественно, женщину! А по сути, какая разница, если вдруг жена изменила законному мужу? Мужу-то наверняка больно. Подсознательно каждый из нас измену любимого (любимой) воспринимает как объяснение в нелюбви. Шестьдесят

¹ Большой англо-русский и русско-английский словарь. 2001.
http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/410115/adulterer

процентов супружеских пар рано или поздно сталкиваются с проблемой супружеской измены. И почти каждая третья по этой причине терпит крах. Стоит призадуматься...

Психологически любая женщина готова к измене, если ее брак не ладится. При этом она вовсе не ищет связи на стороне, как принято думать. Она лишь восполняет «пробел» любви. Женщина всегда ждет идеального любовника. Но это совсем необязательно супермен в постели. Достаточно, чтобы мужчина был мягок, деликатен и умел сопереживать. Именно таких, многие, даже самые суперактивные женщины, предпочтут отчаянным донжуанам. Для большинства женщин измена - это «шаг отчаянья». И это должны осознавать мужчины.

О. Лосева пишет о различиях в мотивировках измен у мужчин и женщин. По данным социологического опроса, мужчины чаще всего объясняют это половой потребностью. Большей частью эта потребность, не связываемая с какими-то эмоциональными или духовными сторонами общения, удовлетворяется со случайными, малознакомыми партнершами (такие связи составили около 1/3 всех внебрачных контактов) либо в кратковременных, «мимолетных» связях с давними знакомыми, сослуживицами, женами друзей и т.д. (1/4 всех связей).¹

Как же жить дальше? Для ряда людей очень важно раскаяние партнера, откровенное объяснение. Если об измене становится известно третьим лицам, и если они начинают вмешиваться, то ситуация только ухудшается. Глубина переживания измены больше всего зависит от силы любви к партнеру и величины страха его потерять. Здесь появляется вопрос о том, рассказывать ли своему партнеру об измене или нет. Понятно, что человек, допустивший измену, носит тяжесть на душе и ему хочется от нее избавиться. Иногда переживания вины настолько сильны, что человек даже хочет быть наказанным, лишь бы избавиться от груза. Он желает разделить эту ношу с партнером, но будет ли тому она по силам, об этом часто не задумываются. Нужно также предвидеть реакцию партнера - он будет глубоко уязвлен, оскорблен вашим признанием, почувствует себя преданным и униженным.

Не всякий человек сможет простить измену или никогда не попрекнуть ею. Однако, видя искреннее раскаяние, любящий человек все же сможет простить, многие семьи, пережившие такую ситуацию, спланиваются сильнее, понимая, насколько ценны для них отношения, которые однажды едва не были разрушены.

И самое главное во всех отношениях: любовь, доверие и верность. Поэтому надо всегда помнить о том, что если человек изменяет, то, прежде всего он изменяет сам себе...

¹ Голод С.И. Личная жизнь: любовь, отношения полов. Л., 1990.

Феномен стигматизации в представлении подростков

Стигматизация является одним из аспектов предубеждений, анализ которых входит в число приоритетных объектов социально-психологических исследований. Греческое слово «stigma» означает «телесные знаки», позволяющие распознать нечто необычное в характере человека. В современной психологии стигматизацией называется процесс, в результате которого некоторая группа людей получает устойчивый отрицательный маркер, определяющий отношение к ним окружающих (Е.С. Набойченко, А.В. Соболева, А. Финзен и др.). Наиболее остро процесс стигматизации и его переживание протекают в подростковом возрасте – периоде сознательного самостроительства, «второго рождения личности» (А.Н. Леонтьев).

Цель настоящего исследования заключалась в описании явления стигматизации «изнутри», т.е. с позиций самих подростков. Предметом изучения стали представления школьников о проявлениях и детерминации данного феномена среди одноклассников. В исследовании принимало участие 100 детей в возрасте 14–15 лет, представляющих случайную выборку учащихся из городских и сельских школ. Опрос проводился добровольно и анонимно.

Анализ ответов подростков о чертах, делающих ребенка нежелательным среди одноклассников, позволил выделить четыре группы (здесь и далее все варианты ответов представлены по убыванию частоты их упоминания).

1) Особенности межличностного взаимодействия (86%), которые назывались подростками в двух вариантах: либо прямого указания на некоммуникабельность ровесника (замкнутый, необщительный), либо перечислением качеств социального поведения (выскочка, слишком скромный, грубый, ябеда, делающий все только для самого себя, унижающий других).

2) Особенности внешности (70%). Среди физических особенностей чаще всего подростками называлась полнота (42%), некрасивые черты лица (25%), за которым следовали уже единичные варианты ответов – физические отклонения, цвет волос, неуклюжесть.

3) Социальное положение семьи (50%) отражено в представлении подростков в двух пропорционально одинаково часто называемых видах: неблагополучная семья (родители-алкоголики, мать-одиночка) и бедность (плохо одетый, нищий). Интересно, что некоторые опрошенные указывали, что богатых одноклассников тоже не очень любят, но с ними чаще всего хотят дружить.

4) Уровень интеллектуального развития (30%): либо слишком низкий (тупой), либо слишком высокий (заумный).

Среди действий, посредством которых подростки демонстрируют свое негативное отношение к однокласснику, респондентами были названы следующие: игнорирование («обходят стороной», «делают вид, что не замечают», «не общаются») – 86%; обзывания и оскорбления – 75%; издевательства – 48%; физическое воздействие (драки, толчки, подножки) – 36%; насмешки – 32%; намеренное введение в заблуждение – 20%; провокация конфликтов – 15%; действия «назло» – 8%. Таким образом, в ответах подростков указываются как обобщенные, так и конкретные формы проявления насилия в отношении одноклассников. Наиболее популярной формой выступает отказ в общении, что является как раз наиболее уязвимым местом подростка, для которого интимно-личностное общение выступает необходимым условием личностного становления.

Контент-анализ ответов подростков, указывающих причины, которые делают их ровесников нежелательными среди одноклассников, позволил разделить их на следующие четыре группы:

- 1) семья (родители-алкоголики, бьют, ругают, не могут одеть) – 58%;
- 2) одноклассники (невзлюбил «авторитет» класса, сильное различие интересов и увлечений) – 45%;
- 3) учитель (упреки, неприязнь, равнодушие) – 32%;
- 4) качества ребенка, отличающие его от других в худшую сторону – 14%.

Важно отметить, что представления подростков не совпадают с данными социологических исследований, согласно которым именно педагог школы сегодня выступает как основной стигматизатор (Т.П. Липай, 2004; 2008). Подобное рассогласование объективных данных о стигматизации в образовательном пространстве и субъективных представлений школьников можно объяснить тем, что дети, сталкивающиеся повсеместно с различными проявлениями насилия, по мере взросления становятся к ним настолько толерантными, что сознательно фиксируют только крайние и очевидно жестокие его проявления (побои, наклеивание обидных прозвищ-ярлыков и т.п.). Более же мягкие формы насилия находятся ниже порога их восприятия.

Причины стигматизации, представленные в сознании подростков, определяют и их предложения по улучшению положения такого ребенка в классе. Ведущая роль отводится родителям (64%). Затем учителю (48%): «показывать хорошие качества», «организовывать общие дела – поездки, походы и т.п.». Помощь в решении проблем такого одноклассника подростки склонны искать и у соответствующих специалистов – психолога (40%) и социального педагога (36%). Наконец, каждый третий подросток полагает, что стигматизированный одноклассник должен и сам приложить определенные усилия по изменению своего положения: «стать общительнее», «гулять вместе», «интересоваться интересами других», «совершить поступок, который заставил бы себя уважать».

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, что содержание субъективных представлений подростков о феномене стигматизации отличается от данных научных исследований. В профилактической деятельности заинтересованным взрослым необходимо учитывать, что наибольшую группу риска составляют не столько дети с атипичной внешностью, сколько школьники с недостаточно сформированными навыками общения. Поэтому развитие коммуникативных умений представляется наиболее эффективным путем предупреждения стигматизации среди одноклассников.

Петрова С.С.

Педагог-психолог

*Государственного бюджетного учебно-воспитательного учреждения открытого
типа «Специального профессионального училища*

«Уральское подворье»

г. Пермь, Россия

Исследование причин и форм отклонений в поведении подростков СПУ «Уральского подворья»

Отклоняющееся поведение можно назвать актуальной проблемой современного общества. Психопрофилактика и психокоррекция девиантного поведения подростков являются основными направлениями деятельности специального профессионального училища «Уральское подворье».

В данном исследовании изучались причины и формы отклонений в поведении подростков, с точки зрения учащихся училища.

В исследовании принимало участие 80 воспитанников (43 женского и 37 мужского пола) в возрасте от 14 до 18 лет, средний возраст составляет 16 лет.

Подросткам было предложено ответить на вопросы анкеты «Причины и формы отклонений в поведении»[3;227].

Количественно-качественная обработка данных анкет привела к следующим результатам.

Отклоняющимися от нормы формами поведения подростки называют употребление наркотиков (85,8%), воровство (70,2%), далее ответы представителей мужского и женского пола отличаются.

Нарушения правил поведения в училище девушки поставили на третье место (57,5%), затем, по убывающей, идут: нанесение телесных повреждений (55,2%), употребление алкоголя (52,9%), хулиганство (50,6%), унижение других (46%), побеги из дома (43,7%), грубость, сквернословие (39,1%), раннее начало половой жизни (32,2%). Подростки мужского пола на третье место поставили унижение других (56,7%), побеги из дома (51,3%), употребление алкоголя (48,6%), хулиганство (45,9%), нарушение правил поведения в училище (40,5%), грубость, сквернословие (37,8%), нанесение

телесных повреждений (29,7%). Отрицательное отношение к учебе, неподчинение взрослым, курение, ссоры с родителями, подростки считают несущественными отклонениями от нормы.

По распространенности видов девиантного поведения в среде сверстников, особых различий в ответах представителей разного пола нет. Первое место занимает нарушение правил поведения в училище (76,7%), второе – курение (72,8%), затем идут, в порядке убывания, - употребление алкоголя (71,5%), грубость, сквернословие (58,5%), отрицательное отношение к учебе (57,2%), неподчинение взрослым (51,6%), унижение других (48,1%), хулиганство (45,5%), раннее начало половой жизни (40,3%), побеги из дома (32,5%), ношение «вызывающей» одежды (29,9%), употребление наркотиков (28,6%).

На вопрос о причинах девиантного поведения ответы распределились следующим образом: неблагополучная ситуация в семье (72,8%), конфликты с родителями (66,3%), повышенная возбудимость, неумение контролировать себя (55,9%), напряженная социально-экономическая ситуация в жизни (52%), стрессовые жизненные ситуации (49,4%), стремление к самостоятельности и независимости (48,1%), недостаток знаний родителей о том, как справляться с трудными педагогическими ситуациями (36,4%), примеры насилия, жестокости, получаемые через средства массовой информации (35,1%), отставание в учебе (26%), пренебрежение со стороны сверстников (23,4%), отрицательное отношение людей к вашим способностям (20,8%), какое-то заболевание (18,2%), а также к числу причин отклоняющегося поведения подростки отнесли желание выделиться из толпы. Ответы на данный вопрос также практически не отличаются; лишь стремление к самостоятельности и независимости, мальчики-подростки поставили на третье место, а девушки – на седьмое. А вариант «стрессовые жизненные ситуации», наоборот, девушки поставили на третье место, а юноши на седьмое.

На вопрос о том, к кому и куда подростки обратятся за помощью, если у них возникнут проблемы, 49,4% ответили, что справятся самостоятельно, к знакомым и друзьям обратятся 32,5% опрошиваемых, 39% - к психологу училища, к классному руководителю, социальному педагогу – 16,9%, социальному педагогу -15,6%, 14,3% - затрудняются ответить на этот вопрос.

Ответы на вопрос «Какие виды отклоняющегося от норм поведения, с вашей точки зрения, требуют вмешательства взрослых», гендерных различий нет, но в целом получается такая картина: употребление наркотиков (87,1%), воровство (70,2%), побеги из дома (61,1%), употребление алкоголя (59,8%), нанесение телесных повреждений, драки (58,5%), нарушение правил поведения в училище (48,1%), унижение других (40,3%), отрицательное отношение к учебе (33,6%), раннее начало половой жизни, а также неподчинение взрослым (32,5%), грубость, сквернословие (29,9%), курение (24,7%).

По мнению подростков, отклоняющееся от норм поведение может привести к уголовной ответственности, суду, тюрьме (40,3%), смерти, в том

числе к самоубийству (29,9%), к трудностям в будущем, неполноценной жизни, проблемам (22,1%), болезни, нарушению психики (20,8%), 23,4% опрошиваемых затруднялось с ответом на этот вопрос.

На вопрос «На чем преимущественно основывается ваше мнение в ответах на вопросы анкеты?» ответы распределились следующим образом: собственные наблюдения (87,1%), мнение друзей (44,2%), мнение педагогов (26%), мнение родителей (24,75), сообщения средств массовой информации (1,3%).

Таким образом, при изучении причин и форм девиантного поведения особых гендерных различий в ответах воспитанников СПУ «Уральского подворья» не наблюдается, однако ответы девушек более полные.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология. – М.: Академия, 2003, 288с.
2. Овчарова Р.В. Технологии практического психолога образования. – М.: ТЦ Сфера при участии «Юрайт», 2001, 448с.
3. Степанов В.Г. Психология трудных школьников. – М., 1997.
4. Организация процесса жизнедеятельности в спец. проф. Училище открытого типа «Уральское подворье». – Пермь, 2002, 160с.

Пикова Ю.В.

*Студентка Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
г. Пермь, Россия*

Особенности ценностных ориентаций курсантов и сотрудников полиции с разным профессиональным стажем

Современным сотрудникам полиции необходимо глубокое понимание своей роли и места в служении Отечеству, основанном на высокой личной ответственности за выполнение требований военной службы; убежденность в необходимости выполнения функции защиты Отечества в современных условиях; формирование основных качеств, свойств, навыков, необходимых для успешного выполнения обязанностей в рядах сотрудников ОВД.

Изучение ценностных ориентаций имеет важное значение в профессиональном становлении курсантов и сотрудников полиции. Поэтому необходимо в рамках военного учебного заведения уделять достаточное внимание поддержанию духовных и нравственных ценностей курсантов, проводить достаточную воспитательную работу по формированию положительных качеств личности будущего офицера. Ценностные ориентации сотрудников являются стержневой характеристикой личности. Они определяют их отношение к своей профессии и дальнейшее развитие в ней. Следовательно, полицейские должны четко расставлять свои приоритеты в наиболее значимых вещах для себя.

В наши дни, когда решается проблема профессионализации личного состава органов внутренних дел, значительно возрастает роль и значение

специфического компонента содержания военно-патриотического воспитания курсантов военных учебных заведений и обучения по морально-психологической подготовке сотрудников полиции, что и определяет **актуальность данного исследования**. При этом, следует также учесть принятие нового закона о полиции, в котором обозначены требования к нравственной стороне сотрудника.

Цель данного исследования – изучение особенностей ценностных ориентаций сотрудников полиции в зависимости от профессионального стажа.

Объект – ценностные ориентации.

Предмет - особенности ценностных ориентаций сотрудников полиции в зависимости от профессионального стажа.

Гипотезы:

1. существуют различия в выраженности ценностных ориентаций у сотрудников полиции в зависимости от разного стажа работы;
2. структура связи показателей ценностей и личностных характеристик (сензитивность, экспрессивность, общительность) у полицейских специфична.

В исследовании приняли участие 177 человек:

- 59 курсантов 3 курса Пермского филиала Нижегородской Академии МВД России: из них 29 девушек и 30 юношей в возрасте 19-20 лет;
- 59 сотрудников ОП №7 (дислокация Свердловский район) УМВД России по г.Перми со стажем работы до 3 лет в возрасте 23-25 лет: 29 женщин и 30 мужчин;
- 59 сотрудников ОП №7 (дислокация Свердловский район) УМВД России по г.Перми со стажем работы 10-15 лет в возрасте 35-41лет: 29 женщин и 30 мужчин.

Для данного исследования использовались методики: методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» и «Свободный выбор ценностей» Е.Б. Фанталовой, методика «Большая пятерка» разработанная Р. МакКрае и П. Коста, Фрайбургский личностный опросник (FPI - форма В), адаптированный А.А. Крыловым и Т.И. Ронгинским, методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича.

Полученные результаты были обработаны с помощью Т-критерия Стьюдента, корреляционного анализа Пирсона в программе Statistika 6.0.

В результате анализа по Т-критерию Стьюдента выявлено, что у молодых сотрудников полиции более выражена такая ценность как материально-обеспеченная жизнь по сравнению с курсантами академии и сотрудниками полиции со стажем работы 10-15 лет. Т.к. курсанты, обучаясь в ВУЗе, получают заработную плату и могут рассчитывать на помощь и финансовую поддержку со стороны семьи. А заработная плата сотрудников с большим стажем является приемлемой, чтобы обеспечить их жизнедеятельность и становится менее значимой для них. В то время как молодые сотрудник испытывают большую необходимость в финансовых

средствах, т.к. рассчитывать им приходится только на себя, а еще при условии создания семьи количество растрат увеличивается.

Полицейские со стажем работы до 3 лет редко имеют возможность проводить свободное время как им хочется, из-за особенностей профессиональной деятельности, чем курсанты, которые могут использовать все свободное время для активной деятельной жизни. В результате, для курсантов более важно проводить свободное время активно, занимаясь какой-то деятельностью, а молодые сотрудники в свою очередь, после трудовых будней более склонны использовать это время для расслабляющего отдыха.

Курсанты, постоянно находясь в кругу сверстников и друзей, больше осознают ценность своего окружения, а сотрудники с небольшим стажем работы в полиции, проводя много времени на работе, придают большее значение наличию любимого человека рядом, считая это более важным на данном этапе жизни. Ценность любви более значима для молодых сотрудников и по сравнению с полицейскими со стажем работы 10-15 лет.

Для молодых сотрудников полиции более свойственно наличие внутреннего вакуума, чем для курсантов. Можно предположить, что у молодых сотрудников не оправдываются их ожидания в отношении работы. Вследствие этого у них и может возникнуть внутренняя опустошенность. В свою очередь для полицейских с большим стажем службы также более свойственна внутренняя опустошенность.

Курсантам академии МВД, по сравнению с сотрудниками полиции с разным стажем, более свойственно наличие нейтральной зоны, т.е. отсутствие ощущений внутренних опустошенности и неопределенности. Скорее всего, это связано с тем, что курсанты находятся на начальном этапе профессионального становления и не испытывают больших разочарований в данной деятельности. Т.о. курсант испытывает более ровное внутреннее состояние, в целом справляясь с теоретической и практической деятельностью в данном учебном заведении.

Полицейским со стажем работы до 3 лет более характерна такая личностная особенность, как экстраверсия, чем для сотрудников со стажем 10-15 лет. Т.о. молодые сотрудники отличаются большей общительностью, любят коллективные мероприятия, стремятся чаще быть среди людей, действуют импульсивно, а также ориентированы на скорость выполнения задания.

Такие личностные характеристики как активность, любознательность, настойчивость и аккуратность более свойственны полицейским со стажем работы в органах 1-3 года, чем для сотрудников с большим стажем работы. Возможно, это связано с тем, что молодой сотрудник при устройстве на работу пытается зарекомендовать себя с лучшей стороны и проявить наиболее важные качества в осуществлении профессиональной деятельности. Они более склонны проявлять тщательность и точность в делах, упорное стремление к достижению цели.

Для полицейских со стажем работы 10-15 лет наиболее значима такая ценность, как познание, чем для молодых сотрудников полиции. Вероятно, это может быть связано с тем, что молодые сотрудники недооценивают важность познания, придавая большее значение практическим навыкам. Они только недавно закончили учебное заведение и, возможно, им необходима смена деятельности.

В результате корреляционного анализа Пирсона в группе курсантов обнаружено, что при наличии внутреннего конфликта снижается уверенность в себе, ограничивается свобода как независимость в поступках и действиях и активная деятельная жизнь. А также внутренний конфликт у курсантов приводит к избеганию или не способности иметь счастливую семейную и материально-обеспеченную жизнь. Более активная деятельная жизнь курсанта способствует формированию нейтральной зоны. Также курсанты, ощущающие себя более свободно и независимо, имеют меньше расхождений между ценностью и ее доступностью.

В группе молодых сотрудников выявлено, чем больше полицейский проявляет открытость и общительность, тем меньше вероятность появления у него внутренней опустошенности и неопределенности. Молодой сотрудник, осознавая значимость своего здоровья и выделяя его как ценность, начинает больше понимать и чувствовать свое здоровье. Наличие интересной работы снижает сензитивность сотрудника полиции с небольшим стажем работы. Чем уважительнее молодой сотрудник относится к окружающим людям, тем менее важна для него такая ценность как красота природы и искусства. А также, чем финансово обеспеченнее жизнь молодого сотрудника, тем более уважительно он относится к другим людям. Более уверенный в себе полицейский со стажем до 3 лет, менее склонен к проявлению чувствительности и эмоциональности. Ощущая себя более свободным, молодые полицейские проявляют такие качества как бесконтрольность своего поведения, снижение настойчивости и упорства, уровня ответственности. Полицейский во время переживания своей свободы отстраняется от реальности, его перестает интересовать все вокруг. Более занятой и загруженный работой молодой сотрудник становится эмоционально неустойчивым.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод в пользу подтверждения гипотез, выдвинутых в исследовании. Следовательно, работа в полиции накладывает определенный отпечаток на сотрудников полиции. Специфика работы имеет определенные сложности и трудности, с которыми приходится сталкиваться полицейским, что и влияет на структуру и особенности ценностных ориентаций.

Человек после войны: посттравматический синдром и проблемы социальной реабилитации участников боевых действий

Человеку нелегко привыкнуть к войне - к ее опасностям и лишениям, к иной шкале жизненных ценностей и приоритетов. Адаптация к новой обстановке требует ломки прежних стереотипов сознания и поведения, без которой просто не выжить в экстремальных условиях, на грани жизни и смерти. Но и вернуться к спокойному, мирному существованию человеку, проводшему на фронте хотя бы несколько недель, не менее сложно; обратный процесс перестройки психики протекает столь же болезненно и порой затягивается на долгие годы.

Диапазон воздействия факторов войны на человеческую психику чрезвычайно широк. Он охватывает многообразный спектр психологических явлений: от ярко выраженных, явно патологических форм до внешне малозаметных. [1, С.327]

На всем протяжении XX века прослеживалась тенденция к нарастанию количества психогенных расстройств военнослужащих в каждом новом вооруженном конфликте. Так, по данным американских ученых, в период второй мировой войны количество психических расстройств у солдат выросло по сравнению с первой мировой войной на 300 %. При этом общее количество освобождаемых от службы в связи с психическими расстройствами превышало численность прибывающего пополнения. [2, С.299]

Почему такое происходит в российской действительности? Ответ прост: война накладывает отпечаток на всю последующую жизнь людей, принимавших участие в вооруженной борьбе, – более или менее явно, но несомненно.

Жизненный опыт тех, кто прошел войну, сложен, противоречив, жесток. И это одна из важнейших причин такого явления, как посттравматический синдром, прямым следствием которого становится конфликтное поведение человека в социальной среде. Как показывают данные психологических исследований, на первый план вернувшихся с современных локальных войн встает вопрос об адаптации к новым условиям, о переходе психики из пространства экстремально - агрессивной среды в мирную жизнь. На войне быстрая реакция оказывается залогом собственного спасения: если не выстрелишь первым, убьют тебя. [3, С.145]

Возвращаясь домой, бывшие солдаты подходят к мирной жизни с фронтовыми мерками и переносят военный способ поведения на мирную почву, хотя в глубине души понимают, что это недопустимо. Некоторые

начинают приспосабливаться, стараясь не выделяться из общей массы. Другим это не удастся, и они остаются "бойцами" на всю жизнь. [4, С.89]

Чтобы представить возможные медицинские и социальные последствия для военнослужащих, участвовавших в ведении боевых действий на территории Чеченской республики, сопоставим, пользуясь специальной литературой и данными, собранными в государственном областном учреждении «Центр социального обслуживания ветеранов боевых действий и членов их семей» г. Нижний Тагил, психологические характеристики участников данных событий после завершения боевых действий и психологические характеристики воинов-афганцев в аналогичный период.

Вывод таков: ветераны чеченских событий превосходят ветеранов Афганистана на 24% по количеству лиц, у которых отмечено превышение характеристик общепринятой нормы.

О различных психических расстройствах, наблюдавшихся у ребят, служивших в «горячих точках» и печальных последствий всего этого в современной литературе и прессе публикуется немало. Приведем лишь один фрагмент из биографии молодого тагильчанина комбатанта - человека, прошедшего войну. Артур В-р – служил в Чечне в 1994 – 1995 годах. Имел ранение. Рассказывает председатель Н.Тагильского городского комитета солдатских матерей Кордюкова Надежда Ивановна: “Комитет солдатских матерей принимал участие в поисках Артура, его мать ездила в Чечню. И когда он вернулся, мы встретились на Театральной площади. Первое, что я отметила у парня – это его тревожные глаза. Стоим, разговариваем. Рядом – дорога. Вдруг раздается резкий хлопок со стороны проезжавшей машины. Артур, закрыв голову руками, падает прямо на асфальт... Затем поднимается, смущен, но я-то все понимаю... Через год узнаю: погиб от передозировки”.

В городе Нижний Тагил действуют 8 общественных организаций ветеранов, инвалидов локальных войн. Они проводят различные общественные и культурные мероприятия в городе, гуманитарные акции, оказывают психологическую, материальную, юридическую помощь ветеранам и инвалидам, семьям погибших воинов. Ежегодно в городе проводятся "Дни Памяти" погибших в региональных вооруженных конфликтах. Только в 2010 году состоялось 19 массовых мероприятий, посвященных празднованию родов войск и календарным датам. В феврале этого года проведен 17-ый региональный фестиваль солдатской патриотической песни "Афганский ветер" с участием ветеранов боевых действий.

Каких друзей война мне подарила!

Да тех, кого потом назад взяла.

Меня убить хотела и убила.

Но что с того, что жизнь не отняла. [5, С.72]

Общественными организациями была зарождена в 1989 году идея создания памятника воинам-интернационалистам. 9 октября 1999 года на

берегу тагильского пруда, в одном из живописных мест города, был открыт памятник всем тагильчанам, погибшим в локальных войнах XX века.

Знакомый с десятками случаев самоубийств среди молодых ветеранов, "афганец" Виктор Носатов возмущается: " В Америке существует многолетний опыт врачевания такой страшной болезни, как адаптация к мирной жизни, а у нас в стране не спешат его перенимать: официальным структурам нет дела до участников вооруженных конфликтов и их наболевших проблем. А между тем вирус афганского синдрома живет в каждом из нас и в любой момент может проснуться, – с горечью пишет он, – и не говорите, что мы молоды, здоровы и прекрасны. Все мы, "афганцы", на протяжении всей своей жизни останемся заложниками Афганской войны, но наши семьи не должны от этого страдать".

К сожалению, в 1998 году практически отсутствовала система государственных мер социальной защиты участников боевых действий и членов их семей. В связи с этим в Свердловской области и городе Нижний Тагил в этот период начала формироваться муниципальная социально-экономическая политика в отношении решения социальных и экономических проблем участников боевых действий и членов их семей.

И в настоящее время администрацией города утверждён план мероприятий по поддержке ветеранов боевых действий и сохранению в памяти жителей города подвига тагильчан.

Итак, в ряду других последствий (экономических, политических, социальных), которые любая война имеет для общества, существуют не менее важные психологические последствия. Воюющая армия пропускает через себя многомиллионные массы людей и после демобилизации выплескивает их обратно в гражданское общество, внося в него при этом все особенности милитаризованного сознания и оказывая существенное влияние на дальнейшее развитие социума. Психология комбатанта получает широкое распространение, выходя за узкие рамки профессиональных военных структур, и сохраняет свое значение не только в первые послевоенные годы, когда роль фронтовиков в обществе особенно велика, но и на протяжении всей жизни военного поколения – хотя с течением времени это влияние постепенно ослабевает.

Решение задачи поствоенной психологической реабилитации участников боевых действий в качестве одного из обязательных условий требует внесение изменений как в систему психореабилитационных мероприятий, так и в работу по формированию позитивного общественного мнения - в этом огромная роль принадлежит институтам гражданского общества в нашей стране.

Какая из двух тенденций в психологическом потенциале участников войны – созидательная или разрушительная – окажется доминирующей в мирных условиях, напрямую зависит от состояния общества в целом и от его отношения к ветеранам.

Литература

1. Дрейлинг Р. Военная психология как наука// Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной сипы. М., 1997.
2. Психология экстремальных ситуаций. Хрестоматия. Составитель А.Е.Тарас, К.В.Сельченко, Минск – Харвест, М., АСТ, 2000.
3. Соловьев И.В. Посттравматический стрессовый синдром: причины, условия, последствия. Оказание психологической помощи и психореабилитации. Уфа, 2001.
4. Афганистан в нашей судьбе. М.. 1989
5. Из пламени Афганистана; Стихи и пасни советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане, и стихи, посвященные им. М . 1990

Сальников Ю.А.

*Аспирант кафедры психологии
Брестского государственного
университета имени А.С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь*

Представления преподавателей о научных текстах и приемах их освоения студентами

Мышление человека неразрывно связано с речью. Мысль не может ни возникнуть, ни протекать, ни существовать вне языка, вне речи. В науке речь как средство передачи знания находит свое отражение в научных текстах. Современному студенту в перенасыщенном информацией мире необходимо обладать компетентностью в освоении научных текстов, их критическом анализе и в последующем производстве.

Научный стиль речи является основным средством передачи информации в научной сфере, т.е. сфере человеческой деятельности, основной функцией которой является теоретическое осмысление знаний о действительности. Как способ освоения действительности наука отличается стремлением к максимально обобщенному, объективному, обезличенному знанию. Особенности научного знания воплощаются в содержании и отражаются в языковой форме научных произведений.

Характерной чертой стиля научных работ является их насыщенность терминами, в частности интернациональными. В среднем терминологическая лексика обычно составляет 15-25% общей лексики, использованной в работе.

Большую роль в стиле научных работ играет использование в них абстрактной лексики. Ф. Кликс писал: «Самым существенным результатом мышления является образование и фиксация в памяти различного уровня абстракций. Подобно ступенькам лестницы, обозначения способствуют введению все более абстрактных понятий... При помощи этой «лестницы» человеческое мышление может и подниматься, и опускаться, выбирая самые различные ступени абстракции... В таком движении лежит источник творческого мышления, т.е. основа тех процедур, посредством которых человек может создавать новое знание» [3, с. 13-14].

Стиль научных работ определяется их содержанием и целью научного сообщения – по возможности точно и полно объяснить факты окружающей нас действительности, показать причинно-следственные связи между явлениями, выявить закономерности исторического развития и т.д. Научный стиль характеризуется логической последовательностью изложения, упорядоченной системой связей между частями высказывания, стремлением авторов к точности, сжатости, однозначности выражения при сохранении насыщенности содержания.

Научные тексты оформляются в виде отдельных законченных произведений, структура которых подчинена законам жанра. Можно выделить следующие жанры: монография, журнальная статья, рецензия, учебник (учебное пособие), лекция, доклад, информационное сообщение (о состоявшейся конференции, симпозиуме, конгрессе), устное выступление (на конференции, симпозиуме и т.д.), диссертация, научный отчет. Эти жанры относятся к первичным, т.е. созданным автором впервые. К вторичным текстам, т.е. текстам, составленным на основе уже имеющихся, относятся: реферат, автореферат, конспект, тезисы, аннотация. При подготовке вторичных текстов происходит свертывание информации в целях сокращения объема текста. К жанрам учебно-научного стиля относятся: лекция, семинарский доклад, курсовая работа, реферативное сообщение [1, с. 19].

Целью проведенного исследования выступало выявление представлений преподавателей о научных текстах и приемах их освоения студентами, так как именно преподаватель является важным звеном, можно сказать проводником и посредником между наукой, профессией и сознанием будущего специалиста на начальном этапе знакомства с научным стилем речи.

Было проведено анонимное анкетирование преподавателей брестских ВУЗов, представителей социально-гуманитарных ($n = 20$) и естественных ($n = 20$) дисциплин. На закрытые вопросы анкеты можно было давать несколько ответов. Обработка данных посредством частотного анализа продемонстрировала следующие результаты.

На вопрос, «Какие научные тексты вы чаще всего рекомендуете своим студентам при изучении предмета?» большинство преподавателей (92,5%) указали на учебники и учебные пособия, вторыми по представленности были учебно-методические комплексы и тексты лекций (80%). Самыми непопулярными научными текстами оказались диссертации и монографии (7,5%). Половина преподавателей также рекомендует своим студентам использовать в обучении научные статьи, доклады, тезисы (50%).

Свой выбор они объясняют сложностью освоения студентами монографий и диссертаций, такое объяснение дали 87,5% преподавателей. Не вызывают затруднений в освоении учебно-методические комплексы, учебники, пособия и тексты лекций, их сложность отметили только 5% преподавателей.

Сложность в освоении научного стиля речи преподаватели характеризуют перенасыщенностью текстов терминами (72,5%) и сложной конструкцией предложений (70%). Еще одной особенностью делающей сложным восприятие студентами научного текста является обезличенность повествования (47,5%).

На вопрос, «Какие приемы вы используете в работе со студентами при освоении ими научных текстов?» большинство преподавателей указало, что использует комментирование и разъяснение непонятных фрагментов текста (72,5%). Другие приемы распределились по популярности следующим образом: выявление известных и новых понятий (47,5%), актуализация ранее изученного материала и установление его взаимосвязи с новым (47,5%), постановка студентами вопросов к тексту (40%), представление текста в форме таблицы, схемы и др. (35%), самостоятельное чтение (30%) и анализ логико-смысловой структуры (27,5%).

Выготский Л.С. в своем труде «Мышление и речь» отметил: «Трудно допустить мысль, чтобы ребенок усваивал, но не перерабатывал по-своему научные понятия, чтобы эти последние попадали сразу к нему в рот, как жареные голуби. Все дело заключается в том, чтобы понять, что образование научных понятий в такой же мере, как и спонтанных, не заканчивается, а только начинается в тот момент, когда ребенок усваивает впервые новое для него значение или термин, являющийся носителем научного понятия. Это – общий закон развития значений слов, которому подчинены в одинаковой мере в своем развитии и спонтанные и научные понятия» [2, с. 188-189].

Проведя аналогию с усвоением студентами новых терминов и преобразования их в понятия, мы можем сделать вывод, что только самостоятельная переработка и осознание научных текстов может являться способом развития у них вербально-логического мышления.

Таким образом, можно сказать, что преподаватели, ориентируясь на облегчение усвоения студентом учебного материала, направляют студента в пассивную объектную позицию. Материал подается в упрощенной форме посредством адаптированных учебников и заранее подготовленных конспектов лекций. Что, в свою очередь, тормозит раскрытие потенциала научного стиля речи в развитии вербально-логического мышления студентов.

Подтвердив, таким образом, актуальность и определив проблемное поле исследования, мы планируем глубже разобраться в механизмах и установить динамику развития вербально-логического мышления студентов в процессе освоения научного стиля речи.

Литература

1. Амосова, Н.Н. Слово и контекст / Н.Н. Амосова // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. – Л., 1958. – Учен. зап. ЛГУ им. Жданова, № 243, вып. 42. – С. 17-21.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 352 с.
3. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – М.: Прогресс, 1983. – 302 с.

Психологическая превенция конфликтного поведения молодежи на межнациональной почве

Для нормальной организации жизнедеятельности человеческого сообщества немаловажным является национальный компонент. Именно наличие этого компонента приводит к проявлению национальных особенностей, традиций, норм поведения людей, во многом влияющих на межнациональные отношения.

Межэтническое взаимодействие, выступает процессом, в рамках которого формируются, функционируют и проявляются национально-психологические особенности людей. Во взаимодействии реализуется отношение человека к другому человеку как субъекту, у которого есть свой собственный мир. Взаимодействие человека с человеком в обществе – это и взаимодействие их внутренних миров: обмен мыслями, идеями, образами, влияние на цели и потребности, воздействие на оценки другого индивида, его эмоциональное состояние (Крысько В.Г., 2002).

Любое взаимодействие людей неизбежно рождает противоречия.

С точки зрения зарубежных исследователей конфликты на межэтнической почве являются естественным процессом любого государства, так как неприязнь к различиям свойственна любому человеку. Представители биологической теории и социал-дарвинизма, соотнося мир людей и мир животных, считают, что главный закон жизни это борьба за существование, проявляясь в человеческом обществе, неизбежно ведет к конфликтам. Согласно расовой теории возникновения конфликтов, отдельным народам присущи неизменные, врожденные свойства, которые объясняют их постоянную склонность к конфликтным ситуациям [1, 95].

Конфликт – это социальный процесс, в котором индивид или группа стремится к достижению своих целей путем устранения, уничтожения или подчинения себе другого индивида или группы, стремящихся к сходным или идентичным целям (Баронин А.С., 2000).

Этнические конфликты это одна из форм политических отношений, характеризующаяся состоянием взаимных претензий, имеющую тенденцию к нарастанию противостояния вплоть до вооруженных столкновений, открытых войн.

Обычно этнические конфликты выступают следствием проявления негативных стереотипов взаимного восприятия контактирующих народов; также они могут порождаться конфликтной ситуацией, возникающей как результат проявления представителями тех или иных этнических групп.

Этничность сама по себе основана на противопоставлении «мы» - «они», осознаваемом в плане культурных различий. Это противопоставление в

полной мере сохраняется и даже существенно усиливается в ситуации этнического конфликта, когда противостоящая сторона получает признание в качестве носителя другой этнической культуры и системы ценностей – враждебной и стремящейся к доминированию, игнорирующей законные и справедливые национальные интересы (Крысько В.Г., 2002).

С точки зрения Белых Т.В. особенности регулирования конфликта должны определяться спецификой самого конфликта. Особенно эффективным данный процесс является на ранних этапах. Раннее обнаружение конфликтной ситуации позволяет определить конструктивные стратегии его разрешения. Психологическая профилактика конфликтного поведения, должна состоять, прежде всего, в прогнозировании самого конфликта.

Прогнозирование конфликта заключается в обоснованном предположении их возможного будущего возникновения или развития. Оно основывается на научных исследованиях конфликтов, а также на практической деятельности по симптоматике и диагностике назревающих социальных противоречий (Белых Т.В., Козловская Н.В., 2006).

Самым первым направлением психологической профилактики должны стать причины, влияющие на возникновение конфликта. Если на уровне объективных (социальных) причин конфликта должны применяться меры нормативно-правового характера, то с причинами субъективного (психологического) следует работать, используя психологические технологии. Основная работа должна быть нацелена на психическую составляющую личности участников конфликта.

По мнению А.Я. Анцупова, Шишкова А.И., воздействовать на проблемную ситуацию можно в двух направлениях: влиять на свое поведение и воздействовать на психику и поведение оппонента. Наиболее приемлемым является первый способ, т.к. очень трудно и сложно влиять и воздействовать на кого-то. Легче начать работу с самого себя. К некоторым способам коррекции своего поведения в предконфликтной ситуации следует отнести умение грамотно общаться, т.е. уже само по себе умение определить, что процесс общения перешел в конфликтное русло позволяет вернуться на доконфликтный уровень, к нормальному взаимодействию.

Следовательно, профилактика конфликтов это важный способ управления конфликтами. Основная сущность психологической превенции конфликтов состоит в создании таких условий деятельности и взаимодействия людей, которые минимизировала вероятность возникновения или деструктивного развития противоречий между ними.

Превенция конфликта должна идти впереди урегулирования уже разгоревшегося конфликта (даже если выбираются конструктивные пути урегулирования). Профилактика должна быть направлена на субъектов конфликтной ситуации, основные компоненты структурных элементов конфликта, на средства используемые участниками конфликта для отстаивания своей правоты.

Литература

1. Белых Т.В., Козловская Н.В. Психология конфликта. – Ставрополь, 2006.

Харитонов Е.В.

*К.псих.н., ст.н.с. Институт психологии РАН,
Москва, РФ*

Менталитет и язык¹

В последние годы обращение к понятию «менталитет» приобрело в отечественной науке большое распространение. На высоком теоретическом уровне менталитет изучается историей, философией, психологией, социологией, политологией и другими науками.

Менталитет имеет свои каналы трансляции, позволяющие передавать его из поколения в поколение. Главными среди них являются классические, сакральные, фольклорные и иные широко распространенные тексты, структуры языка, предметы повседневного обихода, типичные образы поведения. Менталитет – организующее начало, обеспечивающее культурно-историческую преемственность. В свою очередь, основным компонентом менталитета народа является родной язык, следовательно, анализ языка – благодатная почва для исследования менталитета того или иного народа. Можно представить язык, как зеркало, в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

Глубинные черты национального менталитета проявляются более в наличии и количестве языковых единиц отражающих отношение к универсальным ценностям, особенно ярко такие глубинные черты отражены в фольклоре. В пословицах и поговорках выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенность воззрения; в них проявляются быт и обиход, дух и характер, нравы и обычаи, верования и суеверия. Этнический эталон народа – его представления о совершенном человеке, социально одобряемых формах поведения, ценностях и идеалах – хранится в устном народном творчестве как коллективном продукте народного творчества. Обращение к фольклорному наследию русского народа основано на стремлении исследовать его духовный и нравственный потенциал, нравственные регуляторы поведения человека. Пословицы и поговорки – это отражение народной мудрости; в них воплощен опыт познания разных сторон действительности, человека и его психического мира.

¹ Работы выполнены при поддержке гранта РГНФ № 13-06-00651а.

Язык русского фольклора уже долгое время является объектом исследования лингвистов, но психологами этот богатейший источник изучения русского менталитета еще недостаточно освоен. В последние десятилетия в нашей стране сформировалось особое направление культурологических и филологических исследований – лингвофольклористика. В основе ее лежат труды А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, П.Г. Богатырева, А.П. Евгеньевой, И.А. Осовецкого. Представляется, что обращение психологической науки к анализу национального русского менталитета должно включать в себя изучение фольклора, которое поможет описать основные психологические характеристики особенностей русского менталитета. Выделить наиболее значимые отношения, черты характера, нашедшие свои отражения в русских пословицах и поговорках.

Так, например, анализ пословиц свидетельствует о важности для русского человека понятия чести. Ею определялись отношения между людьми, их социальный статус, оценка действий и поведения человека. Подтверждением этого выступают многие русские пословицы: «Береги платье снова, а честь смолоду»; «Знай честь, коли хочешь хлеб есть»; «Легче в драке, нежели в бесчестье мириться».

К еще одной значимой этнонациональной ценности русского народа относится труд. Все национальное самосознание русского крестьянства было основано на тесном взаимодействии понятий «труд», «вера», «честь». Примером могут служить следующие пословицы и поговорки: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»; «Без дела жить – только небо коптить»; «Без труда нет добра»; «Хочешь жить ладно – работай исправно».

Отличительными чертами русского народа являются его отзывчивость, умение понимать другого человека, чуткое отношение к чужому душевному состоянию, способность интегрироваться с культурой других народов, уважать ее. Удивительная этническая терпимость, а также исключительная способность к сопереживанию, умение понимать и принимать другие народы позволили русской нации создать невиданную в истории империю. И эта черта отражается в народных пословицах и поговорках: «Кто нас помнит, того и мы помянем»; «За добро добром платят».

В пословицах и поговорках проявляются такие свойства русского человека, как гуманизм, доброжелательность в отношении других народов, гостеприимство, самопожертвование, альтруизм. Эти свойства, в свою очередь, порождают социально более глубокие свойства – интернационализм, уважение людей иных культур, их национальных обычаев. Особое внимание русские уделяли отношениям с соседями, что обусловлено многовековой историей общинного уклада жизни: «Худое дело обидеть соседа»; «Жить в соседях – быть в беседах»; «Межи да грани – ссоры да брани».

Пословицы и поговорки, таким образом, не просто изречения, а выразители мнения народа, в них отражаются наблюдения народного ума, народная оценка жизни. Не всякое изречение становилось пословицей, а

только то, которое согласовывалось с образом жизни и с мыслями множества людей. Такие изречения существуют тысячелетия, переходя из века в век. Пословицы справедливо считают сгустками народной мудрости, т.е. тем самым народным опытом, который хранится в языке и передается из поколения в поколение.

Кроме анализа пословиц и поговорок продуктивным может быть и анализ былин, сказок, который позволил бы создать более целостный психологический портрет русского человека, представителей разных социальных слоев, возрастных и половых групп общества, стратегии поведения в разных ситуациях, особенности взаимоотношений членов семьи и семейного воспитания.

Холондович Е.Н.

*К. психол. н., научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Федерального государственного бюджетного учреждения Института психологии Российской академии наук (ИП РАН)
Г. Москва, Россия*

Представления о русском менталитете в наследии Н.И. Костомарова¹

В современном языке понятие менталитет заняло очень прочные позиции. Оно употребляется и на уровне большой политики, и на уровне массового сознания, и как научное понятие. Оно пришло к нам из французского языка и имеет следующее значение. Менталитет – образ, способ мышления, мировосприятия личности или социальной группы [5].

Современная историческая психология испытывает большой интерес к проблеме менталитета. Отправной точкой этого интереса можно назвать работы В. Вундта о психологии народов, где он настаивал на необходимости изучения исторического опыта и соотнесения его со знаниями о человеке и обществе, содержащимися в психологии. Вундт полагал, что язык, мифы и обычаи являются выражением духа народа и служат отправной точкой к пониманию особенностей как индивидуального, так и массового, или народного сознания. Французский исследователь в области исторической психологии М. Блок указывал на то, что исторические факты являются психологическими по преимуществу. С этой точки зрения большое значение представляют работы российских историков и философов, содержащих богатейший материал о менталитете русского народа. В русской историографии и философии конца XIX – начала XX в.в. наиболее часто можно встретить понятие дух народа, его характер, что по нашему мнению

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-06-00651a

отражает общий смысл понятия менталитет. Это характерно для работ Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Н.Я. Данилевского, Н.И. Костомарова, Н.И. Надеждина и др. [1].

Для раскрытия представлений о коренных особенностях российского менталитета важно обратиться к историческим работам Н.И. Костомарова. В частности к работам, отражающим особенность русской жизни допетровских эпох. Именно в период средневековой Руси происходило формирование коренных черт российского менталитета, которые возможно имеют глубинный характер, т.к. западные заимствования оказали существенное влияние на дворянское сословие, не коснувшись большой крестьянской массы. Н.И. Костомаров дает следующее определение устойчивым признакам народа: «Духовный состав, степень чувства его, приемы или склад ума, направление воли, взгляд на жизнь духовную и общественную, все, что образует нравы и характер народа, это – сокровенные внутренние причины, его особенности, сообщающие дыхание жизни и целостность его телу. Все, что входит в круг этого духовного народного состава, не высказывается поодиночке, отдельно одно от другого, но вместе, нераздельно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все полнее составляет единый стройный образ народности» [3, с. 34–35]. В своих работах Н.И. Костомаров указывает на главные истоки зарождения любой народности – это география и климат, жизненные условия и обстоятельства (что можно охарактеризовать как общая история) и общий язык. Они являются по нашему мнению одними из устойчивых факторов, влияющих на формирование менталитета. Так славянские народности, по мнению Костомарова, объединялись в процессе своего исторического развития по принципу принадлежности к общей славянской семье, по общности происхождения и территории, вере, книжному (церковному) языку и соединенной с ними образованностью, особенностям быта (народного, общественного, домашнего), нравам и обычаям. С этой позиции он рассматривает великорусскую народность и выделяет ее существенные особенности.

• *Стремление дать прочность и формальность единству своей земли.* Подчинить себе другие славянские земли, объединить их под свое крыло. В период монголо-татарского нашествия появление на Руси зачатков единой державной власти – «приказчика хана», который становится Великим князем и управителем русских земель (он утверждался в орде, следовательно, должен приниматься всеми князьями безоговорочно). В период Московского царства выделение царя как властителя всея Руси. В петровскую эпоху – единая державная власть императора.

• *Православие, пришедшее к нам из Византии и принесшее идею монархизма, как высшей власти, освященной свыше, «внесло идею «промысла Божьего», идею загробной жизни, гнева Божьего или Благословения. Традицию испрашивать благословение Божье и все успехи приписывать исключительно ему» [3, с. 45]. Это было особенностью как*

исторической жизни, так домашнего быта человека. Православие задавало условия нравственного, общественного и социального поведения человека.

• *Отсутствие личной свободы, общность, поглощение личности*: «Бог да царь во всем! – формула, знаменующая крайнее торжество господства общности над личностью» [3, с. 52]. И как следствие покорность избранной власти.

• *Опора на массу*, а не на бояр или княжескую дружину, как привилегированное, аристократическое сословие, под формальным лозунгом: защита сирых и убогих. Именно к народу обращается царь в критические моменты русской истории.

• *Опора светской власти на духовную и наоборот*. «Духовенство поддерживало князей в их стремлении к единовластию, князья также ласкали духовенство и содействовали ему сильно, но при каждом случае, когда духовная власть переставала идти рука об руку с единодержавною светскою, последняя сейчас давала почувствовать духовной власти, что светская ей необходима» [3, с. 51]. Например, расхождения между Иваном Грозным и митрополитом Филиппом, царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном.

• *Религиозность великорусская – сосредоточенность на внешней ее стороне* (обращение к обрядам, формулам, споры об исполнении того или иного обряда. В историческом контексте эта особенность вылилась в разного рода ереси, раскол).

Характерные особенности русской жизни, складывавшейся на протяжении столетий, вырабатывали у русского человека определенные особенности мышления и способы реагирования. Так, например, Костомаров пишет, что «стремление к тесному слиянию частей, уничтожение личных побуждений под властью общих, ненарушимая законность общей воли, выраженная как бы смыслом тяжелой судьбы, совпадают в великорусском народе с единством семейного быта и поглощением личной свободы идеей мира, выразились в народном быте неделимостью семей, общинною собственностью и тяглом посадов и сел в старину, где невинный отвечал за виновного, трудолюбивый работал за ленивого» [4, с. 60]. Великорусский мир – отвлеченное выражение общей воли, поглощает самобытность каждого. Член мира не может назвать своею собственностью участок земли. Единство общественного и государственного. Все общество отдает свою судьбу тому, кто освещен Божественной властью, все ему обязаны повиноваться. Все Божье да царское. Перед царем и пред Богом все равны. «Воля Божья, суд царев» – гласит русская пословица. Безропотное терпение и покорность. Государь раздавал землю своим приближенным в пользование, а не в собственность. Понятия собственности не было – что дается царем может быть отнято и отдано другому. И в домашнем образе жизни транслировались те же положения. Хозяин, как и государь, был волен дарить и миловать всех кто ему мил, а мог карать и наказывать. Под его властью были жены, дети, холопы, крестьяне и т.п. Крайний деспотизм между рабами и хозяевам отмечает Костомаров в XVI – XVII в.в. в Московском царстве.

«За всяким тычком не угонишься», – приводит он русскую пословицу. Холопы воспринимали такое отношение как норму. Они в свою очередь занимались попрошайничеством и разбоем. На что хозяева смотрели сквозь пальцы. Бесчинство господ было вровень с бесчинством слуг. У русских считалось, что только страх побуждает к хорошей службе. В этом контексте Костомаров указывает на другую русскую пословицу: «За битого двух небитых дают». «Ни для кого на Руси, даже самых знатных и богатых, не было никакого ручательства против произвола» [4, с. 96]. Иван Грозный отнимал у дворян родовые именья и давал поместья в отдаленных провинциях. Дворянство беднело. Царская воля не была благоприятна для упрочения сословий. Как только человек начинал выделяться – его разоряли, ссылали, подозревая в плутовстве. Дворянство разорялось царской немилостью и многочисленными войнами, купечество разорялось при попытке стать богаче, приказные подозревались в воровстве и плутовстве, крестьяне в большинстве своем, обязанные отработать пять дней барщины, не имели возможности содержать свое хозяйство в достатке. Но в то же время Костомаров отмечает, что «общество безжалостное к нуждам и скудости семейств, было милостливо для нищего...» [4, с. 97]. Спасаясь от произвола, большая часть населения «шталась», уходила нищенствовать.

Семейный быт русского человека имел свои особенности. В нем очень тесно было кровное родство, что заставляло человека быть более дружелюбным, снисходительным к близким, т.к. он своя кровь. К одному двору, семье принадлежали большое число родственников. Они селились вместе, вели хозяйство. Несколько изб и дворов объединялись под одной крышей, соединялись переходами. И это было характерно как для царской семьи, так и для простого зажиточного крестьянина. Такой своеобразный способ постройки «выражал сочетание родового единства с личностью и семейной отдельности. Двор русского зажиточного человека напоминал собою древнюю удельную Русь, где каждая семья стремилась к самостоятельности и все вместе не теряли между собой связи» [4, с. 34]. По смерти владельца, наследникам удобнее разделиться, а при желании завести собственный двор – легче перенести на новое место старые строения. Но исторические условия заставляли родственников держаться вместе (частые набеги, голод, мор). Хотя каждый двор был закрыт для чужого взгляда глухими воротами и высокими заборами. И нравы, царившие в семьях, были очень жесткими.

В отношении религиозности русского человека Костомаров выделяет следующий факт. В русском человеке присутствует стремление к практическому осуществлению христианского добра, и это отличало людей истинно нравственных, в них было мало внутреннего покоя и созерцательности. Но также были ханжи и изуверы, которые стремились более к исполнению внешних форм и обрядов, и мало задумывались над их сутью. Образованный класс, как отмечает Костомаров, вообще был мало верующий или совсем не верующий, чаще всего и то и другое по увлечению, например, неверие для того чтобы прослыть просвещенным.

Характерно, что общий богослужебный язык принес на Русь как нравственные нормы и правила, так и правила общежития. Например, русские согласовывали свой образ жизни с богослужебным порядком. «Счет часам был восточный, заимствованный из Византии вместе с церковными книгами» [4, с. 76]. Костомаров делает акцент на том, что «в русском образе жизни было соединение крайностей, смесь простоты и первобытной свежести девственного народа с азиатской изнеженностью и византийской расслабленностью», коренное отличие в быте у знатных особ и у простолюдинов [4, с. 81]. Первые отличались изнеженностью, недеятельностью, неподвижностью, вторые, – терпимостью, твердостью, равнодушием к лишениям удобств жизни (голод, стужа, грубая, скудная пища, теснота). Костомаров охарактеризовал русского человека как «нечувствительную крепкую натуру» [4, с. 82]. Он пишет о невероятной выносливости русского человека XVI – XVII века. Но указывает и на другую его особенность. «Пусть только бедному простаку поблагодарит за счастье, и он тотчас усвоит себе неподвижность, тяжеловатость, обрюзглость богатого и знатного лица; зато знатный и богатый, если обстоятельства поставят его в иное положение, легко свыкнется с суровой жизнью и трудом. Прихоти были огромны, но не сложны и не изысканы, с одинаковым воззрением на жизнь, с теми же верованиями и понятиями, как и у простолюдинов. Знатные люди не успевали отделиться от массы народа и образовать замкнутое в себе сословие. Посты имели в этом отношении благоприятное влияние на нравственность и поддержку основ равенства в народе; посты не давали утопать богачу в обжорстве и сластолюбии до невероятности и помогали низойти к убогому столу простолюдина» [4, с. 83]. Т.е. единые духовные корни регулировали не только отношения между людьми, но и упорядочивали сословные различия. Тут же мы видим, что суровые условия климатические и исторические сформировали в русском человеке устойчивость к трудностям и терпеливость к превратностям судьбы.

Климат в сочетании с религиозными традициями формирует у русских определенный рацион и отношение к здоровью. Несмотря на разность возможностей материальных все были объединены необходимостью соблюдать посты. Также и в отношении здоровья. Свиерепствовавшие эпидемии уносили огромное количество населения, чему способствовали отсутствие гигиены и медицинской помощи. Но было средство, которое использовали все. В каждом дворе, и царском, и самом бедном крестьянском, имелась баня. Бани были также государственные. В баню ходили не менее одного раза в неделю обязательно. Если же человек заболел, он непременно шел в баню, т.к. она, по мнению русских, имела целебные свойства.

Интересны нравы, принятые в Московском государстве. В обращении между знатными людьми соседствовали смесь «византийской напыщенности и церемонности с грубостью татарскою» [4, с. 103]. Перед людьми высшими «сгибались», стараясь угодить, перед низшими, – выказывали высокомерие. Костомаров отмечает, ссылаясь на различные источники, что в отношениях

было мало искренности. Больше «церемонности и осторожности». Но не скупилась и на крайнюю грубость и брань, которая была неотъемлемой частью русской жизни. Церковь не раз призывала «не лаять позорной бранью», а цари старались вывести ее батогами и кнутом [4, с. 104]. Если на Западе для благородного сословия и простолюдинов формы защиты своей чести и достоинства были крайне различны, то для русских XVI – XVII веков они были одинаковы. Как правило, это были драки, скачки на лошадях и хлестанье друг друга бичами, драки кулачные, драки на палках. В XVII веке в ходу было доносительство. Как указывает Костомаров, тяжба как род поединка. Когда это касалось интересов правительства – это даже поощрялось. Доносители получали имения своих врагов. Товарищества было мало.

Как и в любом обществе на Руси существовали кроме постоянных форм солидарность (семья, сословия и классы, религиозные сообщества) временные формы – праздники и пиры. Церковные праздники, свадьбы и похороны, царская слава и победа все было поводом для пира. И у царей, и у крестьян были общие черты, приемы, обряды и ритуалы проведения пира, которые соблюдались очень строго. Разделялись собственно пиры (дает один человек) и братчина (складчина многих хозяев, между поселянами). Кроме обильной еды и питья главной формой развлечения, официально одобренной церковью, было церковное пение. Инструментальная музыка считалась греховной. Ее исполняли скоморохи (танцоры, музыканты, укротители, актеры и т.п.). В скоморошских представлениях сохранялись языческие корни, «остатки древней славянской мифологии» [4, с.113]. Среди молодежи были распространены кулачные бои, скаканье на лошадях наперегонки, бег взапуски, метание копья в кольцо, положенное на земле, стрельба из лука. Женщины водили хороводы, катались на качелях и досках. Одна из любимейших забав русских XVI – XVII веков катание на коньках.

Большое внимание в своих исследованиях Н.И. Костомаров уделяет народной языковой культуре. «Изучение песен народных позволит понять дух народа, который проникает эти произведения, с которым он увидит в настоящем свете понятия, чувствования, воззрения этого народа, а затем, события, повороты, перевероты и остановки и т.д.» [2, с. 520]. Песня – это отражение души народа, его собственной силы, его идеального «Я». В русских песнях присутствует герой разбойник, идущий наперекор обстоятельствам и несправедливости, разрушение всегда с целью созидания. Поэзия обращается к историческому эпосу или сказке, практически не касается текущей действительности, она хранится в сфере воли и светлой души. «В великорусском элементе есть что-то громадное, создательное, дух стройности, сознание единства, господство практического рассудка, умеющего выстоять трудные обстоятельства, уловить время, когда следует действовать, и воспользоваться им насколько нужно» [3, с. 56].

Таким образом, мы видим, что в XVI – XVII в.в. жизнь высших сословий и простолюдинов мало отличалась между собой. Нравы, обычаи, отношения между людьми, отношение с властью были в общих чертах одинаковы. И они

формировались под воздействием определенных факторов (природно-географических и материальных: богатство, труд, экономическая жизнь) и выражались в соответствующих им способах поведения, верованиях и убеждениях. Костомаров в своих работах высказывает мысль о том, что устойчивые признаки народа, более глубинные, малоподвижны и изменяемы. Но существуют и изменяющиеся признаки, более поверхностные. Они меняются под напором обстоятельств, но меняются на свой лад, с налетом традиционных представлений и верований. Изменения происходят по двум противоположным причинам, как полагает Костомаров. Первая, народ накапливает достаточно энергии для духовного роста и совершенствования. Вторая, «недостаток побуждений к дальнейшей обработке запасенных материалов образованности, когда народ довольствуется установленным строем и не подвигается дальше» [3, с. 34]. Тогда он неизбежно приходит к заимствованиям. При этом автор подчеркивает, что более образованный народ крепче хранит свои традиции.

В своей историографии Костомаров представляет очень точное и живое описание конкретных эпох, истоки становления великорусской народности, показывает, как формировались базовые черты характера народа, какое отражение они находят в каждом сословии, и что общего было между царем и простым русским крестьянином, что претерпевало изменения, а что оставалось неизменным. Интересно также, что автор для исследования использует не только исторические источники, но и устное народное творчество, придания, песни, пословицы, т.к. они наиболее полно впитали в себя коллективную народную память. Работы русского историка Н.И. Костомарова, несомненно, важны и для понимания особенностей менталитета современных россиян, т.к. помогают раскрыть и понять те глубинные черты национального характера, которые проходят сквозь века и остаются неизменными.

Литература

1. Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
2. Костомаров Н.И. Великорусская народная песенная поэзия // Исторические монографии и исследования. СПб. 1905. – Кн. 5. – Т. 13. – С. 517–568.
3. Костомаров Н.И. Две русские народности // Исторические монографии и исследования. СПб. 1903. – Кн. 1. – Т. 1. – С. 31–65.
4. Костомаров Н.И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI – XVII столетиях и старинные земские соборы // Исторические монографии и исследования. СПб. 1906. – Кн. 8. – Т. 19. – С. 6–232.
5. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2002.

Стресс как последствия психологического сопротивления

В последние годы значительно возрос интерес к вопросам связанным со и механизмами формирования стрессоустойчивости в профессиональной деятельности человека. Современная профессиональная и социальная активность субъекта труда становится в условиях глобализации все более насыщенной и сложной. Трудовая деятельность многих профессий часто проходит в условиях, требующих усиленного расхода внутренних резервов человека. Длительные значительные перегрузки без достаточных условий полного восстановления сил, оказывают наиболее неблагоприятное воздействие на человека, иногда полностью дезорганизуя его деятельность. При продолжительном влиянии комплекса таких факторов с большой долей вероятности можно ожидать появления ряда выраженных функциональных сдвигов и психологических изменений, ухудшения работоспособности, снижения качества работы, т.е. феномена, получившего в психологической литературе название профессионального стресса.

Данную проблему в своих трудах рассматривала А. Фрейд. Она полагала, что защитные механизмы, и есть бессознательные, приобретенные в процессе развития личности способы достижения Я компромисса между противодействующими силами Оно или Сверх-Я и внешней действительностью. Механизмы психологической защиты направлены на уменьшение тревоги, вызванной интрапсихическим конфликтом [4].

Изучение стресса является основой преодоления негативных последствий стрессовых ситуаций, а также развития стрессоустойчивости человека на рабочем месте.

На базе ФГБОУ ВПО «КубГУ» филиала в г. Славянске-на-Кубани проведено исследование, целью которого явилось выявление причины профессионального стресса как последствия психологического сопротивления преподавателями университета. В качестве объекта исследования были определены стратегии и модели преодоления стресса преподавателями университета. Предметом исследования явились особенности преодоления стресса преподавателей университета в профессиональной деятельности.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение - синдром наличия стресса и эмоционального выгорания развивается с учетом психологических защит и сопротивления и является стрессом в любой сфере профессиональной деятельности человека.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что любое решение проблемы часто сопровождается неприятными или даже болезненными душевными ощущениями, боясь, испытать боль и разочарование мы

начинаем, сопротивляться данным проблемам и «заталкивать» их глубоко в себя. Особое значение для проявления стресса имеет оценка человеком ситуации, в которой он находится: переживания, разочарования, конфликта, угрозы и т.д.. Особенности реагирования на стресс зависят от чувства силы или бессилия в конкретной ситуации. В этот момент могут сработать психологические механизмы защиты, сопротивляясь которым человек, может довести себя до расстройства личности. Психологическая защита – это естественное противостояние человека окружающей среде. Она бессознательно предохраняет его от эмоционально-негативной перегрузки. Все кажущиеся разнообразными техники можно свести, в принципе, к единой функции: "Что бы ни делать, как бы ни делать, лишь бы достичь комфортного состояния, безопасности". Первая трудность на пути к освобождению от проблемы - это преодоление психологических сопротивлений и защит человека в его же интересах. Получается, что психологические сопротивления и защиты - это силы в психике человека, которые всячески мешают какой либо помощи в преодолении существующих проблем человека. Если оставить человеку защиты, но долго не давать помощи, то он становится странным, неадекватным, закомплексованным и т.п. Потому что защиты выполнили свою функцию: они защитили от психологической боли в тяжелой ситуации, но они не создали психологического комфорта и они не пригодны для жизни в благополучной ситуации. В качестве стрессогенных факторов могут выступать: профессиональная вредность, особо высокий темп работы или ее монотонность, завышенные требования к человеку, отсутствие возможности восстановиться и отдохнуть. В итоге продолжая работать человек, копит в себе недовольство и боль, становится более раздражительным и молчаливым, при этом качество работы, как правило, ухудшается. Задача грамотного руководителя помочь выявить причину такого состояния своего сотрудника. Возможно, проблема не столь велика, как кажется, а человек уже наказал, себя за нее и переживает, боясь, повторных неудач или промахов. Защитное поведение помогает человеку избежать проблем, которые пока он не может решить, позволяя преодолеть тревожное состояние, «уйти от угрожающей реальности», преобразовав эту угрозу. На какое-то время защитный механизм необходим, поскольку человек в данный момент не может решить проблему, но если время идет, а человек проблему не решает, то потом этот защитный механизм может являться препятствием личностного роста. Поведение человека становится труднопредсказуемым, он может вредить сам себе, он уходит от реальности и от тех проблем, которые ему надо решить, т.е. сами защитные механизмы часто порождают все новые и новые проблемы, причем настоящую свою проблему человек прячет, подменяя ее новыми "псевдопроблемами". Следует отметить, что при наличии стресса, в пределах его допустимого уровня, работники нередко выполняют работу лучше, чем в обычном состоянии: улучшается реакция, повышается скорость движений, увеличивается интенсивность труда. Однако высокий уровень стресса и особенно длительное пребывание в стрессовом состоянии приводят

к резкому ухудшению показателей работы. Для того чтобы выдержать психологическую нагрузку и не стать жертвой профессионального стресса необходимо прежде всего знать, что именно является причиной. В настоящее время существует единая точка зрения на сущность психического выгорания и его структуру. Согласно современным данным, под «психическим выгоранием» понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основные составляющие, выделенные К. Маслач: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений [3]. Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости. В управлении персоналом, для руководителя большой интерес представляют факторы, которые вызывают стресс на рабочих местах. Зная и уделяя особое внимание этим факторам, можно предотвратить многие стрессовые ситуации и повысить эффективность управленческого труда. Стресс является причиной многих заболеваний, а значит, наносит ощутимый вред здоровью человека, тогда как здоровье – одно из условий достижения успеха в любой деятельности. Чтобы предотвратить стрессы сотрудников руководитель должен знать реальную ситуацию в коллективе – степень эмоциональной и физической нагрузки и отношения к ней со стороны самого сотрудника. Для этого нужно регулярно проводить опросы и тесты в коллективе, иметь штатного психолога для проведения занятий по снижению возникновения стресса и его преодоления, уметь поставить психологические защиты. Психолог способен помочь проанализировать поведение руководителя и возможно помочь ему пересмотреть в первую очередь самого себя, проанализировать ошибки, изменить структуру своего руководства и отношения к сотрудникам. При правильно выбранном методе руководства причины стресса минимально снизятся, при этом качество работы сотрудников увеличится.

В заключении можно сделать вывод каждый человек по-разному реагирует на стресс. В этом проявляется его индивидуальность. Следовательно, синдромом наличия эмоционального выгорания, с учетом психологических защит и сопротивления является именно стресс в любой сфере профессиональной деятельности человека.

Поставленная выше цель подтвердилась, гипотеза получила свое подтверждение.

Литература

- 1.Алиев, Х.М. Защита от стресса. Как сохранить и реализовать себя в современных условиях. М.: «Мартин», «Полина», 2006. 240с.
2. Маслач К. Профессиональное выгорание: как люди справляются. Статья. 1978. Интернет.
- 3.Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса //Вестн. Моск. Ун-та.сер. 14. Психология. 2000, № 3, с.421.
4. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. Электронная библиотека RoyalLib.Ru, 2010-2013.

Сенаторов В.А.
*Аспирант кафедры общей психологии
и истории психологии
Московского Гуманитарного Университета
г.Москва, Россия*

Динамика развития отечественного социально-психологического знания в 1960 – 1970-е годы

Предметом нашего исследования является процесс «второго рождения» социальной психологии в нашей стране после десятилетий ее вынужденного пребывания под запретом.

Известно, что впервые социальная («общественная») психология как самостоятельное направление в структуре психологического знания в России возникает в конце XIX – начале XX веков. У ее истоков стоят такие известные ученые, как В.М. Бехтерев, Г.В. Плеханов, М.М. Троицкий и др. Запросы практики и объективные потребности развития логики научного знания обусловили быстрое развитие этого направления, появление многочисленных работ в этой области (В.М. Бехтерев, А.С. Залужный, М.Ф. Беляев, А.Л. Шнирман, А.С. Макаренко и др.). Этот этап развития социальной психологии увенчался изданием фундаментального труда В.М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (1921), выполненного в русле рефлексологического подхода.

Однако в результате методологических дискуссий в 1930-е годы была признана нецелесообразность развития данного направления как якобы претендующего на исключительное право изучения психики в ее социальной обусловленности и тем самым косвенно постулирующего, что все другие направления психологии исследуют индивидуальные психические проявления все учета их социальной природы. Разумеется, это был ложный посыл, однако он возымел силу. Сказался, вероятно, осуществляемый в этот период разгром рефлексологии и отказ от разработки поведенческого направления. Печальным итогом стало прекращение отечественных социально-психологических исследований почти на три десятилетия.

Восстановление социальной психологии хронологически относится к рубежу 1960 – 1970-е годы. По мнению разных авторов, именно в этот период вновь появляются социально-психологические работы, начинают разрабатываться проблемы методологии социально-психологического исследования. Так, согласно А.В. Баранову, именно в это время социальная психология вновь появляется в поле зрения ученых после долгого перерыва [1, с. 93]. А.В. Петровский отмечает, что именно тогда в социальной психологии появляется экспериментальная база после «неудачного дебюта 20-х годов» [4, с. 89].

Появившись в конце 1960-х годов, социальная психология в 1970-е годы приобретает интенсивное развитие, окончательно оформляется как

особая отрасль психологической науки. Попытаемся проследить ее динамику в этот период.

Следует отметить, что в ходе исследования, наряду с качественным анализом, нами использованы количественные методы, которые, являясь наиболее формализованными, позволяют взглянуть на историческую ситуацию непредвзято, избежать субъективности в оценках и суждениях, воссоздать объективную картину исследуемого процесса. Согласно И.Д. Ковальченко [2, с. 148], всякий объект существует в неразрывном единстве своих качественных и количественных характеристик. Поэтому, осуществляя количественный анализ рассматриваемой проблемы, мы получаем и специфические качественные данные об исследуемом объекте.

Важно было выбрать адекватный измеритель исследуемой научной проблемы как наиболее информативный и отражающий ее сущностные характеристики. В качестве такого измерителя (количественного показателя) были использованы *продукты научной деятельности*, воплощенные в изданных научных трудах (индивидуальных и коллективных монографиях, сборниках научных работ, методических пособиях), статьях, отражающих «знание передового рубежа» а также диссертационных исследованиях по социальной психологии. В ходе анализа учитывался объем изданной продукции за рассматриваемый период и ее тематика.

В качестве источников исследуемых данных выступили «Ежегодник книги», выпускаемый Книжной палатой РФ, журналы «Вопросов психологии» и «Вопросы философии», фонды диссертационного отдела РГБ.

Анализ книжных изданий и статей позволил не только отследить относительно оформившееся знание, но и раскрыть многовариантность подходов, особенности дискурса при обсуждении ключевых проблем социальной психологии (ее предмета, места в системе психологического знания и межпредметных связей, основных задач и методов исследования).

В диаграмме № 1 представлена динамика изданий научной продукции в области социальной психологии по всем трем обозначенным рубрикам в ее хронологической представленности в 1960 – 1970-е годы.

Как видно из диаграммы, первые десять лет восстановления социальной психологии являлись подготовительным этапом для более бурного роста, наблюдающегося во втором десятилетии рассматриваемого периода. Наиболее плодотворными годами, когда все виды изданий достигают своих пиков одновременно, являются 1970, 1973 и 1979 годы. Следует отметить волнообразность каждого из рассматриваемых графиков и их относительно независимый характер. Это можно объяснить, по-видимому, взаимными переходами одного вида творческого продукта в другой и привлечением интереса всё большего количества учёных к восстанавливаемой отрасли науки.

Из полученных данных видно, что социальная психология представляла собой в 1960-е годы слабо разработанную, но привлекающую научный интерес область научного знания, незаслуженно вытесненную в тень. 1970-е годы ознаменовались интенсивным развитием социально-психологических исследований и оформлением социальной психологии как самостоятельной отрасли в системе психологического знания.

Для проведения качественного анализа изданий и их тематической классификации необходимо было создать рубрикатор психологических проблем и направлений психологии, отражающий структуру социально-психологического знания. В качестве основы был взят перечень направлений, отраслей и проблем психологии, представленный в работе В.А. Кольцовой [3, с. 485], который был дополнен новыми направлениями и проблемами социально-психологического знания.

В ходе тематического анализа проводилось распределение публикаций по направлениям социальной психологии с выделением проблемных областей. Применялся также метод подсчета числа публикаций, относящихся к разным проблемным областям социальной психологии (сленговый метод). При этом счету подвергались именно проблемы (если в заголовке публикации выделялась не одна, а две и более проблем, публикация квалифицировалась как относящаяся, соответственно, ко всем указанным проблемам). В ходе тематической классификации было выделено 14 разрабатываемых в рассматриваемый период направлений социальной психологии и более 40 проблем.

Рассмотрим книжные издания как отражающие наиболее оформившееся, устоявшееся социально-психологическое знание. Хотя, конечно, применительно к отрасли знания, переживающей период становления, можно говорить лишь как об относительно устоявшемся знании: обсуждение всех ключевых проблем в этот период носило остро дискуссионный характер.

Полученные данные показывают, что наибольший интерес исследователей был сосредоточен на общих проблемах социальной психологии – рассмотрении ее методологических основ. В частности, обсуждение вопроса о предмете социальной психологии было представлено в 26 изданиях.

Второе место по количеству изданий занимает социальная психология коллектива, насчитывающая, поучившая отражение в 17 изданий. В свою очередь, в рамках этого направления выделено 4 проблемных блока: собственно социальная психология коллектива; формирование коллектива; социально-психологический климат коллектива; личность в коллективе.

Третье место по количеству изданий заняло направление социальной психологии личности, представленное 15 изданиями. Столько же было издано учебной и методической литературы по социальной психологии в рассматриваемый период.

Наименее разрабатываемыми в рассматриваемый период оказались массовидные социально-психологические явления, психология социальной установки и психология межличностных отношений, представленные всего по одному изданию каждое.

Таким образом, на основе полученных данных удалось выявить актуальные запросы общества на разработку социально-психологических проблем. Наше исследование показало, что наиболее социально востребованной в 1960-х – 1970-х годах являлась проблематика коллектива и его влияния на личность. Количество работ по общим вопросам социальной психологии отражает особенности этапа развития направления, предполагающего разработку, в первую очередь, его методологических оснований. Динамика роста числа научных публикаций рассматривается как наукометрический индикатор научной продуктивности и актуальности рассматриваемой области психологической науки, а разрабатываемые проблемы отражают пути понимания предмета науки и решений насущных вопросов общества.

Литература

1. Баранов А.В. О предмете социальной психологии // Вопросы психологии. – 1962. – № 2. – С. 92–100.
2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
3. Кольцова В.А. История психология: проблемы методологии. М., 2008.
4. Петровский А.В. На путях развития социальной психологии в СССР // Вопросы психологии. – 1971. – № 6. – С. 89–100.
5. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981.
6. Хайтун С.Д. Наукометрия: состояние и перспективы. М., 1983.

**РАЗДЕЛ IX. ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА,
СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ**

**SECTION IX. PHILOLOGY, LINGUISTICS, STUDY OF
CONTEMPORARY LANGUAGES**

Roxana Dayani
M A Student of English Literature,
Tehran, Iran

Behrooz Mahmoodi Bakhtiari
Associate Professor
Department of Performing Arts ,
University of Tehran,
Tehran, Iran

Exchange of Power in David Mamet's *Oleanna*: A study within Leech's Model

Abstract

This article seeks to analyze the verbal interactions in *Oleanna* within Geoffrey Leech's Model of Politeness [1983] in order to show the gradual occurrence of exchange of power and show how this conflict in the academic discourse of the play takes place. The Model of politeness is applied to impositives, commissives and expressive speech acts, to linguistic behaviors such as pause and interruption performed, and produced only by the professor in the first act on which the foundation of asymmetric relationship announced in second and third acts is laid. The selection for verbal interactions is limited to the most salient examples of impoliteness that culminate in professor's failure and deterioration. Our focus for interpreting (im)polite illocutions is on absolute politeness for which Leech has considered a set of pragmatic scales, having a positive and a negative pole. Through the application of politeness principles on illocutions and placing these illocutions on pragmatic scales of absolute politeness, both impoliteness and politeness are found in professor's interaction albeit in Carol's end his language is offending and impolite. What motivates her for gaining power is prominent break of approbation and modesty maxims. The final hope of this study is to show how observing and breaking politeness maxims make the professor vulnerable to Carol's new voice and give way into the asymmetric relationship between them.

Key Words: *Oleanna*, Leech, Exchange of Power, Politeness Principles, Absolute politeness, Asymmetric relationship

Linguistic approach to Mamet's *Oleanna* can unravel the underlying occurrence of exchange of power between its two characters, the Professor John and his student Carol, who apparently seeks an aid from her instructor for a better grade. The facts that professor's speech embodied Carol's consequent fatal accusation against him manifests that Mamet has manipulated language in a way that verbal interaction between John and Carol culminates in role- reversal which is considered as a linguistic conflict in their interaction. Introducing politeness as an antidote to conflict, Leech makes his model a suitable candidate for our aim of showing how shift of power has taken place and how professor gradually loses his power in this process. In Leech's theory, the function of politeness is to maintain social harmony and equilibrium in one's interaction. In *Oleanna*, Carol's uproar on her professor and the shift of power can be interpreted as absent of this harmony leech mentioned. While this study takes an exchange of power as a linguistic conflict of play, most of previous studies focus on defined aspect of

power as a conflict of play. Scholars like Silverston [26, pp.113] and Garner Jr [8, p.39], examine the issue of power in relation to the institution of education. While Kulmala [13, p.101-102] defines *Oleanna* as dramatization of power struggle over habitus, concept proposed by Bourdieu [5, p.30], Maclead [16, p.202], Rayan [21, p.393] and Piette [19, p.117] introduce its conflict as a struggle for self-serving goal and survival in capitalistic society. However, Close to the approach of present study is C.W.E Bigby's view [3, p.195] that characters' battleground is language and Brenda Murphy's emphasis [18, p.126] on the significant of language. Without considering the initial aim of John and Carol for gaining power over each other or defining especial kind of power, we try to shed light on Mamet's main subject as human interaction and the use of language. Whereas previous studies provide valuable perspectives for reading *Oleanna*, they rarely represent close analysis on John's linguistic interaction. In this sense, the exchange of power ensues character's linguistic battleground in the first act. Carol's complain and accusation in final act calls John's language offending, the point which directs our attention to Leech's Politeness Principles that the interlocutors should avoid discord. Leech's models aid us in close analysis of John's interactions on account of the association it has made between classification of illocutions and of politeness maxims. We seek to apply politeness principle of Leech to professor's conversational and linguistic behavior to discuss the gradual occurrence of shift of power. This study within Leech's model will offer pragmatics perspective to language of professor and presents comprehensive look towards Carol's claims than concise look that has imposed concepts of sexual harassment and political correctness to her words. This study will honor Mamet's statement that his characters "are absolutely both wrong and they are absolutely both right" [12, p. 144].

For applying politeness framework on conversational behavior of professor, there needs to take into consideration the dramatic strategy of Mamet in developing the process of John's downfall. The first act that is the first interaction between John and Carol in his office represents the balance_ sheet relationship between them as professor and student. Thus defining (im)politeness of John's linguistic behavior should be done in regard to the academic discourse of play. While in the first act, both characters are playing within teacher-student relationship, the second and more shocking third acts show the reversal of these roles. Due to the focus Leech puts on the determinative role of hearer in considering the language of speaker favorable or unfavorable, respectively polite and impolite, the two final acts are master keys containing Carol's impression and interpretations of John's utterances produced in the first act. To talk about the exchange of power as the dramatic tension of play, we need to consider the power difference between John and Carol. According to West and Zimmerman's concept of participant identities_ master identities, situated identities_ [33, p.116] this power difference can be illuminated. Over the dimensions like age, sex and social class and based on particular social setting like identities of professor and student, John has power over Carol as a young, female and lower class student. In an attempt to follow the linguistic process of exchange of power in *Oleanna*, this study firstly begins with briefly reviewing politeness principles proposed by Leech

and the functions of conversational behaviors such as pause and interruption proposed by Vimala Herman. Then, politeness maxims will be applied to conversational and linguistic behavior of John to discuss the gradual occurrence of shift of power. The final hope of this paper is to examine break of politeness maxims that are variously done by John while trying to maintain the social harmony.

Principles of politeness articulated Leech's politeness theory where he proposed comprehensive politeness principles (PP). He defines his principles as follow: it is "to maintain the social equilibrium and the friendly relationships which enable us to assume that our interlocutors are being cooperative in the first place" (15, p.82). Besides, Leech makes distinction between "absolute" politeness, pertaining to utterances made independent of any context, and "relative" politeness, referring to the degree to which a given utterance corresponds to the social norms of the communicants. PP is composed of six maxims of Tact, Generosity, Approbation, Modesty, Agreement, and Sympathy. Before describing them, we should notice that Leech classified illocutionary functions into four types. In order to show their relationship to the social goal of establishing and maintaining comity, he associates one or more of Searle's categories of illocution with his maxim since some of these categories correlate with different types of politeness. He defines these illocutionary functions as follow: a) Competitive: the illocutionary goal competes with the social goal: e.g. ordering, asking, demanding, begging, etc. b) Convivial: the illocutionary goal coincides with the social goal; e.g. offering, inviting, greeting, thanking, congratulating. c) Collaborative: it is indifferent to the social goal; e.g. asserting, reporting, announcing, instructing. d) Conflictive: it conflicts with the social goal; e.g. threatening, accusing, cursing, reprimanding. Of these four types the first two are chiefly deals with politeness. Politeness in competitive illocutionary act is negative character in that its purpose is to reduce the discord implicit in the competitive between what speaker wants to achieve and what is "good manners". The second type is the contrary intrinsically courteous, it talks more positive form of seeking opportunities for comity. Thus, Leech defines categories of positive and negative politeness; the first illocution corresponds with positive politeness and second illocution with negative politeness. In terms of negative politeness, PP is required to mitigate the intrinsic discourting of the goal. The third category is irrelevant to politeness and the last one is against politeness, since it designed to cause offence. In addition, Leech mentions the definition of illocutionary acts proposed by Searle [24, p.12-20] to show how politeness affects them. The assertive are belonged to collaborative category, impositives belongs to the competitive category and negative politeness are found with them. Commissives are likely to be convivial since are performed to the interest of hearer than speaker. Now it is essential to see how Leech describes his maxims of politeness according to mentioned illocutions:

Tact Maxim (in impositives and commissives)

(a) Minimize cost to other [(b) Maximize benefit to other]

Generosity Maxim (in impositives and commissives)

- (a) Minimize benefit to self [(b) Maximize cost to self]
- Approbation Maxim (in expressive and assertive)
- (a) Minimize dispraise of other [(b) Maximize praise of other]
- Modesty Maxim (in expressives and assertives)
- (a) Minimize praise of self [(b) Maximize dispraise of self]
- Agreement Maxim (in assertives)
- (a) Minimize disagreement between self and other
- [(b) Maximize agreement self and other]
- Sympathy Maxim (in assertives)
- (a) Minimize antipathy between self and other
- [(b) Maximize sympathy between self and other]

The general law about all of these maxims is that politeness is based more on “other” than self and submaxims are less important than maxims. Therefore, negative politeness (avoidance of discord) is more in consideration than positive politeness (seeking concord). This pervasive avoidance strategy is carried out through indirect illocutions, for instance in modal hedging or in passivization. The more indirect one is the more polite one. Besides to these maxims Leech proposes some pragmatics scales to determine the degree of politeness appropriate to a given speech situation:

- 1) ‘Cost/ benefit’ scale, which estimates how the action is assessed by the speaker to be costly or beneficial either to the speaker or to the addressee;
- 2) ‘Optionality’ scale, which describes the degree to which the action is realized as the choice of the addressee;
- 3) ‘Indirectness’ scale, which describes the length of inference involved in the action;
- 4) ‘Authority’ scale, which measures the degree of distance with respect to the power or authority that one participant, has over another;
- 5) ‘Social distance’ scale, which describes the degree of solidarity between the interlocutors.

In considering politeness or impoliteness of linguistic behavior, not only Leech focuses on varieties of illocutionary functions but also he mentions the importance of conversational behavior like interruption and silence (15, p.139). Hence, the way John and Carol are managing or structuring their conversation can have (im)polite implication. In an attempt to making association between the function of these conversational behaviors with maxims of politeness, we follow their function in turn taking proposed by Vimala Herman [1995]. According to their functions, pause _one kind of silence_ and interruption can be supportive or unsupportive in conveying the content of conversation and more specifically the illocutionary goal of speech acts. Herman considers different kind of silence_ laps, pauses, gapes_ which has structural place in speech exchange as responsive activity [10, p.84]. Being silent in conversation generates a semantic of silence in which instance of non_speech are interpreted according to the expected possibilities for speech (10, p.84). Herman states that pauses produce among the character’s turn or at the end of turn can signal uncertainty or may be used to highlight something about to be said. Moreover, hesitation pause can be interpreted

not only as an attempt to find the right focus for what to say next but also how to say it (10, p.96). In some situations, pauses can be as specific action to achieve the desired counter_orientation or to take attention of addressee (10, p.90). The present study proceeds with the attempt to examine and follow the salient and gradual traces of shift of power occurred during the play between John and Carol and culminate in John's downfall.

From the beginning of first act, in response to Carol's question about the meaning of "term of art", John's authority figure is challenged when his obscure answer follows Modesty maxim:

JOHN. What is a "term of art"? It seems to mean a term, which has come, through its use, to mean something more specific than the words would, to someone not acquainted with them...indicate. That, I believe, is what a "term of art", would mean. (Pause)

CAROL. You don't know what it means...? [17, p.3]

John prefers to minimize praise of self instead of pretending knowing the clear meaning of the expression and in accordance with that he would have "committed the social transgression of boasting"[15,p.136]. Carol's shock at professor's uncertainty is a sign of her assumption about the role of professor. According to Weber, Carol's teaching schemata is that the lecturer possesses knowledge and expertise in all areas [32, p.121]. John's modesty in answering Carol's question makes her suspicious about the quantity of his knowledge since professor's more information over the student gives him power. He could have maintained his power figure giving false information but apparently complete one. Similarly, in his next interaction, John's assertive illocution follows modesty when minimizing praise of self through stating the real amount of his knowledge:

JOHN. I'm not sure that I know what it means. It's one of those things, perhaps you've had them, that, you look them up, or have someone explain them to you, and you say "aha", and. You immediately forget what... [17, p.3]

In response to Carol's disapproval of possibility of forgetting information even by professor[17,p.3-4], John's confirmation of this possibility follows modesty and in return decrease his status as a professor in point of view of Carol. Moreover, in the next part in his attempt to minimize cost to Carol, John prefers to talk about 'some basic communication' [17, p.5] between them instead of telling her how bad her essay is. The illocutionary goal of John's utterance is disapproval of Carol's work which tends to be conflictive and hence not in coincidence with politeness. However, John mitigates its attack when his illocution is indirectly connecting to its goal. In this given situation, he observes approbation maxim while Carol interrupts him in that part to insist that her work is the result of his previous advice. Carol's reaction shows that John's utterance is so offending for her that she comes to defend her work. In the rest of their conversation, John breaks Agreement maxim and shows disagreement with Carol's reasons of her difficulties in understanding the course:

CAROL. The language, the "things" that you say...

JOHN. I'm sorry. No. I don't think that that's true.

CAROL. Why would I ...?

JOHN. I'll tell you why: you're an incredibly bright girl.

CAROL. It is true. I have problems...

JOHN....every...

CAROL. ...I come from different social.../ a different economic...

[17,p.8

John's utterances are explainable in the way that Leech states the possibility of "trade off" between maxims of politeness [15, p.137]. John allows approbation maxim takes priority over Agreement maxim when praising Carol's ability: "you're an incredibly bright girl". He in fact adheres to the former at the expense of the latter. However, with regard to Carol's constant need in John's understanding and acceptance of her difficult situations, agreement maxim plainly carries greater weight. Carol complains about John that he should show "responsibility to the young" and understand that they (students) "overcome economics" to get to this school [17, p.68]. Additionally, we can witness the future conflict of approbation maxim in the final act when Carol forces John to confess that he thinks her characteristic is not pleasant. In his response, Carol states that "Isn't that better? And I feel that that is the first moment which you've treated me with respect. For you told me the truth [17, p.68]" In Leech's terminology, John's "purported belief" is unfavorable and thus is impolite for Carol [15, p.82]. Eventually, Finding Carol in bewilderment, John gets to discuss Carol's paper through asking two unanswerable questions:

JOHN. (Picks up paper.) Here: Please: Sit down. (Pause) Sit down. (Read from her paper) "I think that the ideas contained in this work express the authors feeling in the way that he intended, based on his results." What can that mean? Do you see? What... [17, p. 8]

These questions have expressive function and express John's attitude towards Carol's work [24, p.15]. She interprets the meaning of his question in this way: "That mean I'm stupid. And I'll never learn. That's what that meant" [17, p.11]. Accordingly, we can define their illocutionary goal conflictive since they have criticized Carol's work in her point of view. Although John rejects Carol's interpretation of his questions, the illocutionary goal of his questions violate approbation maxim through dispraising Carol.

In the following scratch, approbation maxim takes priority over agreement maxim. John indirectly denies Carol's claim about her problem in understanding the book in order to minimize dispraise of her. However, her repetitive use of "no" does not confirm John's purpose in taking positive form of seeking opportunity for comity. Carol's insistence in understanding the book conveys her need to the help of professor. In this sense, observing PP, professor doesn't fulfilled Carol's desire in getting help from him in understanding the book and more worst, he shatters her illusion that professor has willing to help:

CAROL. I read your book. I read it. I don't under...

JOHN.... You don't understand it.

CAROL. No.

JOHN. Well, perhaps it's not well written...

CAROL. (Simultaneously with "written"): No. No. No. I want to understand it.[17, p.10]

In the next part of their exchange, what Carol represent in respond to John's belief is remarkable when it can be determinative for final downfall of professor:

CAROL. "Virtual warehousing of the young".../ And about "The Curse of Modern Education."

JOHN. Look. It's just a course, it's just a book, it's just a...

CAROL. No. No. There are people out there. People who came here. To know something they didn't know. Who came here. To be helped. To be helped... So someone would help them.[17, p.10]

The professor believes that students should be "independent and critical" [32, p.122]. In this sense, misunderstanding of books and the course is not failure for student. Professor's advice has convivial function and thus positive politeness. It follows Tact maxim in an attempt to help carol for being independent to what is said in the book. Nevertheless, Carol's answers in this part and previous part reveal her misunderstanding about John's goal and anticipate challenge in her conventional assumption that professor is both willing and able to pass on that information to the student [32, p.121]. Her insistence urge to understand something and be helped in response to John show Carol's dissatisfaction at his answer and in consequence gives conflictive goal to it in which politeness is out of question. Additionally, John obeys sympathy maxim when he states: Well, I know what you're talking about" [17, p.17] And he maximizes the sympathy between "self" and Carol in the expense of violating quality maxim when he tells his story of being called stupid:

JOHN. I was brought up, and my earliest and most persistent memories are of being told that I Was stupid. "You have such intelligence. Why must you behave so stupidly?" Or, "can't you understand?" And I could not understand. I could not understand.

CAROL. What? [17, p.17]

Carol's surprise at hearing this story shows that she cannot believe past failure of professor. Kulmala believes that John becomes less than a professor when divulging his current professional conflict [13, p.116]. Following politeness principles, Professor unwittingly shatters Carol's illusion about himself as an ideal professor. In the rest of this part, we can observe gradual decrease in professor's authority when he upholds Politeness Principles. John takes long turn of speaking to talk about a mystery:

CAROL. What was a mystery?

JOHN. How people learn. How I could learn. Which is what I've been speaking of in class. And of course you can't hear it.

CAROL. Of course you can't. (Pause) I used to speak of "real people," and wonder what the real people did. The real people. Who were they? They were the people other than myself. The good people. The capable people. The people who could do the things, I could not do: learn, study, retain ...

all that garbage – which is what I have been talking of in class, and that's exactly what I have been talking of ... [17, p.17]

In the quoted passage, assertive illocutions of John can be interpreted according to Irony Principle proposed by Leech. John is scoffing off the ironically real and capable people who can obtain study and learn material, which he calls "garbage". Thus, this principle enables him to be impolite while seemingly to be polite. In fact, these people are not capable since they are just capable of learning worthless material. John indirectly evaluates himself in comparison to that people and violates modesty maxim. As Leech states, if PP promotes bias towards comity other than conflict in social relations, the IP, by enabling us to bypass politeness, promotes the antisocial use of language [15, p.142]. Consequently, John's impoliteness represents him as "elitist" [17, p.58] in Carol's point of view.

Other illocutions that increasingly dismiss Professor's authority is his unexpected apologizes which follow Modesty maxim. Accordingly, John's answer to Carol's statement that she cannot understand John's speech on mystery of learning is noticeable:

JOHN. Well, then, that's my fault. That's not your fault. And that is not verbiage. That's what I firmly hold to be the truth. And I am sorry, and I owe you an apology.

CAROL. Why? 17, p.17]

John confesses his fault since he knows that he didn't manage to convey his point about learning because of his "verbiage". In that part, in a place of seeking to convince Carol that she doesn't have problem in understanding, John violates quality maxim and causes Carol's misunderstanding. According to Leech, quality maxim restrains us from being too much modest [15, p.133]. However, to compensate the damage of this violation, John has to maximize dispraise of "self" and obey Modesty maxim. The apology can be regarded as an attempt to maintain reduction of disequilibrium between speaker and hearer [15, p.125]. Thus, John does not intent to behave impolitely. Carol's shock at John's apology and at his too much modesty illuminates this fact that John in state of professor is not expected to apologize for student's misunderstanding. In other part of the play we can find John's modesty when he states that it was not Carol but he "who was not paying attention" [17, p.26].

In other part, we encounter a kind of illocution which is produced regardless to the social distance between professor and student. It is the time that Carol asks about the problem that John may have:

CAROL. What are they?

JOHN. Well. (Pause) Well, you're perfectly right. (Pause) If we are going to take off the Artificial Stricture, of "Teacher" and "Student", why should my own problems be any more a mystery than your own?.. [17, p.21]

According to Leech's pragmatic scale, horizontal axis, overall degree of respect is dependent on relatively permanent factors of statue, age, degree of intimacy, etc.[15, p.124] Presently, the factor which can control the degree of politeness between John and Carol is that of intimacy. John as a professor and Carol as a student in relation to one another are not expected to have the same

intimacy as that is between father and daughter. In this sense, when John states the reason of staying with Carol is that he likes her or states that he wants to break the artificial stricture of teacher and student, he is stepping outside that recognized role. His illocution doesn't convey expected degree of politeness for Carol. Nevertheless, his utterance can be interpreted as being polite in his own end. Finding her question personal, John assumes that she is to break the conventional role of teacher and student so gives her the right of knowing about his personal problem and tries to minimize disagreement between them. Consequently, he follows respectively approbation and agreement maxims. As Weber states, the conversational schemata takes the place of teaching schemata [33,p.121] which allows Carol to ask non academic question and John to feel near to Carol. Moreover, finding the second part of this statement in Carol's charges, we can claim that John's utterance is considered impolite by Carol regarding violation of generosity's maxim which is "minimizing benefit to self". John's authority is in the risk of vanishing when he talks about his personal problems and professional failure. He maximizes dispraise of himself and follows Modesty maxim in these parts: "Of course I have problems/ With my wife...with my work...I came late to teaching. I was going to fail...I was just no goddamned good" [17, p.21].Based on Carol's interpretations, John violates Approbation and Modesty maxims when he devaluates education process in explaining about his similar problem to Carol: "I found it [teaching] Artificial. The notion of 'I know and you do not'; and I saw an exploitation in the education process. I told you. I hated school I hated teachers. I hated everyone who was in the position of a 'boss' because I knew – I didn't think, mind you, I knew I was going to fail..." [17, p.24] John belittles old fashioned Socratic method or what he calls 'the notion of I know and you don't'. It is the notion, which builds up "Carol's teaching schema" [33, p.121]. John's thought dispraises Carol's value. His assertive illocutions unwittingly follow conflictive goal. Moreover, this impoliteness turns against John's authority since it can disprove Carol's assumption that professor has absolute knowledge and is helpful. On the other hand, John violates Modesty maxim when he express his hate about school, teachers and education since in Carol's view John conveys good evaluation of self and grants privilege to himself. These insulting utterances give enough motives to Carol for gaining power over her professor and for accusing him in this way: "you are exploitative"[17, p.52], "All your silly weak guilt, it's all about privilege"[17, p.64].

In introducing the deceiving role of the tests, John is to maximize benefit to and praise of carol. However, Carol's interpretation convicts John of violating politeness and Approbation maxim: "The tests, you see, which you encounter, in school, in college, in life, were designed, in the most part, for idiots. By idiots. There is no need to fail at them. They are not a test of your worth. They are a test of your ability to retain and spout back misinformation. Of course you fail them. Nonsense.../They're garbage. They're a joke." [17, p.24] These utterances have the function of advice that is beneficial to hearer but it can offend modesty and approbation. It can take it for granted that speaker is superior in knowledge, experience or judgment. There is need to "performative hedging" like "might I

give you a piece of advice?” as a device of politeness [15, p. 140], although John has not used this politeness strategy. While he intends to advise Carol about the unimportant function of tests in her success or failure, he is to be committed of calling himself superior to other authority. However, he maximizes Carol’s praise when he says the test is not ‘a test of her worth’. Nevertheless, Carol’s short answer of ‘no’, representing her shock, conveys different interpretation from John’s positive intention. In terms of breaking Approbation maxim, John’s critique of test does not minimize dispraise of ‘other’. By ‘other’, we mean those who design the test. We can suppose that John has treated test designer as ‘self’ not ‘other’, therefore he has felt free to denigrate [15, p.142] them and follows Modesty maxim. Besides, devaluating the test as garbage, John is offending Carol’s value which is the school tests and offends approbation maxim. In terms of breaking modesty maxim, he shows himself as being superior in judgment.

In addition to last part, violation of Approbation and Modesty maxim undermine authority figure of professor. More eagerly, John continues to inform Carol about the invalidity of Tenure Committee: “Look at me. Look at me. The Tenure Committee. The Tenure Committee. Come to judge me. The Bad Tenure Committee. The “Test.” Do you see? They put me to the test. Why, they had people voting on me I wouldn’t employ to wax my car” [17, p.23]. Calling Tenure Committee ‘bad’ and committing the social transgression of boasting [15, p.136] motivates Carol in this way: “you mock and exploit the system which pays your rent [17, p.68]”. In the rest, John excessively commits himself to Modesty maxim in order to call into question the credit of test applied by Tenure Committee in choosing its members: “And yet, I go before the Great Tenure Committee, and I have an urge, to vomit, to, to, to puke my badness on the table, to show them: “I’m not good. Why would you pick me?”...they’ll find out my “dark secret”...they will find an index of my badness...” [17, p.23]. This modesty accelerates the process of professor’s deterioration.

In the middle of the first act, the offers John gives to Carol become insulting to her while these impositives illocutions has convivial goal and are performed in the interest of her. Consequently, they maximize benefit to her and are based on Tact maxim:

JOHN. Your grade for the whole term is an “A”. If you will com back and meet with me. A few more times. Your grade’s an “A”. Forget about the paper. You didn’t like it; you didn’t like writing it... [17, p.23]

What is important for John is awakening the student’s interest rather than evaluating [17, p.26] them based on grade and writing paper. Therefore, he considers conditional grade for Carol to relieve her anxiety. In other words, as Trout states, John is to “palliate her withering sense of shame” and to “suspends arbitrary requirement for Carol” [29, p.3]. However, Carol wrote down these offers as an accusation against John [17, p.46]. Badenhausen believes that professor doesn’t “evaluate student’s work objectively”, but instead gives “random grades on a whim” [1, p.5]. Therefore, in Carol’s view her professor violates approbation maxim through ignoring her works and ability. The other offer is holding class in office, which is difficult for Carol to believe. According to Searle, offers, referring

to “commissives” category of illocutions [p.14-15], and based on Leech are inherently polite since it “takes more positive form of seeking opportunities for comity” [15, p.105-106]

JOHN. ...Let's start over.

CAROL: But we can't start over.

JOHN: I say we can. (Pause) I say we can.

CAROL: But I don't believe it.

JOHN: Yes, I know that. But it's true. What is The Class but you and me? (Pause)

CAROL: There are rules.

JOHN: Well. We'll break them.

CAROL: How can we?

JOHN: We won't tell anybody [17, p.26]

In contrast, Carol's charges can encounter us with the negative consequence of generosity maxim in that situation: “You love the Power. To deviate. To invent, to transgress...to transgress whatever norms have been established for us” [17, p.52]. This impoliteness will be illuminated when it is put in scale of vertical distance between John and Carol. Since John has more power or authority over Carol, she assumes that he is exercising illegitimate authority over her and wants to break the roles of holding class. Carol comes to realize that her Professor doesn't play his expected role. She concludes that his offers is impolite and offending since John has given them to maximize benefit to ‘self’ and thus has broken politeness principles. In the following speech situation, John is expressing his attitude towards the nature of education which turns to be offending in Carol's end:

CAROL. (Of notes) Here it is: you wrote of hazing.

JOHN. (...). It means ritualized annoyance. We shove this book at you, we say read it. Now, you say you've read it? I think that you're lying. I'll grill you, and when I find you've lied, you'll be disgraced, and your life will be ruined. It's a sick game. Why do we do it? Does it educate? In no sense. Well, then, what is higher education? It is something-other-than-useful.

CAROL: What is “something-other-than-useful?”

JOHN. It has become a ritual; it has become an article of faith. That all must be subjected to, or to put it differently, that all are entitled to Higher Education. And my point... [17, p.28]

As Kulmala states, postmodernist John has attempted to change modern perspective of Carol about education. After all he knows that education system is “dependent to student investment” [13, p.108, 110]. In broader sense, John is to inform Carol of the sick game of education. Nevertheless, according to Leech, the illocution of informing implies more authority or knowledge of speaker over hearer in consequence of which Carol allocates the “so-protected and so-elitist seat” to John [17, p.52]. In this sense, he has broken generosity maxim. Besides, while criticizing the hazing nature of education, John is inadvertently comparing the typical “student's undergraduate to hazing or ‘ritualized annoyance’ ” [1, p.5] and

flouting approbation maxim. Carol's accusation can illuminate this flout: "You call education "hazing," and from your so-protected, so-elitist seat you hold our confusion as a joke, and our hopes and efforts with it" [17, p.52].

More strikingly, John leave Carol's next question unanswered, which asks his real idea about education. John's purpose is to help her to think by herself and hence he follows tact maxim:

CAROL: You disagree with that?

JOHN: Well, let's address that. What do you think?

CAROL: I don't know

JOHN: What do you think, though? (Pause)

CAROL: I don't know.

JOHN: I spoke of it in class. Do you remember my example? [17, p.28]

John's repetitive questions in response to Carol's question violates Tact maxim. Illocutionary function of asking is competitive and intrinsically "discourteous" while John didn't mitigate this discord in performing the illocution [15, p.105]. Leech believes that there are 'hedged performative' which show distastefulness of illocutions like request for reply and can be regarded as polite mitigations of the mentioned utterance [15, p.140]. In this place John's frequent questions maximize cost to Carol due to the pressure they exert on Carol. Besides, the first two questions allow Carol no freedom to evade answering the question. As one way of politeness, John could have asked Carol's ability in answering that question in order to leave amount of option for Carol to not perform the intended action. Thus, according to pragmatic scales of optionality, John's questions do not have the certain degree of tact appropriate to the given speech situation. In the next part, we can witness John's pressure on Carol:

CAROL: How can you say that? How...

JOHN: Good. Good. Good. That's right! Speak up! What is a prejudice? An unreasoned belief. We are all subject to it. None of us is not. When it is threatened, or opposed, we feel anger, and feel, do we not? As you do now. Do you not? Good.

CAROL: ...but how can you...

JOHN: ...let us examine. Good.

CAROL: How...

JOHN: Good. Good. When...

CAROL: I'M SPEAKING... (Pause) [17, p.29]

In coincidence with the goal of helping Carol to speak and think independent to her notes, John interrupts her to evaluate her answer through obeying approbation maxim and to encourage her to continue her speaking through obeying tact maxim: "speak up", "let us examine". However, John's repetitive and constant utterances seem to impel his idea on Carol and give a limited opportunity to her for speaking. This speech situation should be defined as offending when we encounter Carol's complaint at the final act: "you drag me in here, you drag us, to listen to you "go on" and "go on" about this, or that, or we don't express ourselves very well" [17, p.48]. In other part of final act, intimating John's behavior, Carol defines more power for herself over him that can make impossible "any

atmosphere of free discussion” [17, p.108]. In fact, she felt the same suppressive power in John utterances. More prominently, John infringes Tact maxim when he puts Carol in a position which cause her to break tact maxim. Accordingly, Carol’s last utterance doesn’t minimize cost to John. Finding Carol in this anger, we can expect her future uproar. Immediately after Carol’s anger, John has to violate quantity maxim by his excessive apologizes for the sake of upholding modesty maxim. Too much modesty or apologize can accelerate role-removal process. The end of first act concludes with John’s more instruction about education system in which he breaks Tact maxim and Approbation maxim. Firstly, he tries to objectify his idea of what we know is based on what we are told by someone in position of power:

When I was young somebody told me, are you ready, the rich copulate less often than the poor. But when they do, they take more of their clothes off. Years. Years, mind you, I would compare experiences of my own to this dictum, saying, aha, that fits the norm, or ah, this is a variation from it. What did it mean? Nothing. It was some jerk thing, some school kid told me that took up room inside my head. (Pause) Somebody told you, and you hold it as an article of faith, that higher education is an unassailable good. This notion is so dear to you that when I question it you become angry. Good. Good, I say. Are not those the very things which we should question?[17, p.32]

This story is insulting according to the horizontal distance between professor and student. In the third act, Carol calls John “sexist” and this accusation can clarify this fact that Carol hasn’t understand the point hidden in the story. In addition, she writes down in her notebook that John has “told a rambling, sexually explicit story” [17, p.46]. In the place of provoking Carol as his duty [17, p.32], John calls education profit into question to force Carol to think critically about what she’s told by someone. However, his remark marks down the value of Carol’s education and thus offends her. While John’s goal shows that his teaching is following benefit to her, Carol regards them as violation of Approbation maxim. Similarly, John even critiques Carol’s motives for an education when outlining the reason of going to collage:

What might be some reasons for pursuit of higher education?

One: A love of learning.

Two: The wish for mastery of a skill.

Three: For economic betterment. [17, p.32]

John’s violation of Politeness Principles introduces him as “exploitative”, “negligent and a person who “worked twenty years for power” [17, p.52, 46]. These factors are enough to make Carol’s dreams for her future worthless and to make her suspicious about professor’s “responsibility to youth” [17, p.68].

Concerning being polite or impolite, the frequent and salient use of conversational behaviors in the play demands the study of their interpretive role in parallel to the focus on the role of illocutionary acts in order to examine how they contribute to the exchange of power.

Although at the beginning of the first act professor’s caution and tact in communication with Carol are undeniable, they can have different impression in

Carol's end. In dealing with her works, John tries to mitigate the cost of criticizing and questioning. He punctuates the flow of his speech with hesitation pauses in order to follow Tact maxim: "[...] In regard to your...to your...", "No. I see, I see what you, it... (He gestures to the papers.) but your work..." [17, p.4-5]. The function of these pauses is to find right focus for what to say and how to say next, the function that can also go along with the avoidance strategy of politeness principles. In the following parts John tries to ensure Carol of his help and evaluates her through producing intra_pause with the same function:

John. I know how...believe me. I know how...potentially humiliating these... I have no desire to... I have no desire other than to help you. But: (He picks up some papers on desk.) I won't even say "but". I'll say that as I go back over the ...

CAROL. I'm just, I'm just trying to...

JOHN. No. I see, I see what you, it... (He gestures to the papers.) but your work...

CAROL. I'm just: I sit in class I ... (She holds up her notebook.) I take notes...

JOHN. You're an incredibly ... you have no problem with the... who's kidding who? [17, p.6-7]

In defining the politeness or impoliteness of these pauses, we require to observe Carol's responses and reactions. All pauses except the last one are produced to minimize cost while Carol's defensive response does not confirm supportive use of pauses. Last pauses are produced to follow approbation maxim and should be defined as polite ones. However, John's good evaluation of Carol is recognized insincere in second act when he confirms his hatred toward Carol and she prefers this negative evaluation to his previous lie about her talent and feels it is the first time that he's honest with her [17, p.68]

John even produces pauses to inform her about "the sexually explicit" [17, p.46] story told him in his childhood [17, p.34]. However, they have lost to prevent Carol from accusing John of being sexist in her notes [17, p.46]. According to horizontal axis, which measure the social distance between teacher and student, here John should not have felt it reasonable to tell this taboo story to his student. Since the overall degree of respectfulness depends on degree of intimacy and to some extent on the temporary role of one person relative to another. Therefore, the pauses produced by John are in coincidence with breaking PP and are unsupportive. In response to Carol's question about his problem, hesitation pauses are produced to follow politeness principles. Finding her question personal and out of teaching schema, John concludes that she has willing to "take off the artificial stricture of student and teacher" [17, p.21]. He pauses to find right focus for how to response her and thus minimize disagreement between himself and her: "well. (Pause) well, you're perfectly right. (Pause) if we're going to take off the artificial stricture, of "teacher" and "student", why should my own problems be any more a mystery than your own? [...]" [17, p.21] In Carol's point of view, John has intention of breaking the rules and exercising his power over her. In this sense, his pauses are produced to support his impolite ideas. In addition, production of pauses between John's utterances about the definite possibility of holding class in his

office is more striking since it duplicates the discords implicit in his assertive speech acts: "I say we can. (Pause) I say we can" [17, p.26]. Having the function of highlighting what is about to be said, this kind of pause coincides with John's exercise of his power through illocutionary force devices (IFIDs) like "I say". In his student's perspectives, John intends to state his power to "transgress" whatever norms have established for student [17, p.52]. His pauses can be defined as an impolite because of being in reverse of modesty maxim.

Carol accuses John of previous fault and of being in love of power [17, p.52] when John tries to persuade her that class is just composed of student and teacher independent to the physical existence of class and his office can be as a class: "what is the class but you and me? (Pause)", "There's no one here but you and me (Pause)" [17, p.27]. The offending content position of two utterances is manifested through the function of pauses. It is evident that John mitigates the cost of persuading through rhetorical question. However, the overwhelming weight of persuasion and impelling is mostly carrying through the production of final pauses which forcefully invite Carol to think about his idea as he is allocating next turn to her.

Intending to help Carol to think independently and critically, John asks her question though she desperately states her ignorance about the discussed subject. He even tries to confirm her halting and short answer in this process:

John. Well, let's address that. What do you think?

Carol. I don't know.

John. What do you think, though? (Pause)

Carol. ... that it is prejudice that we should go to school?

John. Exactly. (Pause) [17, p.29]

In the quoted parts, the pauses can reflect competitive illocutionary function of forcing when they are produced at the end of John's turn. In addition, they forcefully allocate next turn to Carol who is not good at and articulate in answering. The pause of first turn increase the force of asking and makes it offending to Carol in that in the third act she accused John of dragging her in his office to listen to him "go on" and "go on" [17, p.50]. The second pause shows his undeniable expectation of getting answer from Carol. Production of these pauses can't be called supportive as they are to follow break of tact maxim.

Besides pauses, John produced interruptions to manage and structure his speech while they don't have polite implication for Carol and puts John on the verge of losing power and statue. Concerning the language of Oleanna, Michael L. Quinn mentioned interruptions as one of those factors that confused Carol and gradually made her frustrated with John's personal attempt to explain her situation and motivates her for accusing him [21, p.104]. From the beginning of the play, Carol is interrupted when she is defending her hard working and explaining her difficult situation. Professor's interruptions are done in coincidence with breaking agreement maxim when he couldn't help regarding Carol's different attitudes:

Carol. I'm just, I'm just trying to...

John....no, it will not do.

CAROL: I'm just: I sit in class I... (She holds up her notebook.) I take notes...

JOHN: (simultaneously with "notes"): Yes, I understand. What I am trying to tell you is that some, some basic...

CAROL: ...I...

JOHN: ...one moment: some basic missed communi...

CAROL: I'm doing what I'm told. I bought your book, I read your...

JOHN: No, I'm sure you... [17, p.6]

Regardless to violation of agreement maxim in first and third parts, interruption of second part is to criticizing Carol's work but in indirect way and without stating bad evaluation of it in that he prefers to mention some missed basic communication. Consequently, this interruption is considered supportive since it follows tact maxim. In addition, the cost of interruption is mitigated with the use of phrase "one moment". In the other part, metalinguistics utterances like "please", "I think" and "wait one moment" preceding interruptions have the same role. However occurring simultaneously with Carol's explanation about her suffering of studying, they culminated in Carol's disappointment and would be considered impolite. Therefore, in the final act, his famous "responsibility to youth" is challenged by Carol when his interruptions introduce him as indifferent to Carol's problem [17, p.68].

These unsupportive interruptions continue in coincidence with recommendation of dropping course and rejection of possibility of Carol's success in passing the course. Speech act of advising is ostensibly in benefit to hearer, while it can also be in reverse to both modesty and approbation maxim since it conveys the superiority of speaker in knowledge, experience and judgment [15, p.140]. It is evident that metalinguistics phrase of "I'm saying" can be regarded as polite mitigation of speech act of advice. Nevertheless, Carol's response vividly reflects that she has mostly received the negative side of John's advice and rejects his unfair judgment in dropping the course. Second interruption can be also defined as rude in that it supports devaluation of Carol's ability in passing the course and thus violation of approbation maxim:

CAROL: I, the best that I...

JOHN: I'm saying, that perhaps this course...

CAROL: No, no, no, you can't, you can't ... I have to...

JOHN: ...how...

CAROL: ...I have to pass it...[17, p.9]

In the rest of quoted part, these interruptions prevent Carol of complaining about the effortless way of studying that was recommended by John:

CAROL: I did what you told me. I did, I did everything that, I read your book, you told me to buy your book and read it. Everything you say I... (She gestures to her notebook.) (The phone rings.) I do. ...Ev...

JOHN: ...look:

CAROL: ...everything I'm told...

JOHN: Look. Look. I'm not your father. (Pause)

CAROL: What? [17, p.9]

Weber believes that there is a conflict between professor and student's schema. While assumption like "doing whatever you are told by the lecturer" [17, p.9] belongs to the teaching schema for Carol, it belongs to family schema and is unreasonable for John [33, p.121]. John's warning in this sense is confusing and shocking for Carol who expects John to teach and pass on some information or facts to her. His warning maximizes disagreement between them and offends agreement maxim. Consequently, his interruption is impolite and motives Carol in recognizing her professor as unable and indifferent in teaching her.

Following the gradual and dramatic occurrence of exchange of power through the foundation of Leech's PP, we can recognize that in some situation John's obedience to politeness lesson his authority and in some other situation it's Carol's interpretation and accusation of John's utterances that introduce him impolite and culminates in his downfall. All maxims and scales of politeness don't carry on an equal weight for determining (im)politeness of linguistic behavior. John obeys modesty maxim when he states and confirms his incomplete information about Carol's questions.

This modesty is followed frequently and unexpectedly when John was apologizing Carol for interrupting and puzzling her. Another politeness is evident when John tries to sympathize with Carol by narrating his past problem that was similar to Carol's. In these cases, his modesty and sympathy anticipate John's downfall when they shatters Carol's assumption about faultless and ideal professor. Concerning influential interpretation of Carol as determinative for John's politeness or impoliteness, this study has found most of his linguistic behaviors impolite albeit they are polite from John's end. At the initial part of first act, John frequently denies Carol's problems and difficulty in studying to point to her brightness in which approbation take priority over agreement maxim. Thus, Carol questions John's responsibility to youth and his student for which he was famous. It is mostly flouting the maxims of modesty and approbation that can accelerate the process of role reversal between John and Carol. In advising about the artificial, hazing and invalid nature of education, school tests and tenure committee, John claims his superiority in judgment and experience over other educational authority and thus flouts modesty maxim. In consequence, he is accused of being elitist and exploitative by Carol. In talking about the mystery of learning, John maximizes praise of himself in comparison to the ironically real and good people who can just study and retain the garbage course of school. By questioning Carol's value like the Socratic notion of "I know and you don't know" and the validity of test school, he breaks approbation maxim. Similarly, he offends her goals and desire by criticizing the profit of education and comparing student's undergraduate to hazing or ritual annoyance. Even his offer for giving Carol grad 'A' which seems to be in her interest, is defined to be against approbation maxim since it is not fair and normal estimation of Carol's work. In addition, the critical questions of John about the opening line of Carol's essay devalue her and flouts approbation maxim.

In two speech situations, professor's utterances maximize cost to Carol. In response to Carol's question about the meaning of some concepts in the book, John

advice her that these concepts are “just the course” and “just the book”. His advice is to remark the insignificance of educational materials. While the reaction of Carol disapproves the ostensibly positive nature of advice and accuses him that he is not eager and able to help his student. In other situation, John repetitive questions, following the purpose of helping Carol to speak and think independently, don’t mitigate the negative impoliteness and force Carol to speak while she had desperately stated her inability in assuming the questions. Carol’s complaint that John’s power makes impossible every atmosphere of free discussion obviously remarks John’s pressure on Carol and his violation of tact maxim. Last impoliteness is pertaining to generosity maxim. John’s intention for breaking artificial framework between teacher and student and stating liking Carol as the reason of stating with her didn’t carry appropriate degree of politeness in accordance to horizontal distance between him and Carol. Paradoxically, in offering holding class in his office John is defined as impolite since Carol accuses him that this offer is in John’s interest and benefit to himself through which he can break academic rules and put his hand around her. Our examination has inquiry in frequently produced conversational behavior like pause and interruption. The most pauses which are produced whether between John’s utterances or at the end of them are both supportive and unsupportive. They coincide with tact and approbation when John doesn’t criticized Carol’s work and tries to praise her talent. In answering her question about the personal problems of John, John’s pauses are produced to minimize disagreement between John and Carol. Thus, pauses are called supportive since they function to find right focus for what to say and how to say. Otherwise, his pauses have functioned unsupportively since they went along with violation of PP. In following the narration of that taboo story, many pauses are produced not politely. Based on horizontal distance between John and Carol this story does not have proper degree of politeness. Such pauses duplicates speech act of John for stating the possibility of holding the class in his office which is in reverse of modesty. Moreover, John impolitely pauses to force Carol to speak and flouts tact maxim.

Besides pauses, interruption made by John has gradually frustrated Carol with John’s helping and motivates her to gain power over him. Initial interruptions are produced to break agreement maxim when Carol is defending her work and explaining her difficult situation of education. while the negative function of interruptions is mitigated by the use of phrases like “one moment”, “please” and “I think”, Carol finds that interruptions offending in that they stop her from explaining her problems and therefore there are representative of John’s disagreement with her. These interruptions culminate in accusing John of not showing responsibility for his student. Some other interruptions lead to violation of tact and approbation maxims when they follow John’s advice of dropping the course, rejecting possibility of Carol’s success and preventing her from complaining about the way of studying proposed by John. The other impolite interruption is produced when it breaks tact maxim. John informs Carol that he is not like her father in order to reject the idea of “doing whatever you are told by the teacher”. This speech act of informing is against Carol’s assumption that

professor is expected to pass on facts on her. The underlying and the gradual rising of exchange of power between John and Carol in act one is expectedly verbalized in the second and third acts through Carol's accusation and uproar against John. Leech's PP paves the way for examining the process of role-reversal by reflecting John's impoliteness in converse with Carol.

Literature

1. Badenhausen, Richard. The Modern Academy Raging in the Dark: Misreading Mamet's Political Correctness in *Oleanna*. *College Literature* -1998- No 3(25). -Pp. 1-19.
2. Bennison, Neil. Discourse analysis, pragmatics and the dramatic 'character: Tom Stoppard's *Professional Foul*. *Language and Literature*-1993-No 2 (2). - Pp. 79-99.
3. Bigsby, C.W.E. David Mamet: All True Stories. In Bloom's Critical View: David Mamet, 163-202 edited by Harold Bloom. Philadelphia: Chelsea House Publisher, 2004. Originally published in *Modern American Drama* (Cambridge University Press: 2000).
4. Brookins, Timothy A. A politeness Analysis of Catullus' Polymetric poems: Can Leech's GSP Cross the Ancient-Modern Divide? *Journal of Pragmatics* .-2010- (42). -Pp.1283-1295.
5. Bourdieu, Pierre. *Field of Cultural Production* edited by Randal Johnson. New York: Columbia University Press, 1993.
6. Culpeper, Jonathan. "Conventionalised Impoliteness Formulae." *Journal of Pragmatics* ,- 2010- (42).- Pp.3232- 3245.
7. Felix-Brasdefer, J. Cesar. *Politeness in Mexico and the United State*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin Publisher, 2008.
8. Garner, Jr., Stanton B. Framing the Classroom: Pedagogy, Power, *Oleanna*. *Theatre Topics* - 2000-No1 (10).-Pp.39-52.
9. Goggans, Thomas H. Laying Blame: Gender and Subtext in David Mamet's *Oleanna*. *Modern Drama*, -1997- No 4(40). - Pp.443-47.
10. Herman, Vimala. *Dramatic Discourse: Dialogue as Interaction in Play*. London, New York: Routledge, 1995.
11. Jacques, Damien. Mamet's Explosive Turn Missing in *Oleanna*. *Milwaukee Journal* ,-1995- Pp.2-3.
12. Kane, Leslie ed. *David Mamet in Conversation*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001.
13. Kulmala, Dan."Let's Take the mysticism end at it, shall we? : Habitus as conflict in Mamet's *Oleanna*." *Journal of Dramatic theory and criticism* -2004- Pp.101-121.
14. Leech, Geoffrey. Pragmatic principles in Shaw's you never can tell. in *Language, Text and Context*, 259-278.edited by M. Toolan. London: Routledge, 1992.
15. Leech, Geoffrey. *Principle of Pragmatics*. London: Longman, 1983.
16. Macleod, Christin. "The politics of Gender, Language and Hierarchy in Mamet's *Oleanna*." *Journal of American studies* ,-1995- No2 (95).-Pp.199-213
17. Mamet, David. *Oleanna*, London: Methuen.,1993.
18. Murphy, Brenda. "*Oleanna*: Language and Power." In *The Cambridge Companion to David Mamet*, Pp. 124-136.edited by Christopher Bigsby. New York: Cambridge University Press, 2004.
19. Piette, Alan. The Devil's Advocate: David Mamet's *Oleanna* and Political Correctness. *Staging Difference: Cultural Pluralism in American Theatre and Drama*, edited by Marc Maufort (New York: Peter Lang, 1995) Pp.177.
20. Portillo, Michael. Pass Master. *New Statement*,-2004- (45).-Pp.17-807.
21. Michael L. Quinn, Anti-Theatricality and American Ideology: Mamet's Performative Realism, in Bloom's *Modern Critical Views: David Mamet*" ed. Harold Bloom (Philadelphia: Chelsea House, 2004), P. 104.
22. Ryan, Steve. *Oleanna*: David Mamet's Power Play. *Modern Drama* ,-1996- No3 (39) P.392.

23. Rossen-knill, Deborah F. How Dialogue Creates Opposite Characters: An analysis of Arthur and George. *Language and Literature* ,-2011- No. 1(20). Pp.43-58.
24. Sauer, David Kennedy. *Oleanna* and The Children's Hour: Misreading Sexuality on the Post/Modern Realistic Stage. *Modern Drama* ,-2000- No.3 (34). Pp.203-226.
25. Searle, J. R. *Expression and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press. 1979.
26. Shipton, Geraldine. The annihilation of triangular space in David Mamet's *Oleanna* and some implications for teacher-student relationships in the era of mass university education. *Routledge*-2007-, No2 (13). Pp.141-152.
27. Silverstein, Marc. "'We're Just Human': *Oleanna* and Cultural Crisis." *South Atlantic Review* -1995- (60). Pp.103-120.
28. Tan, K.W.Peter. *Stylistics of Drama*. Singapore: Singapore University Press.1993.
29. Tannen, Deborah. *Talking Voices*. New York: Cambridge University Press.2end Ed.2007.
30. Trout, Paul. Shame. *National forum* -2000-, No4 (80).Pp.3, 7.
31. Walker, Stewart Craig. "Three Tutorial Plays: The Lesson, the Prince of Nepalese and *Oleanna*. *Modern Drama* -1997-,No1 (40).Pp.149-161.
32. Weales, Gerald. *Gender Wars*. *Commonwell* -1992-, No21(119). Pp. 15-16.
33. Weber, Jean Jacques. Three Models of Power in David Mamet's *Oleanna*. In *Exploring the language of Drama*, Pp.112-127. edited by Culpeper, Janathan, Mick Short and Peter Verdonk. London, New York: Routledge, 2002.
34. West, C. and Zimmerman, D.H. (1985) 'Gender, Language and Discourse', in T.A. van Dijk (ed.) *Handbook of Discourse Analysis* 4, London: Academic Press, Pp.103– 24.
35. Wilson, Andrew. The Pragmatics of Politeness and Pauline Epistolography: the Letter to Philemon. *Journal for the Study of the New Testament* -1992- No 48 (15). Pp.107- 119.

Языковая личность в концепции И. Н. Горелова и К. Ф. Седова

Изучением языковой личности «как целостного феномена, как фактора, интегрирующего разрозненные, далеко расходящиеся интересы и результаты исследовательской практики, вводящих их в русло единой лингвистической парадигмы» [2, с. 6] занимаются ученые разных наук. Особый интерес к языковой личности проявляет психолингвистика.

В данной работе рассмотрим аспекты языковой личности в концепции Ильи Наумовича Горелова, одного из основоположников отечественной психолингвистики и Константина Федоровича Седова, профессора Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

В работе «Основы психолингвистики» [1, с. 110] ученые дают такое определение языковой личности: «Языковая личность - это человек, рассматриваемый с точки зрения его способности совершать речевые действия - порождения и понимания высказываний». Таким образом, для определения языковой личности отдельно взятого носителя языка в первую очередь изучается его отношение к языку и речи. Выбор тех или иных коммуникативных высказываний зависит от деятельности сознания личности. По Л. С. Выготскому, деятельность сознания является частным случаем социального опыта.

Исследуя вопрос о языковой личности, И. Н. Горелов и К. Ф. Седов в первую очередь говорили об уникальности каждого носителя языка. Ведь все «люди отличаются друг от друга, и в том числе - в своих речевых поступках» [1, с. 110]. Во время диалога с незнакомым человеком мы можем составить примерный портрет его языковой личности. Как говорят ученые, «речь человека - его визитная карточка». Если мы внимательно прислушаемся к речи собеседника, мы сможем сделать некоторые выводы о его возрасте, социальном положении, интеллекте и т.д.

Как уже было сказано, набор коммуникативных преобразований языковой личности зависит от сознательной деятельности личности. А как же быть с культурой, окружающую данную личность? Возникает вопрос о соотношении таких понятий, как языковая личность и национальный характер.

Ю. Н. Караулов считает, что «между языковой личностью и национальным характером нельзя провести прямой параллели, но глубинная аналогия между ними существует» [2, с. 40]. Несомненно, нельзя отрицать влияние традиций, культурных особенностей, менталитета на формирование языковой личности.

Как пишут И. Н. Горелов и К. Ф. Седов «обитая вместе, люди вырабатывают правила общежития и придерживаются их в своей

повседневной жизни и деятельности. У различных социумов появляется сходство быта, поведения». Также, очень важную роль играет национальный язык. Согласно Большой советской энциклопедии, национальный язык - язык нации, сложившийся на основе языка народности в процессе развития народности в нацию.

Общий быт людей, объединенных в один этнос, образует культуру данного этноса. И. Н. Горелов и К. Ф. Седов ставят вопрос, как культура в действительности влияет на формирование языкового сознания? В чем суть этнических отличий между языковыми личностями? Ученые пытаются ответить на этот вопрос с помощью ассоциативных экспериментов, которые показывают характер отражения в лексиконе языковой личности реалий культуры, ежедневных впечатлений быта.

Приведем некоторые примеры экспериментов, представленных в учебном пособии «Основы психолингвистики» [1, с. 113]:

1. Эксперимент А. А. Залевской, который показывает различия ассоциаций языковых личностей разных национальностей на некоторые цветообозначения: синий, белый, желтый. Все участники эксперимента проявили единодушие лишь по отношению к слову синий, увязав его со словом небо. На слово белый у большинства русских испытуемых наиболее частотной была ассоциация - снег. Однако для узбеков «эталон» белого цвета оказался не снег, а хлопок, а для казахов - молоко. Слово желтый у русских, белорусов и украинцев в первую очередь ассоциировались с осенним листом. Менее частотные ассоциации выявили различия: у русских - одуванчик, у украинцев - подсолнух, у белорусов - песок. У французов слово желтый вызвало ассоциацию с золотом и яичным желтком, у американцев - с маслом, у узбеков - с просом.
2. Языковые ассоциации могут быть связаны с различиями в народнопоэтических традициях той культуры, к которой принадлежит человек. Так, московские лингвисты Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров рассказывают в своей книге о том, что в русской школе при инсценировке басни И. А. Крылова «Волк и ягненок» никто из детей не хотел играть волка, а в киргизской школе, наоборот, все хотели быть волком. Дело объясняется тем, что в киргизском фольклоре Волк выглядит совсем не таким, как в русском. Потому и ассоциации на слово волк у киргизов главным образом положительные - добрый, грозный, сильный, храбрый, красивый, лукавый и т. п.

«Культурно-национальные стереотипы речевого поведения разных народов связаны с этикетными нормами общения» [1, с. 115]. Этикет - свод правил поведения, обхождения, принятых в определенных социальных кругах (при дворах монархов, в дипломатических кругах и т. п.). В переносном значении - форма поведения, обхождения, правила учтивости, принятые в данном обществе (Большая советская энциклопедия). Здесь можно перечислить такие этикетные нормы, как способы обращений и формы приветствия, представления о нормах плохого и хорошего, принятых

в этом обществе, поведение, отношение к пожилым людям и т. д. Например, в Индии, как и во многих других странах, мужчины, приветствуя друг друга, обмениваются рукопожатиями. Но при встрече с женщиной-индуской следует лишь слегка поклониться и сложить руки перед грудью. Не следует, также, заговаривать с женщиной на улице, если она идет одна. Абсолютно ясно, что этикетные традиции у представителей разных народов будут совершенно разными.

Подводя итоги выше сказанному, мы можем с уверенностью утверждать, что между языковым сознанием и речевым поведением личности и национально-культурными особенностями среды, в которой обитает данная личность, существует определенная связь.

Но, как говорят И. Н. Горелов и К. Ф. Седов, «традиционное языкознание тяготеет к «кабинетному» изучению языковых процессов». Психолингвистов же интересуют явления, происходящие непосредственно в повседневном общении людей, а именно «живой язык». Источником получения материала психолингвистических исследований выступает наблюдение за реальной коммуникацией. Однако на многие вопросы, касающихся соотношения языка и мышления, невозможно ответить, основываясь только на наблюдении за речью. И тут на помощь приходит эксперимент. Как утверждают ученые, эксперимент - это душа психолингвистического исследования.

В данной работе мы рассмотрим эксперимент К. Ф. Седова, изложенный им в книге «Становление дискурсивного мышления языковой личности».

Автор пытается выявить речевую биографию взрослого носителя языка через речевое поведение данной языковой личности. «Притом, что объектом изучения в данном случае выступают идиостилии людей, вполне сформировавшихся в языковом отношении, цель анализа – рассмотрение своеобразия эволюции языковой личности, выявление факторов, влияющих на развитие тех или иных особенностей речевого поведения конкретных носителей языка, которые определяют неповторимость их коммуникативного облика» [3, с. 131].

В роли объектов исследования были взяты три языковые личности. Наблюдение за речевым поведением данных личностей велось около года. Все три объекта исследования (которые в работе обозначены буквами X; Y; Z) обладают общими признаками:

- индивиды женского пола;
- выпускницы филологического факультета;
- имеют отношение к преподаванию.

В таблице кратко отображены характеристики исследуемых языковых личностей:

Объект изучения	Возраст	Семейное положение	Темперамент	Особенности речевой культуры	Активные средства языка	Особенности речевого поведения	Общий характер Речевого поведения
X	46	замужем (имеет двоих детей)	сангвиник	среднетературный тип	разговорная речь плюс устная и письменная формы научной речи	тяготение к просторечию, сквернословие в общении с родственниками и друзьями, употребление иностранных слов в бытовом общении.	отчетливо выраженная в повседневном общении конфликтность, которая проявляется и в форме агрессии и в стремлении к манипуляторству
Y	32	не замужем	меланхолик	среднетературный тип, близкий к элитарному	принцип диглосного использования языковых средств	избегает ненормативных просторечных слов, запрет на сквернословие	личность кооперативно-конформная, иногда способна к пассивной центрации
Z	32	замужем (детей нет)	холерик	элитарная языковая личность	опирается исключительно на литературные формы языка	разговорное общение лишено просторечных элементов	неконфликтность, личность кооперативно-конформная

Исследуя речевые портреты языковых личностей, рассмотренных в ракурсе их речевых биографий, автор делает выводы о некоторых особенностях формирования дискурсивного мышления человека: о становлении социолингвистической компетенции языковой личности. Автор показывает как индивидуальный социальный опыт той или иной личности влияет на особенности ее речевого поведения.

Литература

1. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. Учебное пособие. М., 1997.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов, 1999.
4. Большая советская энциклопедия.

Паронимия как явление, порождающее коммуникативную неточность речи в языке профессионального общения

Явление паронимии привлекает к себе внимание многих лингвистов достаточно давно, поскольку большое количество речевых ошибок и отступлений от литературной нормы связано с недостаточным знанием именно этого языкового явления. Являясь одной из актуальных проблем современного языкознания, паронимия, как лингвистическое явление рассматривается с различных точек зрения представителями разных наук, таких как философия, психология, лингвистика.

Термин «пароним» был впервые предложен древнегреческим ученым Аристотелем в его труде «Категории». Аристотель называл так производные слова. До 60-х годов XX в. паронимия, как лексическое явление в русском языкознании не была изучена. В нашей стране первые сведения о паронимах были зафиксированы в словарях неправильностей русской речи примерно в начале XIX в. Одним из таких словарей был словарь Алексея Николаевича Греча «Справочное место русского слова», предназначенный для предотвращения типичных ошибок в правописании и произношении. В подобных словарях паронимы определяются как языковые трудности.

В толковании паронимии множество спорных и противоречивых моментов. Главным образом, это касается самой сущности явления паронимии. Одни лингвисты полагают, что паронимия является явлением языковым (О.В.Вишнякова), другие утверждают, что паронимия – это явление речи и паронимические отношения в плане семиологической системы языка роли не играют (Л.В.Минаева). В языкознании 60-70 гг. XX века сформировалось понимание паронимов как однокоренных слов, принадлежащих к одной части речи.

Паронимы – это близкие по звучанию однокорневые слова с ударением на одном и том же слоге, относимые к одному логико-грамматическому ряду - к одной части речи, одному роду (и виду, если это глаголы и их формы) - и обозначающие различные понятия» [Вишнякова, 1984: 5].

Одними из первых отечественных лингвистов, направивших свое внимание на изучение паронимов и паронимии были В.А. Богородский, В.В. Виноградов, Ф.П. Филин, Ю.А.Бельчиков, О.В.Вишнякова, Н.П.Колесников, М.С.Панюшева.

Паронимы требуют к себе особого внимания, ведь их смешение в речи недопустимо. Неразличение слов-паронимов является речевой ошибкой.

Разберем смешение паронимичных слов на примере языка официальных документов. Язык профессионального общения требует однозначности толкования основных ключевых понятий, выраженных в терминах. Он связан

и опирается на лексику законодательных и нормативных актов, поэтому неточное употребление какого-либо термина может иметь юридические последствия.

Ценность официального документа, практическая и правовая, обеспечивается главным образом смысловой точностью речи. Таким образом, неверно подобранное слово искажает текст и придает ему нежелательный оттенок.

Наиболее частой ошибкой авторов деловых писем является неправильное использование многозначной пары глаголов «представить» и «предоставить». Глагол «представить» имеет следующие значения: предъявить, сообщить, познакомить с кем-либо, ходатайствовать, составить, обнаружить, мысленно вообразить, изобразить, показать (Например: представить список участников совещания, представить документы на переоформление лицензии; представить руководителю нового сотрудника).

Глагол «предоставить» имеет значения: отдать в чье-либо распоряжение, пользование, дать право, возможность сделать, осуществить что-либо (предоставить транспортное средство для организации перевозки учащихся, предоставить ежегодный оплачиваемый отпуск, предоставить слово начальнику отдела, предоставить решение вопроса коллективу организации).

Примеры ошибочного употребления глагольной пары «представить – предоставить»:

Просим представить транспортное средство для осуществления перевозки участников конференции.

Предоставить список участников совещания необходимо до 23.04.2013 года.

На совещании отдела нам предоставили нового сотрудника, которому пообещали представить должность главного специалиста.

Ходатайствуем о предоставлении к награждению Почетной грамотой Иванова И.А.

Не менее часто в деловой речи отмечается смешение паронимов *подпись* и *ропись*. Существительное *ропись* имеет значения: письменный перечень чего-то (ропись доходов и расходов); разнесение записей в разные места (ропись цифровых данных); настенная живопись (ропись старинного храма). Однако, под влиянием значений глагола *расписаться* и паронима *подпись* оно используется в значении «собственноручно написанная фамилия»

Например: *Руководителю необходимо поставить ропись на документе.* В литературном языке данное употребление является недопустимым. Правильно следует написать: *Руководителю необходимо поставить подпись на документе.*

В профессиональном деловом общении также происходит смешение следующих существительных-паронимов: *выплата* - *оплата*, *динамика* - *динамичность*, *оснащение* - *оснащенность*, *согласование* - *согласованность*, *тема* - *тематика*, *эффективность* - *эффектность*.

Примеры ошибочного употребления паронимов «выплата» и «оплата»:

Выходное пособие при прекращении трудового договора относится к оплате социального характера.

Выплату можно произвести на кассе у оператора или в терминале самообслуживания.

Значения существительного «выплата»: выдача платы за что-либо; уплата долга частями или полностью. «Оплата» имеет следующие значения: отдача, внесение денег за что-либо, в возмещение чего-либо; уплата какой-либо суммы денег в погашение чего-либо, уплачиваемые за что-либо деньги.

Примеры ошибочного употребления паронимов «динамика» и «динамичность»:

Отсюда важнейшими чертами предпринимательства являются риск, мобильность, динамика предпринимательских действий.

Существительное «динамика» употребляется в следующих значениях:

1. раздел механики, изучающий законы движения тел в зависимости от действующих на них сил; 2. состояние движения, ход развития, изменения чего-либо; движение, действие.

Динамичность имеет значение насыщенности движением, действием, интенсивного развития чего-либо.

Примеры ошибочного употребления паронимов «согласованность» и «согласование»:

Результатом становится появление показателей, свидетельствующих о согласовании действий сторон договора.

Нам удалось добиться таких высоких показателей благодаря согласованию коллективных действий.

В данных примерах подразумевается следующее значение: соответствие, единство, слаженность, взаимное согласие. Это значение имеет существительное согласованность, а не согласование.

Согласование имеет следующие значения: приведение в нужное соотношение, в соответствие с чем-либо; выработка путем обсуждения единого плана, мнения и т.д.; получение согласия, одобрения на что-либо.

Итак, неразличение слов-паронимов является речевой ошибкой. А для официально-делового стиля, который имеет свою специфику, одним из важнейших требований к языку является точность, однозначность высказывания. Читая официальный документ, мы прежде всего хотим получить конкретную непротиворечивую информацию. Паронимия основана на недостаточной грамотности, компетенции в употреблении профессиональной, деловой, официальной лексики. Несмотря на кажущуюся незначительность, смешение слов-паронимов может серьезно испортить впечатление от коммуниканта и иметь возмущающий эффект, противоположный предполагаемому. Поэтому на явление паронимии следует обратить особое внимание в ходе образования и подготовки специалистов.

Литература:

1. Арутюнова Е.В. Стиль официальных документов: требования к языку и распространенные ошибки/ Е.В.Арутюнова // Справочник секретаря и офис-менеджера. – 2010. - №8. – С. 48-52.

2. Белчиков Ю.А. и Панюшева М.С. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. Изд. 2-е, стереотип. М., "Сов. Энциклопедия", 1969. - 296 стр.
3. Вишнякова О.В. Паронимия в русском языке: Учеб. Пособие для пед. вузов по спец. «Русский язык и литература». – М.: Высш. Шк., 1984. – 128 с.
4. Греч Н.И. Справочное место русского слова. СПб., 1834.
5. Лотош Л.С. Основные языковые ошибки и недочеты, допускаемые в текстах документов/ Л.С. Лотош // Делопроизводство и декументооборот на предприятии. – 2006. - №4. - С. 42-46.

Mostacheva E.,
senior teacher at the Higher School of Economics
Sycheva L.,
senior teacher at the Higher School of Economics
National Research University – the Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Teaching Idioms in Business English

Since we teach at the National Research University –Higher School of Economics our students of Business English are often referred to the articles published in the Economist. These articles are full of idioms and we should familiarise the students with the idiomatic expressions they are likely to encounter in contemporary business world. The University EFL students get to know that people don't begin a project taking the first steps. They «put a stake in the ground». For example: *Our business in California has grown steadily over the past two years. Now is the time to **put a stake in the ground** and open a regional office there.* Businessmen don't call each other to discuss progress – they «touch base» trying to ensure everyone has the same information. For example: «*We will touch base at the meeting.*» Later, if the project is not going well, they don't end it. They «pull the plug.» For example: *After losing millions of dollars drilling for oil in Nebraska and finding nothing, the oil company finally **pulled the plug** on its exploration project.*

The Collins English Dictionary (2006) defines an idiom as «an expression such as simile, in which words do not have their literal meaning». Idioms are categorised as multi-word expressions that act in the text as units. According to Longman Idioms Dictionary (1998) an idiom is «a sequence of words which has a different meaning as a group from the meaning it would have if you understand each word separately». It is difficult for English native speakers to master English idioms, let alone EFL learners because the figurative meanings of English idioms cannot be predicted through an analysis of their individual word meanings. Nippold and Martin (1989) stressed, «Failure to grasp the meanings of idioms can impinge upon an individual's understanding of language in social, academic, and vocational settings». Apparently, teaching EFL learners to use English idioms is considerably critical for us - EFL teachers. The university EFL students should clearly

understand that idioms shouldn't be broken into their elements because they are often referred to as 'a fixed expression'. According to Carter (1998) proverbs, catchphrases, allusions, idiomatic similes and discursal expressions are classified as idioms. He identifies the following characteristics of idioms:

non-substitutable

more than a single-word

semantically frozen.

Since the role of context is central in language learning we try to provide a rich meaningful context for students' language learning and practice. For instance, Nippold & Martin (1989) emphasise that linguistic contextual information enhances adolescents' interpretation of idioms. The contextual cues surrounding a particular word can help students get the meaning of idiomatic expressions. Thus, introducing English idioms within interesting articles can possibly help EFL students to understand and remember them better.

While reading business magazines and newspapers students notice that modern business idioms are often grouped around some theme or key words, such as *battles* and *wars*, for example. They often come across such idioms as «taking flak», «reinforcing one's position», «laying low», «making a move» and many others. In this article, we will continue exploring useful war idioms.

Business in most cases is considered to be a battlefield and it is not surprising that many business strategies and management techniques were first developed in the military. Actually, it's quite natural that businessmen think about business competition in terms of war. Companies fight each other for the market share working out different strategies about how to win the battle. While one company is trying to attack, the other company is defending its market position. Everywhere you look in business, you will find the language of war: the writers often think – and talk – about business competition in terms of attacking and defending, gaining and losing ground. Business is full of such war and battle idioms.

Let's take a passage from the article entitled «Europe's 750 billion euro bazooka» (http://www.economist.com/blogs/charlemagne/2010/05/euro_crisis_2), which illustrates the usage of business idioms borrowed from the military vocabulary.

I think this bellicose talk of fighting battles with markets and being at war with perfidious bankers (to quote Mrs Merkel) may point to a useful analogy for what is going on in terms of political integration here, at least at this point. I wonder if this new intergovernmental war chest of €440 billion, working with the intergovernmental IMF, is a bit like the mutual defense clause, Article 5, in the NATO treaty, that says an attack on one member of NATO is an attack on all. That is hugely important, and commits each member government to big and serious things. But it is not the same as those member countries agreeing to pool their militaries. Therefore, to communicate effectively in business environment, the students need to learn these war idioms. Thus, we use various effective activities for teaching English idioms to university EFL students so that they can not only learn them effectively but also apply them practically. One model strategy we can

choose to familiarise the students with the business idioms grouped by the key words 'battle' and 'war' is to provide them with paraphrased meaning of idiomatic expressions.

It should be mentioned that students have to know or understand the individual words of an idiom before understanding the idiom itself. We should avoid introducing idioms which use new vocabulary words and be able to simplify the meaning of idioms. We could say, for example, that «to bite the bullet» means to make a difficult or painful decision. Students should know all the words used in our explanation as well, so we should use the simplest language we can. Even with advanced learners, simplifying idioms to their basic meanings make them easier to understand and learn.

However, EFL teachers and learners still argue whether idioms should be paid so much attention to. They claim that idioms present problems in both understanding and in production. Idioms are difficult to understand because they are not easily unpacked from their component parts. They are difficult to produce because they often allow no variation. Scott Thornbury argues that «few errors sound more comical than an even slightly muddled idiom. »

On the other hand, students who have reached a rather high level of English often become demotivated and complain that there is nothing left to learn. And in the Higher School of Economics we have got quite a number of students who have already mastered all the major grammar structures, have acquired a wide range of lexis and can communicate in a variety of business situations using a good deal of expressions. And they still are eager to improve.

A well-known expert on EFL teaching Tim Bowen believes that learning idioms would seem to be the answer. An appreciation of such expressions and a feeling for how and when they are used can certainly improve the learner's ability to read in the target language and to understand business conversations. But how can the student make sense of innumerable idiomatic expressions existing in business environment?

How should we, teachers, deal with this type of language in the classroom? There are various things to keep in mind: for most students (with a possible exception of advanced ones students) this type of language is useful receptively rather than productively and should be left on a receptive level. However, this does not mean that it can be introduced only once and then forgotten. Each expression needs to be practiced a number of times in exercises if it is to be assimilated. Instead of just memorizing the explanation of the expression students develop the ability to infer its meaning from the context. Where the meaning is metaphorical (for example, *set the bar too high above*), understanding literal meaning can help the students infer the meaning in the specific context in which the expression is used. Where the meaning of the words is opaque (fend off, up to scratch), meaning can be inferred only if there are sufficient clues in the context itself.

Another approach is to compare idioms in the target language with idioms in the mother tongue. This can be both an interesting exercise in itself and a means of remembering idioms more effectively. According to the opinion of different researchers it is advisable to start teaching idioms from the ones which are

identical in their meaning to the native language (*the domino effect*), and then pass over to the similar idioms (*between the devil and the deep blue sea*), and finally, to the dissimilar idioms (*the gravy train*).

In our University classes we use a wide range of techniques of teaching idioms, which are organized so as to provide gradual transition from mere understanding to communicative usage of business idioms. We choose a few idioms from the classroom text, define them and present them within the larger context of a short paragraph or dialogue. It is interesting to contrast the literal and figurative meanings and show how they are related. Incidentally, drawing idioms is effective for showing the contrast between the literal and figurative meanings.

At the stage of checking comprehension we ask students to rewrite the sentences with idioms in non-idiomatic English. And vice versa, to rewrite simple texts using the given idioms.

Facilitating deeper understanding of the idioms we promote different creative activities, both written and oral ones, such as expanding on the sentences, containing idioms, using them as initial or concluding sentences. Students can be easily involved in dramatizing idioms and act them out to compare in a humorous way literal and figurative meanings of idioms.

Another activity in the class is charades. Students act out the literal meaning of an expression and the class must guess the figurative meaning.

Retelling exercise is another effective way to learn idioms. The teacher tells a story containing several idioms and the students have to retell it or write it down trying to use as many of the expressions as they can.

Add-on Story is an exciting exercise which contributes to speech competence. Write a list of idioms on the board and start the narrative by using one of the idioms. Students have to add to the story by each contributing one sentence containing a new expression.

Advanced students select idioms from newspapers and magazines and bring them to class for further discussion.

In the exercise called Paragraph Completion omit the idiom in context from a paragraph and have students complete the passage with a phrase that fits the context, then give the omitted idiom. Thus students will see how they have inferred the idiom's meaning from the context.

It should be mentioned that students need to practice not just using idioms in sentences but also responding to their use and understanding their meaning. To give students practice hearing the idioms used, it is a good idea to ask them questions using idioms: «How can teleconferencing help business people be on the ball? », «Are you good at handling deadlock? » By asking questions, we can also prompt students to use idioms correctly.

It is also important to realize that individual students learn and retain vocabulary differently. This often depends on their learning styles. The so-called visual learners need to see words or pictures and often have to write the word down to make sure it is spelled correctly. They may need to read the word in a sentence in order to remember it. Auditory learners need to hear the word or phrase said aloud. They concentrate on the sound of the word and the pronunciation is

important for them. They may also need to put the word into a sentence and practice saying the sentence out loud or to themselves. Kinesthetic learners may need to move about or even make gestures while learning vocabulary. They may connect words with movements or feelings.

As classes are made up of a variety of students with different learning styles and needs and each teacher is also an individual, it is necessary to find different activities for different groups. Remaining flexible, allowing both yourself and your students to experiment with new methods and new ideas can be rewarding for both you and the learners.

So, answering the question if business English students need phrasal verbs, metaphorical and idiomatic language, and the full range of lexis used by native speakers, we can say that many learners will use English predominantly as a lingua franca to speak to other non-native speakers. The English used in these situations will differ radically from that used by native speakers, and in particular will involve a far more restricted range of lexis. One might argue therefore that these learners have no need of the extended lexical range used in Britain, America, Australia and so on, and that these features can be excluded from our teaching. However, if the students contact frequently with native speakers – for instance if they are working for an American multinational or take frequent business trips abroad – then the situation changes. They may not need these expressions productively, but they will almost certainly need them receptively. They may still want to read business press, for instance *The Financial Times* or *The Economist*, or to follow business news on international channels such as CNN or BBC World.

Teaching idioms is especially relevant for a student of Business English. A businessman needs correct English grammar as well as the vocabulary of «business talk» to sound competent in his job.

Literature

1. *Kuznetsov S.* Angliyskij v stile Economist. – M.: Alpina Publishers, 2011 – 250s.
2. *Nelyubin L.L.* Tolkovyj perevodcheskij slovar. - M.: Flinta Nauka, 2003 – 318s.
3. *Ponomarenko V.A.* Frazologicheskie edinit'si v delovom diskurse (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov). Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk. – Krasnodar, 2007 – 24s.
4. *Bejoint, H.*, The Lexicography of English – Oxford University Press, 2010 – 318 p.
5. *Cowie, A.P.*, English Dictionaries for Foreign Learners - Oxford University Press, 1999
6. <http://www.economist.com/>

Блинкова Л.М.

*Заведующая кафедрой общенаучных дисциплин
Белорусского государственного университета*

Ушакова Н.В.

*Старший преподаватель кафедры общенаучных дисциплин
Белорусского государственного университета
г. Минск, Республика Беларусь*

Актуальность использования проектной методики в обучении иностранному языку

В процессе интеграции отечественного высшего образования в мировую систему одним из главных направлений его дальнейшего развития должно стать повышение эффективности изучения иностранных языков, при котором языки становятся средством формирования специалиста нового типа, владеющего инструментарием профессиональной деятельности, коммуникативной компетентностью и иноязычной культурой, способного осуществлять межкультурную коммуникацию с целью эффективного профессионального взаимодействия.

Сегодня высшее образование направлено на решение таких задач, как:

- формирование готовности к разрешению различных проблем с опорой на целый спектр знаний, навыков, умений в различных предметных отраслях;
- совершенствование билингвальной коммуникативной компетенции в устном и письменном общении;
- развитие стремления учиться всю жизнь, обновляя и совершенствуя полученные знания, умения и навыки.

Эти задачи могут быть выполнены с помощью внедрения и эффективного использования новых педагогических технологий и инновационных методов и способов обучения, способствующих развитию коммуникативной компетенции и коммуникативных способностей.

Одним из таких методов, по нашему мнению, является метод проектов, или проектная методика, которая представляет собой мотивированную, целесообразную и в определенной степени автономную деятельность учащегося, направленную на получение им нового знания или опыта, в котором он, учащийся, по тем или иным причинам и в той или иной степени заинтересован [1, с.328]. Данная инновационная методика обеспечивает не только более прочное усвоение учебного материала, но также интеллектуальное и нравственное развитие учащихся, их самостоятельность, ответственность за конечный результат – проектный продукт.

К преимуществам проектной методики следует отнести возможность интегрировать знания, умения и навыки студентов из разных областей при решении конкретной проблемы, применить полученные знания на практике, генерируя при этом новые идеи.

Профессор Е.С. Полат выделяет следующие требования к использованию метода проектов:

- наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы или задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения;
- практическая и теоретическая значимость предполагаемых результатов;
- самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность студентов;
- структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов и распределения ролей);
- использование исследовательских методов: определение проблемы, вытекающих из нее задач исследования; выдвижение гипотезы их решения; обсуждение методов исследования; оформление конечных результатов [2, с.135].

Проектная деятельность изначально ориентирована на прикладной, практический результат: учащиеся решают конкретную задачу или проблему с учетом многочисленных, нередко меняющихся в процессе осуществления проектной деятельности реальных обстоятельств. Поиски такого решения подчиняются строго алгоритмизированным, заранее запланированным шагам и процедурам.

Технология осуществления проекта предполагает реализацию шести основных этапов:

- 1) подготовка (определение темы, цели и задач проекта);
- 2) планирование (определение источников информации, способов ее сбора и анализа, определение представления результатов, установление процедур и критериев оценки, результатов и процессов, распределение задач между членами команд);
- 3) исследование (сбор информации, решение промежуточных задач);
- 4) получение, формулировка результатов и выводов;
- 5) оценка результатов;
- 6) представление и отчет (защита проекта его участниками).

Неоспоримыми преимуществами метода проектов, на наш взгляд, являются следующие:

- проектная работа дает ясное представление о достигнутых результатах, другими словами, студенты четко понимают, что они могут достичь, используя изученный материал (это делает проектную работу возможной для групп с разными способностями);
- проектная работа помогает студентам соотнести иностранный язык с их коммуникативными возможностями, с различными сферами знаний;
- в результате проектной работы моделируется ситуация межкультурного общения;
- обеспечивается общее развитие обучаемых: проявляется инициатива, самостоятельность, дисциплина, сотрудничество, развиваются воображение и полезные исследовательские навыки;

- проектная работа учит не только вникать в содержание учебной деятельности, но и вносить свой элемент в выполнение работы, находить наиболее оригинальные и рациональные способы ее выполнения;
- проектная работа развивает самостоятельность и автономность учебной деятельности, особенно методы самоконтроля и самопроверки;
- развиваются умения анализировать, классифицировать, обобщать, выделять главную мысль, синтезировать, абстрагировать, систематизировать;
- проектная работа соединяет в практической форме как основные принципы коммуникативного подхода, так и ценности традиционного, классического образования;
- использование проектной работы позволяет сделать занятия по иностранному языку интересными, разнообразными, динамичными;
- использование проектной работы позволяет развивать у обучаемого творческий подход, индивидуальность, самостоятельность, интеллект, мышление, а также повышать уровень владения иностранным языком.

Следует отметить, что при всех достоинствах проектной методики, ее реализация имеет определенные сложности, а именно: необходимость скрупулезно продуманной разработки проекта; невозможность четко формировать ход проекта; необходимость тщательной подготовки языкового материала проекта; необходимость подведения итогов выполнения проектного задания с анализом всех допущенных ошибок. Однако все эти сложности не уменьшают эффективность и целесообразность использования метода проектов в учебном процессе.

Литература

1. Корчажкина О.М. Профессиональная деятельность учителя в условиях информатизации образования. Москва, 2010. – 398 с.
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учебное пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; Под ред. Е. С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 272 с.

Бурмич М.А.
*преподаватель кафедры иностранных языков
белорусского торгово-экономического университета
потребительской кооперации
г.Гомель, Беларусь*

Инновационные технологии в преподавании языковых дисциплин

В современном мире глобальная сеть стала неотъемлемой частью жизни людей во многих странах мира на всех континентах. По результатам последних опросов, социологи установили, что число пользователей Интернета на сегодняшний день составляет около 1,5 млрд. человек, следует также отметить, что данная цифра постоянно растет.

В настоящее время обучение языку претерпевает ряд изменений. Современный процесс обучения характеризуется активным внедрением новейших средств информационной технологии в образование. Речь идет о компьютеризации учебного процесса. Компьютер не определяет содержание обучения, он является лишь эффективным средством обучения, поэтому разработка методических основ обучения с помощью компьютера должна базироваться на глубоком анализе дидактических и методических возможностей, способствующих реализации основной цели в преподавании - формированию умений и навыков коммуникативной компетенции. Интенсивное внедрение в учебный процесс таких современных технологий, как Интернет, аудио – и видеоконференции, мультимедийные презентации, помогает решать основную задачу современной методики обучения языкам в высшей школе – ориентация всего учебного процесса на активную самостоятельную работу студентов, создание условий для их самовыражения и саморазвития.

Мультимедиа (лат. Multum + Medium) – совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько информационных сред: графику, текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение.

Мультимедийные презентации могут быть показаны через проектор или же на другом локальном устройстве воспроизведения. Широковещательная трансляция презентации может быть как «живой», так и предварительно записанной. Стоит отметить, что мультимедиа в онлайне может быть либо скачана на компьютер пользователя и воспроизведена каким-либо образом, либо напрямую из Интернета при помощи технологий потоковой передачи данных. Использование мультимедийных технологий в обучении создает дополнительные возможности для развития креативности студентов, стимулирует их любознательность, прививает интерес к научной деятельности. Формы работы на занятиях включают изучение профессиональной лексики, обучение культуре речи. Используя материалы Интернета, студенты могут пополнять свой словарный запас,

совершенствовать умения письменной речи, создавать устойчивую мотивацию для изучения языка. Для студентов мультимедийные технологии являются способом, при помощи которого они расширяют свои представления об окружающем мире. Использование мультимедийных технологий обеспечивает более полную и точную информацию об изучаемых явлениях и объектах. Это улучшает качество обучения, позволяет развивать познавательные интересы студентов, повышает наглядность обучения. Работа студентов становится более интенсивной, что позволяет повысить темп изучения учебного материала и увеличить объем самостоятельной работы на занятиях и после них. Контролируемая самостоятельная работа студентов (или группы студентов) может быть организована в виде разработки и последующей презентации мультимедийных проектов.

1. Языковые проекты:

- обучающие проекты, направленные на овладение языковым материалом и на формирование речевых навыков и умений;
- лингвистические: изучение языковых особенностей; изучение языковых реалий (неологизмов, фразеологизмов, поговорок); изучение фольклора; изучение этимологии слов.

2. Лингвокультурологические (страноведческие) проекты:

- исторические (изучение истории страны, города);
- географические (изучение географии страны, города);
- этнографические (изучение традиций и быта народа; изучение народного творчества; изучение национальных особенностей культуры разных народов);
- политико-экономические (ознакомление с государственным устройством стран; ознакомление с общественными организациями; проекты, посвященные законодательству страны);
- искусствоведческие (посвященные проблемам искусства, литературы, архитектуры, культуры страны изучаемого языка).

3. Игровые проекты:

- социальные (учащиеся исполняют различные социальные роли);
- деловые (моделирование профессиональных ситуаций);
- воображаемые путешествия (обучение речевым структурам, клише, специфическим терминам, диалогам, описаниям, рассуждениям).

Использование инновационных технологий и реализация метода мультимедийных проектов в процессе изучения языков создает предпосылки для формирования не только коммуникативной компетенции студентов, но и способствует их общекультурному росту, развитию познавательной и творческой деятельности, создает дополнительные возможности в реализации индивидуального подхода и интенсификации самостоятельной работы студентов.

Прецедентные феномены в романе В.Е. Максимова «Ковчег для незваных»

В.В. Красных указывает, что прецедентная ситуация (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу [цит. по 1, с. 37]. Д.Б. Гудков демонстрирует яркий пример ПС на предательстве Христа Иудой, которая понимается как «эталон» предательства вообще. Дифференциальные признаки указанной ПС (например, подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство) становятся универсальными, а атрибуты ПС (например, *поцелуй Иуды, 30 серебряников*) фигурируют как символы ПС [цит. по 1, с. 37-38]. В романе «Ковчег для незваных» Максимов, описывая жизнь и арест бригадира Ивана Хохлушкина, использует такую прецедентную ситуацию. Праведник Иван Хохлушкин сопоставляется с Иисусом Христом. Работник НКВД Алимускин говорит о нем: *«мужик головастый, только мозги набекрень и язык длинный»* [4, с. 293], *«разводит... демагогию насчет всеобщей справедливости»* [4, с. 293], а его 12 единомышленников называет *«рыбаками по сухому»* [4, с. 292], что вызывает ассоциации с 12 апостолами. Мария, жившая с ними и преданная Ивану Хохлушкину, соотносится с Марией Магдалиной, которая вместе с Иисусом Христом и двенадцатью апостолами ходила по городам и селениям (Лк 8: 1-2). Возможно, автор создавал образ блудницы (*«и на выселении была, и за совращение привлекалась»* [4, с. 25]), но следует заметить, что Мария Магдалина не была блудницей, нигде в Евангелии об этом не говорится. Ее считают блудницей в католической традиции.

Петруня Бабушкин, отрекшийся от Ивана, ассоциируется с евангельским Петром, вечернее застолье с Тайной вечерей, ночное скорбное бдение Ивана с Гефсиманией, майор НКВД Лямпе, который пытался отговорить Золотарева и Алимускина от ареста Ивана и *«все потирал и потирал руки, будто отмывая их от чего-то очень въедливого»* [4, с. 29], сопоставляется с Понтием Пилатом, умывшим руки, выражая свою невиновность в пролитии крови Иисуса Христа, двое преступников, арестованных вместе с бригадиром, с евангельскими разбойниками, казненными вместе с Христом (*Нам с тобой хоть есть чего вспомнить, пожили в свое полное удовольствие, а эти-то телята за какой хрен туда же?* [4, с. 33] – *И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал* (Лк 23: 41)), попытка Ивана Зуева топором зарезать помощника Алимускина при аресте бригадира [4, с. 32] ассоциируется с отсечением уха Петром рабу первосвященника,

участвовавшему в аресте Христа, смерть бригадира с казнью Христа: *«...мучали они его долго, с чувством... А он только... жалел их... Те того пуще взбесились, будто звери дикие сделались, такая страсть началась, что и рассказывать страшно. Казнить вели, всё одно не держал на них сердца»* [4, с. 427]. Илья Золотарев, осуществивший ложный донос на Ивана Хохлушкина и получивший за это триста рублей и курортную путевку, соотносится с Иудой.

Письма Ивана и Матвея Загладиных, входивших в группу Ивана Хохлушкина, проникнутые религиозным содержанием, соотносятся с посланиями апостолов, поскольку повествуют об их пастырской деятельности: *С Божьей помощью воскресим Тело истинной Церкви Христовой, восстанет Матерь из праха в прежней красе и силе* [4]; *но в кресте моем есть, однако, радость душевная способствовать ближним страждущим в узилище, чего по мере возможности делаю каждодневно* [4, с. 334], о радении о труде и молитве: *Жизнь моя катится со дня на день в трудах и молитвах* [4, с. 334]; содержат наставления, поучения, цитаты из Евангелия: *Наше дело, брат, пастырское, поспособствовать только, недаром в Писании сказано: «Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас»*. Пишу я это, брат, к тому, что, по застольному разговору судя, направляется Илья в ваши местности наводить суд и порядок, по этой причине не держите на него сердца, коли судьба сведет, во имя Господне и слово наставника нашего Ивана Осипыча [4, с. 335], благословение: *Остаюсь навсегда ваш, меньшей брат Иван, Христос с вами* [4, с. 335].

Данная ПС позволяет ярко охарактеризовать Советскую власть, которая уничтожала основу, фундамент человеческого бытия – религию, духовную жизнь, жестоко расправлялась с невинными людьми, применяла террор как основное средство достижения цели.

Между главами автор делает вставки, выделенные курсивом, которые, помимо прочего, описывают хождение Старца и его народа по пустыне: *Песчаное царство сделалось колыбелью, жилищем этих людей. Их жизнь завязывалась и распадалась по его зыбким, но неумолимым законам. В этом царстве, как и во всяком другом, особи каким-то чудом находили друг друга, и от их любви на свет появлялись дети, чтобы, едва встав на ноги, пойти бок о бок с другими дальше. В конце концов выжило поколение, какое, родившись в движении, считало, будто это движение и есть смысл их существования* [4, с. 251]; и как бы продолжение основного повествования романа о многострадальном народе, жившем в советское время: *Ручеек Курильского переселения неслышно втекал в гудящий водоворот всеобщего русского Безвременья, бесследно растворяясь в нем, как ржа в щелочи. В сердцах сорванная со своей оси, основы, стержня, Россия раскручивала людские массы в винтовом кружении одного лихолетья за другим, перекладывая войну голодом и опять голодом и войной.*

Растекаясь по дорогам и тропам разоренной страны, они двигались по всем сторонам света в поисках хлеба и счастья... их пустыня жила в них

самых, и в ней им суждено было плутать до скончания века. И они плутали по ней без цели и направления, в слепой надежде когда-нибудь остановиться навсегда... Вполне может быть, что они двигались по замкнутому кругу и среди них не было ни овец и козлиц, ни победителей и побежденных, ни вожakov и ведомых – одни слепые, несчастные каждый по-своему [4, с. 416-417]. Обе эти сюжетные линии соотносятся друг с другом – автор сопоставляет жизнь в советскую эпоху со скитаниями по пустыне – и вместе восходят к библейской прецедентной ситуации – хождение Моисея и израильтян по пустыне. Старец сопоставляется с Моисеем, а его народ с израильтянами. Цель хождения в обеих сюжетных линиях, как и в прецедентной ситуации – похоронив рабов, стать свободными и навсегда забыть о рабстве [4, с. 252], какое и хотел создать В.И. Ленин: «Совершив государственный контрреволюционный переворот и захватив власть, Ленин взял курс на создание государства цивилизованного рабства, именуемого коммунизмом. Террор и насилие, совершаемые большевиками в ходе установления власти и строительства так называемого коммунистического общества, являлись основными средствами и методами достижения их цели» [2, с. 39].

Описывая отъезд семьи Самохиных из родной деревни, начало их пути на Курильские острова, автор добавляет: *И была Ночь, и был Человек в ней, и был с ними Тот, Кто берег их для Своего Дня [4, с. 243]*, таким образом соотнося их отправление с исходом израильтян из Египта, когда Господь сопровождал их весь путь.

Как и в библейском тексте в течение сорока лет хождения по пустыне родилось новое поколение, свободное от трусости, малодушия и рабской психологии, так и в советском государстве, описанном Максимовым, появились такие люди, с той лишь разницей, что с последними жестоко расправлялись: *...по всей стране стали рождаться мальчики и девочки, которые, к величайшему ужасу родителей, начали задавать вопросы.*

А к концу пятидесятых и в начале шестидесятых эти мальчики и девочки перешли от вопросов к прямым действиям. Мальчиков и девочек стали пачками и в одиночку отправлять в места не столь отдаленные и места, где из них пытались сделать мычащих инвалидов с последующей припиской к психдиспансерам по месту жительства [4, с. 391].

Вслед за Ю. Н. Карауловым мы будем понимать под прецедентными «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216].

Автор включает прецедентный текст в проповедь Матвея Загладина как намек на предстоящее возмездие Божье в виде стихийного бедствия: *«...И простер Моисей руку свою на море, и к утру вода возвратилась на свое место, а Египтяне бежали навстречу воде, так потопил Господь Египтян*

среди моря...» [4, с. 402]. В нем также проглядывается судьба Федора и Любы, которые оказываются неуязвимыми для природной стихии: «...И увидели Израильтяне руку великую, которую явил Господь над Египтянами, и убоился народ Господа, и поверил Господу и Моисею, рабу Его. Тогда Моисей и сыны Израилевы воспели Господу песнь сию...» [4, с. 402].

Федор и Люба, выжившие после стихийного бедствия и начинающие новую жизнь на чужбине, свободную от рабства, соотносятся с израильским народом, ставшим свободным и дошедшим до земли обетованной.

Максимов заканчивает роман прецедентным текстом из первой книги Моисея «Бытие»: «И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал.

Впредь во все дни земли сеянье и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» [4, с. 447] (Быт. 8: 21-22). Это надежда на лучшее будущее для многострадальной России. Автор таким образом выражает надежду, что после окончания советской эпохи люди освободятся от рабской психологии и настанет благополучная жизнь.

Эпиграфом к роману является прецедентный текст, взятый из библейской притчи (Мф 22: 14): «Ибо много званых, а мало избранных» [4, с. 239] – ключ к пониманию всего произведения. Званные, как в притче, так и в романе – все люди, «избранные» же – те, кто живет по законам Божиим. В романе таковыми являются Федор и Люба, которые сохранили в жестокой жизненной буре чистоту сердца и которые олицетворяют в романе будущее России.

Как отмечает Ю.Н. Караулов, «прецедентные тексты... сплетаются в довольно плотную сеть, «пропустив» через которую ее дискурс (т.е. некоторый, достаточно представительный массив порожденных самой ею текстов), мы получаем «в остатке» те проблемы, которые данная языковая личность считает жизненно важными...» [4, с. 235]. Таким образом, одна из самых важных проблем для Максимова – исторические события двадцатого столетия в России. Используя указанные прецедентные феномены, Максимов осмысляет действительность советского времени, обнажает ее, выражает свое отношение к коммунистическому строю, устремлениям советской власти, а также свои ценностные ориентиры.

Литература:

1. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород, 2009.
2. Истоки зла (Тайна коммунизма). Москва, 2012.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва, 2006.
4. Максимов В.Е. Заглянуть в бездну. Ковчег для незваных. Москва, 1991.

Чеховский интертекст в творчестве В.С. Маканина

Творчество современных писателей невозможно понять в полной мере, не принимая во внимание их отсылки к русской классике. Именно соединение с великим литературным наследием – сближение или отталкивание – позволяет на глубинном уровне понять замысел автора. Попытаемся проследить это на примере чеховского интертекста в романе В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени».

Само название одной из глав – «Палата номер раз» – отсылает читателя к «Палате номер 6». И там и там речь идет о психиатрической больнице. Маканин подчеркивает не только внешнее их сходство – плохие условия содержания, холод, дурную пищу, побои со стороны работников, но и «внутреннюю» – мучения пациентов, превращающихся в *тени* [1, с. 511; 2, с. 85]. В «Палате номер 6» доктор видит в душевнобольном умнейшего собеседника в городе, и у общества это вызывает гнев. В «Палате номер раз» находятся уголовники, которых врачи «раскалывают» с помощью специальных *нейролептиков* (не существующих в природе) до такой степени, что даже жестокий наемный убийца Чиров, стрелявший в людей, в том числе детей без разбору, имеет вид *волка с опущенной головой* [1, с. 511]. Однако у Маканина наряду с преступниками в психушке содержатся талантливые инакомыслящие, залеченные коммунистической системой. Ярким примером является брат главного героя Веня – замечательный художник, которого советское государство насильно упекло в психушку и довело до настоящего слабоумия: ирреальность он использует как спасение [1, с. 521].

Автор «Андеграунда» стремится передать ужасы недалекого прошлого – советского государства, которое отличалось стремлением к полному подавлению человека, а в случае неподчинения следовали страшные наказания: репрессии, помещение людей в психиатрическую больницу (*психушка – кусочек государства* [1, с. 446]). При этом совершенно неважно, была ли за человеком серьезная вина, например, убийство или же он «виноват» инакомыслием, они в равной степени несут наказание: *в этой твоей вине нет ни сколько-нибудь интуитивного смысла, нет ей и разумного объяснения. Но все равно ты виноват* [1, с. 512].

Петрович не верит в выводы врачей, потому что это выводы госстроя, КГБ: *Не верю я в выводы. Не верю в их обследования и исследования. Я никому из них, служивых, не верю – они это они, вот и все. И значит, они на все сто в государственном оплаченном сговоре* [1, с. 532].

В романе Маканин доказывает, что главная трагедия минувшего столетия заключается в том, что советская власть заставляла человека отказаться от Бога, от веры и религии: *Я увидел это место и на нем человека XX века как он есть: в групповой зависимости. Как ни мучь этого человека в пустыне и как долго ни вели ему сидеть и скучать в сыпучих барханах, он уже не заговорит про Бога – не сотворит религию <...> Человек сколько угодно перестрадает, но уже не взорвется Словом* [1, с. 516-517]. Государство сравнивается Маканиным с адом, *распираемым котлом* [1, с. 519].

Помимо схожих мотивов между произведениями анализируемых писателей присутствует яркий контраст между главными героями. Если Рагин – приверженец *философии смирения* и потому, попав в психбольницу и прочувствовав на себе все ее беспорядки, он падает духом и умирает, то маканинский герой избегает печальных последствий благодаря собственной *философии удара*:

Спасло чудо; и чудо называлось все тем же моим словом: удар [1, с. 535]. Так, чудом вызвав в себе эмоции, глядя, как санитары бьют одного из пациентов, Петрович сам набрасывается на них с кулаками, в результате последние ломают ему два ребра и палец. Далее ввиду отсутствия хирургического отделения Петровича переводят в другую больницу, на старом месте же к нему теряется всякий интерес – про него забыли. Таким образом, против насильственной системы государства Петрович пользуется их же оружием – ударом.

Среди пороков, пропитавших обе психбольницы, особо выделяется разврат, но в «Палате номер раз» распутства даже больше – медсестра от скуки (!) вступает в половые отношения с пациентом на больничном диване. В чеховской, как помним, старый доктор завел себе из сиделок и больных женщин целый гарем.

Авторитетность Чехова у Маканина подчеркивает то, что он употребляет название повести классика как синоним к слову «психушка». Это происходит, когда речь идет о том, что и в книгах, и в кино авторы, описывающие психушки, сами ни разу там не были: *... из кинухи в кинуху кочует некая абстрактная «палата номер шесть», где психи – это дебилы, рассуждающие, как профессора философии в легком подпитии* [1, с. 178]. При этом автор отмечает, что *Чехов и был последним из русских авторов, кто видел стационарную психушку лично* [там же], остальные же просто повторили за ним и даже из самого Чехова сделали *сладенький леденец, который передают изо рта в рот* [там же].

Сделаем вывод. В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» присутствует яркий чеховский интертекст. В русле сближения с известным мастером слова – обличение беззакония, безнравственности, но более определенное – автор «Андеграунда» стремится показать трагедию двадцатого века, в котором истребление инакомыслящих было государственной политикой страны. В русле отталкивания – способность современного человека к борьбе, с помощью которой представляется

возможным выбраться из тупиковых ситуаций. Также Маканин подчеркивает значимость классика, противопоставляя его современным авторам фильмов и книг.

Литература

1. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени. М., 2010. 736 с.
2. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. – Т.8. М., 1985. – 430 с.

Возбранная Т.В.

К. филол. н., доцент кафедры русского языка и литературы
Национального минерально-сырьевого университета «Горный»
г. Санкт-Петербург, Россия

Проявление тенденции к новообразованиям в современном русском языке

Активизация словопроизводства сегодня, ввод в текст и оценка новообразований говорящими свидетельствуют о динамике языкового сознания современного человека. Именно слово является фиксатором тех социальных, политических, экономических, культурных и т. д. преобразований, которые мы наблюдаем на современном этапе развития общества. Язык не может оставаться живым и органичным, если он не изменяется во времени совместно с изменениями устройства жизни его носителей. А потому все преобразования, наблюдаемые сегодня в языке, все тенденции его развития, отмечаемые лингвистами, оцениваются как естественные и закономерные.

Обращение к языковому сознанию современника предполагает изучение действия механизмов различных языковых процессов, имеющих место в современном языковом пространстве. К ним вполне справедливо было бы отнести процессы активного словопроизводства, ведь «именно словообразовательный механизм в первую очередь обеспечивает язык бесконечным разнообразием слов, отвечающим всем потребностям общения» [1, с. 5].

Действительно, один из важнейших существующих механизмов языка – словообразовательный, функционирующий сегодня с разной степенью интенсивности, необходим говорящим для осуществления процесса общения, кодирования и декодирования информации – одного из основных назначений языковой системы в целом. Причем действие словообразовательного механизма может осуществляться как в процессе коллективной, так и в процессе индивидуальной номинации, как с целью воспроизведения, так и с целью создания лексических единиц с ориентацией на языковое творчество.

Создавая слова и тексты, говорящий опирается не только на языковую систему, но и на собственную языковую компетенцию, что позволяет

выявить степень владения системой языка той или иной личности, осуществляющей языковую деятельность.

Носители языка, опираясь на собственный лингвистический опыт, способны не только отбирать и актуализировать в речи те или иные элементы языка, но и создавать новые. Данное явление подтверждает способность языковой личности, ориентированной в современном языковом пространстве, осуществлять некий двуединый процесс, основанный на одновременном существовании стереотипной и почти автоматически организованной речи и новаторства, творческого начала, позволяющего выйти за рамки установленного, традиционного и способствующего развитию разного рода новообразований.

При этом, как отмечают специалисты, реализацию в речи индивидуально-нового необходимо связывать с потенциальными возможностями любой языковой системы, что обозначено сегодня, согласно современным лингвистическим представлениям, понятием языковой креативности, которое было введено в лингвистический обиход зарубежными филологами (Lewandowski T.). Данное понятие основано на языковых правилах и представляет собой одну из наиболее существенных характеристик языка [2, с. 87]. При этом степень творчества при использовании языка определяется языковой способностью личности, что выявляет усиление роли человеческого фактора в языке.

В рамках общей проблемы креативности лингвистами выделяется вопрос лексической креативности, под которой понимается «основанная на языковых правилах способность носителей языка создавать словарные единицы, не имевшиеся до этого в языке» [2, с. 88]. Наибольшее проявление лексической креативности отмечается в средствах массовой информации, что находит объяснение в специфике данной сферы речевого общения, отвечающей потребностям журналистов в постоянном языковом новаторстве.

С проявлением лексической креативности связано появление сложносокращенных слов с иноязычным компонентом, ставших предметом нашего рассмотрения: *Офитек, Рен-ТВ, IT-Сот, Ай-Ти-Ком, Теле-ком, МузZone, МаСар, МС-айстопперы, Промо-акция, SMS-Хакер, Инфосервис, Промдизайн, Промо-сайт, IT-компании*. Данная группа слов, как любое, основанное на определенных признаках объединение лексических единиц, имеет ряд характерных черт, определяющих особенность единиц подобного типа.

Сложносокращенные слова с иноязычным компонентом относятся к группе лексических единиц, образование которых осуществляется на основе нерегулярно действующих словообразовательных процессов, в результате чего обнаруживается нарушение традиционного фонетического образа русского слова. При этом своеобразие формы слова, а также его краткость обеспечивают популярность данному способу словообразования как в разговорной речи, так и в сфере публицистики, в языке молодежи, профессиональных жаргонах.

Сложносокращенные слова с иноязычным компонентом, базой для образования которых являются словосочетания, подвергшиеся произвольному усечению, обнаруживают разные виды сокращений, что определяет те потенциальные свойства сочетаний слов, на основе которых активно создаются новообразования-сокращения, направленные на достижение определенных коммуникативно-прагматических целей.

Структурная неоднородность исследуемой группы лексических единиц позволяет выделить первоначально две группы сложносокращенных слов с иноязычным компонентом: 1) слова, образованные соединением усеченных основ: *A-sim*, *A-Info*, *Си-джей*, *МузINFO*, *Примтэкс*, *Приват-TV*, *ПР-М*, *Рунет*, *СМТЕЛ*, *Ай-Ти-Ви*, *СИБКАР*, *СТК*, *MTV*, *Элекснет*, *Энэфкью*, *ЮНИТЭК*, *Юнител*, *Юникар*, *ЮРЭКС*; 2) слова, образованные соединением усеченных и полных основ: *OTS-щитов*, *VJ-блок*, *PR-отделение*, *SMS-сообщения*, *VIP-объявление*, *Фит-Лайф*, *Влад-Трэк*, *СимСитиТранс*, *VIP-такси*, *ОранжМобайл*, *Фруктайм*, *CD-мания*, *IP-консультации*, *Стройинсервис*, *Интерфейс-ДВ*, *Сиб-строй-сервис*, *RAIL-Инфо*, *АЛТВЭЙ*, *ИНСЕЙЛ*, *ТЕХНОСОФТ*, *Медстар*, *Инфо-микс*, *МегаТехГранд*, *Комстар*, *Голди-М*, *Бифилайф*, *ЕВРОТРЭЙД*.

Далее, принимая во внимание фактический материал, считаем возможным выявить определенные виды сокращений сложных слов или словосочетаний, учитывая особенности этих сокращений, поскольку усечению может подвергаться а) инициальный компонент, б) финальный компонент, в) одновременно все компоненты в структуре словосочетаний. При этом произвольность усечения обеспечивает многообразие типов сложносокращенных слов с иноязычным компонентом.

Таким образом, способность языковой личности создавать единицы, не имевшиеся до этого в языке, реализуется в создании сложносокращенных слов с иноязычным компонентом, обнаруживающих нарушение традиционного фонетического образа русского слова. Вместе с тем своеобразие формы слова, а также его краткость и одновременно выразительность обеспечивают популярность данному способу словообразования и активность использования компрессивных новообразований в сфере публицистики.

Активное образование сложносокращенных слов, в том числе с иноязычным компонентом, позволяет рассматривать аббревиацию как один из способов словотворчества, являющегося особенностью языка средств массовой информации, где сложносокращенные слова с иноязычным компонентом функционируют не только как особый тип номинации, но используются в ряде случаев в качестве средств привлечения внимания читателя, способа создания экспрессии, с целью достижения эффекта новизны и неожиданности, выступая при этом показателем следования современным языковым тенденциям.

Литература

1. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская // РАН, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

2. Савицкий И.П. О некоторых примерах лексической креативности. На материале современной журнальной прессы ФРГ/ И.П. Савицкий // Слово в динамике : сб. науч. трудов. – Тверь : Изд-во Твер. ун-та, 1999. – С. 87-98.

Гардецька Р.П.

*аспірант кафедри французької філології
Львівського національного університету
м. Львів, Україна*

Семантика демінутивного суфіксального маркера - *et(te)*

Розглядаючи демінутивну семантику і зокрема семантику демінутивів, що утворюються за допомогою суфікса - *et(te)*, опираючись на вчення численних вітчизняних та закордонних лінгвістів ми можемо зробити припущення про її невичерпність чи то довести, що вживання демінутивів на - *et(te)* є тільки застосуванням основних значень у контексті чи у певній області його вжитку. Ці питання розглянуті у двох останніх ґрунтовних дослідженнях таких зарубіжних лінгвістів як Даль[2] та Делай [3].

Опираючись на вчення сучасних мовознавців можна виділити три основні демінутивні категорії, а саме : кількісно-вимірну, невимірно-якісну та вимірно-якісну [6; с. 46]. До першої категорії віднесемо демінутиви, що визначають ступінь величини, розміру, обсягу, товщини, ваги, зросту, віку, тривалості, кількості, інтенсивності відносно середньої норми. Щодо цієї категорії можна застосувати також термін *реальні чи справжні* демінутиви, наприклад: *planchette*, *branchette* et *cagette*, де відповідно виражено маленький розмір іменників.

Демінутиви на - *et(te)* однаковою мірою можуть мати якісно-невимірний вжиток, як з точки зору об'єктивного судження (напр. *cotonnette*, що визначає загальну якість бавовняної тканини), так і суб'єктивного судження, яке може бути також як позитивним, так і негативним. До демінутивів у позитивному плані належать лодативні демінутиви (напр. *fleurette*), гіпокористики (напр. *soeurette*) або демінутиви співчуття, жалібності (напр. *la pauvre biquette*). Демінутиви, вжиті у негативному плані досить часто набувають принизливого сенсу (напр. *femmelette*). В таких випадках мають місце такі терміни, як пейоративні демінутиви, іронічні та демінутиви критики. На нашу думку загальним терміном для позначення цього ряду демінутивів є пейоративні демінутиви, оскільки вони можуть вживатися як у контексті критики, так і в контексті іронії, проте демінутиви в цих контекстах не виконують безпосередньо функції зменшення. Звідси слідує ще один тип якісних демінутивів, а саме демінутиви, що надають ефекту пом'якшення, ефемерності по відношенню до свого базового значення, що у більшості випадків є принизливим чи образливим, напр. *snob* – *snobinette*

До останньої основної категорії віднесемо демінутиви найприродніші та найбільш часто вживані. За лінгвістичними даними категорії кількості та якості є дуже близькі одна до одної, кількісна зміна може легко призвести до якісних змін [3; с. 144].

З іншої точки зору відносно попередньої класифікації можна вирізнити також *фактичні* демінутиви та *відносні*. Незважаючи на те, що референти фактичних демінутивів є «меншими, слабшими, молодшими...» ніж референти їхніх базових слів, все ж таки вони є схожі, тоді як референти відносних демінутивів є «іншої природи», як їхні основні слова. Цей останній тип демінутивів дає можливість не тільки встановити відношення розміру чи обсягу, але він однаково може виражати «відношення асоціативного порядку (з або без подібності)» [6; с. 94], наприклад метафоричні чи метонімічні.

Метафоричні демінутиви засновані на співвідношенні схожості зменшуваного та базового слова. Візьмемо до прикладу слово *languette*, що описує предмет, форма якого якоюсь певною мірою має схожість із *petite languette*: *languette de balance* вживається до прикладу для позначення *l'aiguille d'une balance*. Метонімічні демінутиви навпаки базуються на суміжності речей. Такий тип демінутивів може виражати найрізноманітніші зв'язки (за винятком власної подібності), серед яких, як приклад, розглянемо зв'язок «частини і цілого»: *chenillette*, що позначає маленький військовий транспортний засіб *sur chenilles*; ці основні характерні частини дали назву транспортному засобу в цілому.

Відносні демінутиви можна також поділити ще на три специфічні типи. До першого типу віднесемо демінутиви типу *pulluiseblance*, що описують «нащадків тварин», наприклад *chevrette* і які мають відповідність за трьома ознаками, а саме за схожістю, за походженням та за кількісними ознаками (вік та розмір). Другий тип демінутивів служить для того, аби денонсувати незавершеність і неповноту їх подібності, а також невідповідність по відношенню до слова основи. У прикладі *jouer à la dinette* демінутив вказує на певного роду обман, імітацію. До останнього типу належать відносні демінутиви, що позначають здрібнілість у топонімії та гідронімії. Демінутиви-топоніми позначають невелику місцевість чи агломерацію, що більш-менш віддалені від основного об'єкту і залежні від нього, наприклад *Villeneuve* < *Villeneuve*. У гідронімії демінутиви позначають назви невеликих річок, або менших ніж референти базового слова, наприклад *le Loiret* < *la Loire*.

Окремого розгляду заслуговують французькі віддієслівні та відприкметникові демінутиви. До віддієслівних зменшуваних на *-et(te)* віднесемо демінутиви, що мають відношення до засобів праці, інструментів, апаратів, тобто є суб'єктами дії певного дієслова (наприклад, *alumette* – те, що служить для запалювання *à allumer*) чи позначають місце, де відбувається певна дія (наприклад, *buvette* – невелике місце, звідки витікає вода, *petit débit de boissons*), являються об'єктом дії (наприклад, *sucette* – маленький сосок, який дають немовлятам смоктати, *à sucer*) чи позначають саму дію (наприклад, *sauvette*, *risette*, *dodinette*, що часто супроводжуються словом

faire). За Вебером такий процес вербальної деривації імплікує “ кілька мозкових операцій: декатегоризацію; концептуалізацію і деномінацію; абсолютну здрібнілість ” [6; с. 90].

Відприкметникова демінутивна деривація на *-et(te)* передбачає ті ж операції, що і віддієслівна, включаючи ще одну додаткову операцію, а саме *індивідуалізацію* та *диференціацію* [6; с. 91]. У порівнянні з прикметниками, що є узагальненими та абстрактними, іменники за походженням є одиничними та конкретними, наприклад *blanc* > *blanquette* (позначення якогось предмету білого кольору і певний сорт ранньої груші з білою шкіркою).

Відприкметникові демінутиви, що за походженням є ад’єктивними набувають ефекту експресивності та інтенсивності. Відприкметникові демінутиви вказують, що певна якість існує, наприклад *gentillette*, *grisette* але в низькій ступені, певною мірою у наближеній формі.

Отже, палітра смислових ефектів демінутивного маркера *-et(te)* є досить різноманітною і навіть невичерпною, оскільки завжди можна віднайти безліч різних суб - ефектів, але багато дослідників вважають, що в основному вона є тільки вираженням основних значень у контексті чи у певній області вжитку цього демінутивного маркера. Проводячи аналогію з іспанським суфіксом *-ito* погоджуємось із визначенням іспанського дослідника Нанеса Фернандеса, що семантика демінутивних похідних схожа з дією хамелеона, який пристосовується до будь-якого середовища, не змінюючи при цьому своєї суті [5, с. 379-381]. Гонсалес Олле вважає, що іспанські демінутиви (на нашу думку, як і французькі) у мовній прагматиці є своєрідним змістовим флюгером, який скеровує русло розмови в той чи інший бік [4, с. 220]. Опираючись на дослідження Р. Помірка ми вважаємо, що семантика демінутивного суфіксального маркера *-et(te)* з огляду його віртуальних можливостей (не зважаючи навіть на його відносно низьку продуктивність) є відкритою до модифікацій.

Література

1. Помірко Р. Аспекти семантичної категоризації демінутивних суфіксальних похідних в іспанській мові. – Іноземна філологія. – 2005. – Вип. 115, с. 3-8
2. DAL, G. 1997. *Grammaire du suffixe -et(te)*, Paris : Didier Erudition.
3. Delhay Corinne. 1996. Il était un "petit X". Pour une approche nouvelle de la catégorisation dite diminutive. Paris: Larousse.
4. González Ollé F. Los sufijos diminutivos en castellano medieval. Madrid. 1962
5. Nañez Fernández F. El diminutivo. Historia y funciones en el español clásico y moderno. Madrid. 1973.
6. WEBER, M. 1963. *Contributions à l'étude du diminutif en français moderne: essai de systématisation*. Thèse de doctorat. Université de Zurich.

Асоціативне наповнення зоонімної пропріальної лексики

Останнім часом дослідження пропріальної лексики набули нового імпульсу завдяки створенню **когнітивної ономастики** [3, 4, 5], яка вивчає «буття власних назв у ментальному лексиконі, форми концептуалізації власних назв і способи організації онімних концептів в онімні фрейми» [1, с. 140]. Ця зоономастична студія виконана якраз в когнітивному руслі. Головною **метою** роботи є з'ясування когнітивних структур організації онімичних одиниць у ментальному лексиконі носіїв англійської та російської мов, а також місце досліджуваних онімичних концептів у ментальних картинах світу цих етносів. **Об'єктом** вивчення є онімний простір англійської та російської мов, **предметом** – зооніми, зокрема їх репрезентація у ментальному лексиконі носіїв англійської та російської мов. **Матеріалом** дослідження послуговували результати вільного асоціативного експерименту, який було проведено із залученням 30 інформантів-носіїв англійської мови та такої ж кількості носіїв російської мови. Інформанти надали свою реакцію на стимул, якій було подано на рідній мові. У цій статті роздивимося два стимули, які відносяться до реальних зоонімів – англословний стимул *Dolly* (вівця, перша клонована тварина) та російськомовний *Кинг* (лев, вихованець родини Берберових). Етап збору результатів опитування для асоціативного експерименту було проведено у Лондоні у 2012 році та в Одесі в 2013 році. Хоча кількість інформантів складала по 30 осіб з кожного боку, реакцій у анкетах виявилось 33 та 29 відповідно. Ми вирішили врахувати всі подані реакції у нашому дослідженні, незважаючи на додаткові три реакції в англословних інформантів та одну відмову в російськомовних.

У когнітивній лінгвістиці мова дефінується як «засіб доступу до мисленнєвої, ментальної, інтелектуальної та інтеріорізованої у голові (мозку) людини діяльності» [6, с. 69]. Одним з провідних методів когнітивних досліджень, який дозволяє «об'єктивувати» (тобто вербалізувати) концепти за допомогою різних словесних форм» [6, с. 107], є асоціативний експеримент, у якому «конструюються мережі асоціацій у свідомості індивіда й етносвідомості» [9, с. 115], завдяки чому чітко виявляється структурна організація знань у ментальному лексиконі. Вільний асоціативний експеримент слугує «цінним джерелом інформації» та є дуже корисним у дослідженні «психологічних еквівалентів “семантичних полів”» [7, с. 9], які є синонімом відсутнього у той час у російській лінгвістиці терміна **фрейм** [2, с. 236]. Асоціативний психолінгвістичний експеримент дійсно дозволяє пізнати індивідуальні, ідіолектні фрейми, у тім числі й онімні, а через встановлення асоціативних норм – також корпоративні та загальномовні фрейми [4, с. 236]. У мисленні людина оперує концептами,

тож такий експеримент дозволяє зрозуміти, з чого складається і як побудована матриця мовленнєвої поведінки людини [10, с. 103]. Асоціативний експеримент є продуктивним інструментом у дослідженні концептів, ментальних процесів та концептуальної картини світу [8, с. 104]. Семантичне наповнення зоонімічних концептів найкраще віддзеркалюється в їх асоціативному полі, яке, у свою чергу, можливо пізнати лише за допомогою асоціативного експерименту.

Асоціати до стимулу *Dolly* мали такий вигляд: *Dolly Parton* (4); *Parton* (4); *singer*; *famous country singer*; *Madison*; *working 9 to 5*; *sheep* (2); *the Doll*; *toy*; *Toys*; *Children's Doll*; *Barbi*; *Dolls house*; *Action man*; *Child* (2); *Reminds me of being a child*; *cute girl*; *Cabbage patch kids*; *Polly* (2); *Molly*; *boyfriend's mum*; *sweets*; *shoes*; *Evil*. Як бачимо, найпотужнішу групу – 19 асоціатів – становлять гіпероніми, тобто реципієнти просто визначали розряд денотатів, яким належить цей онім, від вівці-клона (лише 2 реакції) до ляльки (4), відомої співачки (10), матері коханого (1) та туфлів й солодощів (по 1). Характеризують ціле через частини 3 асоціати: *working 9 to 5* – назва пісні Долли Партон, *Madison* – концертна арена, *Dolls house*; а за суміжністю з'явилися 3 реакції – *Child* (2); *Reminds me of being a child*. Синонімічні реакції складають 3 одиниці – подано назви ляльок для дівчат *Barbi* та *Cabbage patch kids*, а також синонім до апелятива *dolly* – *cute girl*, а одна реакція називає іграшку для хлопчиків, тому реакцію кваліфікуємо як таку, що викликана схожістю – *Action man*. Є також 3 фонетичні асоціації – *Polly* (2) та *Molly*, а одну наведено загадково – *Evil*, що може бути пов'язано із численними сучасними триллерами з ляльками-ворогами, на кшталт Томмі Ноккера Стівена Кінга. Таким чином, маємо 19 реакцій-гіперонімів (57.58 %), 3 реакції, які характеризують ціле через частини (9.09 %), 3 синонімічні реакції (9.09 %), 3 реакції за суміжністю (9.09 %), 3 фонетичні реакції (9.09 %) та по 1 реакції за схожістю й загадково (по 3.03 %).

Російськомовний стимул *Кинг* викликав наступні реакції: *Стивен* (7); *король* (5); *Конг* (3); *лев* (2); *писатель* (2); *Лютер Мартин Кинг и Кинг-соврем. писатель*; *Лютер*; *перевод*; *ужасы*; *король лев*; *книги*; *триллер*; *Риплинг*; *киноночь*; *Стивен-король ужасов*. Як і в попередньому випадку, тут найуживанішими реакціями є гіперонімічні, які стосуються відомого письменника Стівена Кінга (10 реакцій), персонажа фільму «Кінг-Конг» (3), персонажа мультфільму «Король Лев» (3), політичного діяча Мартіна Лютера Кінга (1) та англomовної версії слова-стимула *переклад* (1). Є також подвійна асоціація, яка стосується двох денотатів *Лютер Мартин Кинг и Кинг-соврем. писатель*. Таким чином, гіперонімічні реакції складають 19 одиниць, тобто 65,52 %. До синонімічних реакцій можемо віднести зворотній переклад цього слова на англійську мову *король* (5), що складає 17,24 %. Метонімічні асоціації, які було виокремлено у нашому експерименті, це *ужасы*; *книги*; *триллер*. Єдиною асоціацією з левом Кінгом можемо вважати *киноночь*, бо найпопулярніший кінофільм «Пригоди італійців у Росії» своїм майже головним героєм має саме цього лева. Тож загальна кількість метонімічних асоціацій – 4 (13,79 %). Залишається одна загадкова реакція

Риплинг, яка може бути перекладом англійського слова, в російській мові переважно використовується у назвах рослин (3,45 %).

Порівняльний аналіз двох експериментів можемо представити у наступній таблиці:

Тип реакції	Англійські реакції	Російські реакції
Гіперонімічні	19 (57,58 %)	19 (65,52 %)
Метонімічні	6 (18,18%)	4 (13,79%)
Синонімічні	3 (9,09 %)	5 (17,24%)
Фонетичні	3 (9,09 %)	0
Метафоричні	1 (3,03 %)	0
Загадкові	1 (3,03 %)	1 (3,45%)
Загальна кількість	33 (100 %)	29 (100 %)

Результати експерименту дозволили виокремити превалюючі типи реакцій реципієнтів, серед яких переважають реакції-гіпероніми в обох експериментах, що може бути зумовлене особливістю психіки людини намагатися зрозуміти за будь-яких обставин про що йдеться; друге місце посідають метонімічні та синонімічні реакції, які теж є спробою осмислення стимулу; фонетичні та метафоричні реакції знаходимо лише у англійському експерименті, що можна об'яснити або більшою зацікавленістю респондентів до стимулу, або до власне експерименту; периферію складають загадкові, суто індивідуальні реакції, які неможливо розшифрувати без додаткового опитування інформантів. У реакціях реципієнтів, незважаючи на те, чи вони є носіями однієї мови чи різних, завжди буде спільне і відмінне. Спільне, у даному випадку реакції-гіпероніми, реакції, які характеризують ціле через частини та синонімічні реакції, належать загальномовному фреймові. Нижня частина асоціативного поля, тобто поодинокі, суто індивідуальні асоціації, у нашому експерименті загадкові реакції, належить до індивідуального зоонімічного фрейму.

Література

1. Бучко Д.Г., Ткачова Н.В. Словник української ономастичної термінології. Харків, 2012.
2. Карпенко О.Ю. Асоціативне визначення семантичного наповнення онімічних концептів. Горлівка, 2005.
3. Карпенко О.Ю. Когнітивна ономастика. Одеса, 2010.
4. Карпенко О.Ю. Когнітивна ономастика як напрямок пізнання власних назв : дис. ...доктора філол.наук : спеціальність 10.02.15 – загальне мовознавство. Київ, 2006.
5. Карпенко О.Ю. Проблематика когнітивної ономастики. Одеса, 2006.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Москва, 2012.
7. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. Москва, 1977. – С. 5-16.
8. Неклесова В.Ю. Когнітивна природа власних назв на позначення часу: дис. ...к. філол.наук : спеціальність 10.02.15 – загальне мовознавство. Одеса, 2010.
9. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. Полтава, 2008.
10. Ткаченко Г.В. Англomовні хремотоніми як лінгвокогнітивні феномени картини світу : дис. ...к. філол.наук : спеціальність 10.02.04 – германські мови. Одеса, 2012.

Особенности фразеологических единиц, объединенных концептом «время»

Целью данной статьи является рассмотрение семантических особенностей фразеологических единиц, объединенных концептом «время». Концептосфера времени подвергается трансформациям. На изменение представлений о времени оказывает влияние человеческий опыт, общий культурный фон, ценностные ориентации общества. Единое понимание времени у представителей англоязычного социума сложилось под влиянием христианского вероисповедания. Универсальное содержание концепта времени, раскрытое в текстах Священного Писания, находит свое выражение и получает субъективную, аксиологически маркированную интерпретацию в реализациях концептуальных метафор *Time is a gift of the God; Time is God's creature*.

В процессе существования англо-американского языкового сообщества, под влиянием экстралингвистических факторов происходят изменения в понимании времени: содержательная структура концепта времени подвергается ментальным трансформациям, которые затрагивают фундаментальные основы концепта времени. Возникают концептуальные метафоры *Time is a resource; Time is a commodity; Time is money*. Стремительное распространение в современную эпоху телекоммуникаций и компьютерных технологий приводит к возникновению новой техноцентричной концептуальной метафоры времени *Time is a virtual entity*.

Основными характеристиками темпоральности, свойственными концепту «время» являются: плоскостность, «пространственная» ориентированность относительно наблюдателя, линейная протяженность, двойственность позиции наблюдателя, объемность, динамичность, цикличность, одушевленность, дискретность, субстанциональность, необратимость, обратимость,

Наряду с метафорой в концептуализации времени важную роль играет процесс метонимического переноса. Взаимодействие метафоры и метонимии осуществляется как на концептуальном уровне (когда метафора мотивирована метонимией или является её обобщением), так и на языковом [1].

Концепт – это ментальное образование (или сущность высокой степени абстрактности), обладающее такими характеристиками как: универсальность, уникальность, простота, сложность, национально-культурная специфичность [6]. Иными словами, концепт и язык соотносятся как «идея» и «материя». По

своей природе концепт лингвистичен и поэтому не может быть рассмотрен вне своей языковой реализации. Он обладает семантической структурой, обусловленной значениями словотермина концепта и построенной по ядерно-периферийной модели. Другой важной особенностью концепта является его принадлежность к лингвокультуре и способность кодифицировать культурные смыслы.

Концепт «время» является универсальным концептом, обладающим идентичной семантической структурой в английском, испанском и русском языках. Эта структура следует ядерно-периферийной модели, в центре которой находятся значения длительности [3]. Ближняя периферия представлена значениями «период времени», «момент», «цикл», субконцептами «настоящее», «прошлое» и «будущее», образующими линейную структурную организацию времени. Цикличная структурная организация времени представлена на уровне ближней периферии значениями «жизнь человека» (возраст), «жизнь природы» (времена года). Ближнюю периферию «момента» представляют субконцепты «начало», «конец». Анализ потенциальных сем словотермина «время» и словотерминов субконцептов времени позволяет выделить дальнюю периферию концепта, образованную другими концептами, которые могут быть выделены и как самостоятельные ментальные единицы: «молодость», «старость», «зрелость», «рождение», «смерть», «времена года», «быстро», «медленно». Данная семантическая структура прослеживается на материале вышеупомянутых языков без существенных изменений, что позволяет сделать вывод о ее универсальности для них. Кроме того, был выделен базисный слой концепта «время», состоящий из трех слоев: историко-этимологического, пассивного и активного, в которых прослеживается формирование восприятий, представлений и понятий, составляющих структуру концепта «время» [8].

Анализ внутренней формы словотермина «время» в разных языках свидетельствует о том, что на начальном этапе формирования представлений об окружающем мире время интерпретируется как овеществленное понятие, характеризующееся протяженностью и воспринимаемое носителями языка в тесной связи с пространством. Так, англ. *time* происходит от староанглийского *tima*, что сходно со старогерманским *timon* и также означает «простирать», «протягивать». Многозначительна близость лат. *tempus* и *templum* (храм), так как первоначально последнее означало священное пространство, которое жрец очерчивал в полдень.

Фундаментальные концептуальные метафоры *Time is God's creature*; *Time is a gift of the God*, структурирующие христианскую модель времени, находят отражение в системе английского языка и лежат в основе англо-американской языковой картины мира. Рассмотрим основные концептуальные составляющие метафоры *is a gift of the God* и отдельные способы их реализации в английском языке. Представление о времени, как даре Божиим, впервые возникает в Священном Писании: 1) В Псалтири: "*He asked life of thee; thou gavest it to him, length of days for ever and ever*"; 2) В

Новом Завете: *"Nevertheless he...gave us rain from heaven and fruitful seasons"*; 3). В «Исповеди» Аврелия Августина: *"At your nod the moments fly by. From them grant us space for our meditations"*.

Однако образ времени-дара не ограничивается сугубо религиозным дискурсом. Он характерен для оригинальных англоязычных текстов: *"May God bless her and you and grant you many years of peace and love"*; *"... time was still understood as being 'God given'"*, *"One of our major cultural models of life is that each of us is allotted a certain fixed time on earth"*. В аксиологических концептах раскрываются представления о том, что христианин понимает время как бесценный дар, данный для борьбы с грехом, для развития талантов и творчества, для любви и добра. Среди аксиологических концептов фрейма 'Gift' первостепенное значение имеет концепт 'Value [of the Gift]'. «Время осознается как ценность, когнитивным основанием которой являются пропозиции, связанные с этическими убеждениями в культуре какого-либо социума». Этот концепт выражается в языке экспрессивно-эмоционально окрашенными лексемами с общей антропоцентричной ассоциативной семой 'то, чем дорожат': *"A religious outlook meditates on the sacramental value of each moment for eternity"*.

С пониманием ценности времени неразрывно связано представление о том, для чего даруется человеку время на земле, которое составляет концепт 'Purpose [of the Gift]'. В христианской модели времени в основании этого концепта лежит стремление христианина к святости и память о смерти: *"The time is fulfilled, and the kingdom of God is at hand: repent ye, and believe the gospel"* [4].

В концептуальной метафоре *Lifetime is a journey to the kingdom of heaven* человеческая жизнь уподобляется странствию, а время – пути, по которому человек идет к Царствию Небесному – своему подлинному отечеству. В процессе метафорической проекции концептосфера времени структурируется по образу концептуальной области странствия ('Journey'), в результате чего в область времени переносятся пространственные и динамические понятия, характерные для области пути: 1) концепт 'Motion': *"Brethren, I count not myself to have apprehended: but this one thing I do, forgetting those things which are behind, and reaching forth unto those things which are before, I press toward the mark for the prize of the calling of God in Christ Jesus"*; 2) концепт 'Guide': подобно тому, как странник в незнакомой стране нуждается в проводнике, прохождение пути к Царствию Небесному не возможно без Божией помощи: *"The Lord is my shepherd, I shall not want"*; 3) концепт 'Traveller': *"Dearly beloved, I beseech you as strangers and pilgrims, abstain from fleshly lusts, which war against the soul"*; 4) концепт 'Goal': *"For they that say such things declare plainly that they seek a country. But now they desire a better country that is a heavenly: wherefore God is not ashamed to be called their God: for he hath prepared for them a city"* [5]. В христианском понимании отношение человека ко времени определяют ценностные приоритеты. Восприятие земного мира как ступеньки к миру небесному вызывает стремление сделать веру определяющей в отношении к людям, труду, богатству. Центральное место

занимает концепт 'Cost', пришедший на смену концепту 'Ценность': *"money is made by providing the most output per unit of input and that includes the input of time"*.

Центральным концептом области источника в концептуальной метафоре *Time is a commodity* является концепт 'Trade'. Впервые представление о времени как о товаре возникает в Европе в связи с вопросом о ростовщичестве, которое длительное время понималось как торговля временем. Об этом убеждении свидетельствуют слова Джона Дунса Скота, профессора теологии в Оксфорде: *"Other rationales for the usury prohibition are indicated in two rules by which usury may always be determined. The first is that any sale of time is usury"*. Широкое распространение концепт времени-товара получает в 18-19 вв. в США, где в связи со сложившейся системой работорговли, время человеческой жизни, онтологически не имеющее денежного эквивалента, продавалось и покупалось: *"He was a slave to a gentleman who allowed him to buy his time"*. В современном английском языке ценность использованного времени уподобляется стоимости товара, что на языковом уровне отражают слова и словосочетания, эксплицитно/имплицитно содержащие сему цены: *"... time of some members of such a society may be deemed more ... costly than that of others"*. Понимаемое как товар, время становится стандартным, заменимым, покупаемым: *"Linear time is commodified time, because time is money"* [9].

Концептуальная метафора *Time is money* лежит в основе осмысления времени как денег, одного из видов материальных ресурсов. В английском языке выражение *"Time is money"* впервые встречается в 1572 году в произведении английского автора Уилсона «Discourse upon Usuary» и в дальнейшем получает широкое распространение. В 19 веке слово *time* начинает использоваться для обозначения финансовых операций: *time bill* (1831) – «вексель, содержащий установленную для его оплаты дату»; *time deposit* (1853) – «временной вклад»; *time draft* (1863) – «временной чек». В этот же период выражение *on time* приобретает новое значение – «в кредит» [2]. В современном английском языке уподобление времени деньгам происходит посредством использования единиц лексико-семантического поля 'Money': *"Time Cents: "Time-keeping passed into time-saving and time-accounting and time-rationing"*. Обращение человека со временем уподобляется трате денег, капиталовложению: *"... time-budget studies were ... only studying how much time was allocated for the family, work, and leisure"*. Довольствование меньшим количеством времени, чем обычно, понимается как экономия: *"The idea of saving and compressing time has been stamped into the psyche of Western civilization"*. Использование слишком большого количества времени уподобляется расточительности, незаконному завладению деньгами: *"I value time and ... it's so easy to just fritter it away"*. Наличие времени уподобляется богатству, а отсутствие времени – бедности: *"different situations and time constraints would likely to impact on those who predominantly feel 'time rich' or 'time poor' so that they feel somewhat 'richer' or 'poorer'"*. Оказание помощи, для которой требуется время, уподобляется

займу: *“women often exchanged time favours. In order to enable a neighbor ... to undertake her shopping, one woman would take care of the children of two households. When she needed to ‘borrow time’... she would call in the ‘time debt’”*.

Время, концептуализируемое как ресурс и товар, приобретает характеристики материального объекта. Возникает концептуальная метафора *Time is a solid object*, в которой наполненное событиями время понимается в виде физического тела, обладающего плотностью [1]. Время осмысляется как имеющее конкретные очертания и формы, некий жесткий каркас, структурирующий существование человека и общества. На лексическом уровне на временные понятия проецируются значения существительных лексико-семантического поля ‘Shape’: *“Organization within a time-grid of calendars and clocks facilitates precision”*. Время приобретает плотность и определенное физическое строение. На значение темпоральных лексем переносятся значения языковых единиц, вербализирующих концепт ‘Constitution’: *“one of the fastest-spreading innovations during the 1970’s was ‘flextime’”*. Метафорическое строение времени неоднозначно: оно однородно, структурировано, состоит из многих слоев, имеет четкие очертания, но может быть гибким.

Время, обладающее плотностью, может подвергаться внешнему воздействию: а) время может быть разделено на более мелкие фрагменты: *“What time we do have is chopped up into tiny segments”*; б) во временной материи могут быть проделаны отверстия: *“Men more commonly expressed a right to leisure and created time slots for leisure outside the home”*; в) время может быть сжато или деформировано: *“the compression in both time and space that result...”*; г) время может быть вытянуто или расширено: *“The metropolis gives the appearance of stretching time, lengthening and expanding it”*. Как показывает анализ, время, осмысляемое как твердое тело, может быть разделено на кусочки, расширено или растянуто, сжато, деформировано [6].

Представление о времени как способном подвергаться внешнему воздействию, уплотнению и деформации, становится концептуальным основанием для формирования нового техноцентричного образа времени во второй половине 20 века. Использование множества компьютерных систем приводит к резкому сокращению, «сжатию», компрессии времени и пространства.

Процесс виртуализации времени усиливается растущей глобализацией сетевого сообщества, в котором происходит преодоление реального времени. Сущность современного глобального хронотопа состоит в «ускорении» времени и «сжатии» пространства. Возникает новая концептуальная метафора *Time is a virtual entity*, в которой на концептуальную область времени проецируются свойства и характеристики, присущие области компьютерных технологий. Как источник времени воспринимаются заложенные в компьютер программы: *“...computer... can represent time symbolically, communicate a sense of time that is not necessarily the time, and thereby produce virtual time”*. Время уподобляется явлению технического

порядка: *"Digital time is...time as a sequence of numbers"*. Возникают новые темпоральные концепты компьютерного времени: *"Many people first experience the difference between the worlds of computime and clock time when playing video games..."*; *"...the cyberspace that is associated with computing and computer-mediated communication has a counterpart: cybertime"*.

На область времени из сферы источника 'Virtual Entity' проецируются следующие характеристики: 1) 'абстрактность' (оторванность виртуального времени от природных ритмов и человеческого существования): *"The new 'computime' represents the final abstraction of time and its complete separation from human experience and the rythms of nature"*; 2) 'высокая скорость': *"cybertime is quicktime, based on the hyperspeed of the nanosecond"*; 3) 'одновременность': *"The meter of our day is more likely to be synchronized to the network and its internal asynchronicity"*; 4) 'мгновенность': *"Timeless time...may take form of compressing the occurrence of phenomena, aiming at instantaneity..."*; 5) 'фрагментарность': *"Each involves novel ways in which different times, of intensively commodified future, nanosecond instantaneity, the hyper-fragmentation of time"*. Под влиянием компьютерных технологий меняется понимание сущности времени – высказывания носителей языка свидетельствуют об изменении и даже исчезновении времени: *"cybertime is nontime"* [7].

Сочетание различных концептуальных характеристик внутри минимального метафорического контекста указывает на нерасчлененность категории времени как структурированной хронологической модели в сознании языковой личности. Сосуществование таких характеристик как статичность, динамичность, одушевленность и субстанциональность, свидетельствует о гармоничном взаимопроникновении элементов структурной модели. Непротиворечивость метафорических реализаций подтверждает многоуровневость, многоаспектность, асимметрию метафоры как средства концептуализации времени.

В ходе данного исследования было установлено, что наряду с метафорой в концептуализации времени важную роль играет процесс метонимического переноса, позволяющий наделить период времени индивидуальными характеристиками, основанными на субъективном восприятии событий и времени как нераздельного единства. Выявлено, что метонимический перенос предшествует метафорическому осмыслению времени.

Английский язык в настоящее время развивается и модернизируется, что обуславливается концептом «время». В его структуре происходят изменения, связанные с устареванием и исключением из активной части английской лексики одних выражений, и возникновением новых выражений. Анализ позволил выявить изменения представлений о времени носителей английского языка, раскрыть многообразие концептуальных областей-источников, из которых черпаются метафорические образы для осмысления времени в современном английском языке, описать различные характеристики темпоральности, свойственные концептуальным метафорам,

а также наметить формы взаимодействия концептуальных метафоры и метонимии в процессе осмысления времени.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Элипс, 2008. – 271 с.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – [2-е изд]. – Либроком, 2010. – 216 с.
3. Артемова А.Ф. Английская фразеология [Текст] / А.Ф. Артемова. – М.: Высшая школа, 2009. – 208 с.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
5. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика / Н.Л. Шадрин. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. – 205 с.
6. Akhmanova O., Melencuk D. The principles of linguistic confrontation / O. Akhmanova, D. Melencuk. – M., 1997. – 176 p.
7. Chafe W. Meaning and Structure of Language / W. Chafe. – Chicago: University of Chicago Press, 1970. – 360 p.
8. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – Cambridge: MIT Press, 1969. – 261 p.
9. Cowie A. Phraseology: Theory, Analysis and Applications (Oxford Studies in Lexicography and Lexicology) / A. Cowie. – New York: OUP, 2001. – 272 p.

Каспирович Н.А.

*Ассистент кафедры новейшей русской литературы
Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета
г. Пермь, Россия*

Античность в новелле П.П. Муратова «Менипп»

Память культуры являлась важнейшим источником вдохновения искусствоведа, прозаика и драматурга П.П. Муратова. Античный пласт представляется заметной составляющей художественного мира писателя. «Менипп» в этом отношении является одним из показательных произведений. Цель данной статьи – выявить в данном тексте концептуальность античного слоя.

Новелла «Менипп» включена в цикл «Магические рассказы», дважды изданный при жизни П.П. Муратова. Анализируемое произведение вошло в обе редакции (М., 1922; Париж, 1928). «Менипп» посвящен Б.А. Грифцову – литературоведу и искусствоведу, сотруднику муратовского журнала «София». П.П. Муратова и Б.А. Грифцова объединяла любовь к Италии («Образы Италии» П.П. Муратова и «Рим» Б.А. Грифцова). В 1925 г. они станут соавторами монографии, посвященной художнику Н.П. Ульянову. Следом за «Магическими рассказами» П.П. Муратова выйдет в свет книга Б.А. Грифцова «Искусство Греции» (1923). Б.А. Грифцову, как знатоку античности, и посвящает свою новеллу автор.

Ситуация, лежащая в основе новеллы, – встреча трех древнегреческих философов – представляет собой плод авторского воображения. Реальные Гермотим, Аполлоний Тианский, Менипп жили в разные века и, следовательно, встретиться не могли. Прежде всего, представляют интерес Аполлоний и Менипп. Ответ на вопрос, зачем понадобилось писателю сводить их вместе, позволит, как кажется, приблизиться к пониманию данного произведения.

Сравним дошедшие до нас сведения об исторических Аполлонии Тианском и Мениппе с их «воображаемыми портретами», созданными П.П. Муратовым.

Аполлоний из Тианы (I в. н. э.) – философ – неоплатоник, жизнь которого окутана легендами. Выступив в роли «пророка» и «чудотворца», Аполлоний много путешествовал по древнему миру и стремился воплотить в своей жизни пифагорейский идеал (аскетизм). Об этом неопифагорейском проповеднике рассказывали, что он совершал такие же чудеса, как Иисус из Назарета. Аполлоний Тианский был представителем родственного стоикам космополитизма; признавал безымянного Бога, который не требует жертв [см.: 4, с. 25].

В новелле он, как и реальный Аполлоний, – чудотворец. Герой появляется на празднестве, совершает знамение, заставляет видимость исчезнуть, возвращает в реальность Мениппа. Однако «чудо» его направлено на дискредитацию чудес как таковых. Его «чудо» не преображает действительность, а срывает с нее покров какой бы то ни было тайны. Муратовский Аполлоний – это «Аполлоний Тианский наоборот».

Менипп из Гадары – древнегреческий философ-киник (середина III в. до н. э.). Его биография изобилует парадоксами. Рожденный рабом, он становится богачом, нажив состояние на ростовщичестве. Ростовщик в нем уживается с киником, отрицающим ценность материальных благ. Менипп заканчивает жизнь самоубийством, потому что не может пережить собственного разорения [см.: 5, с. 92].

П.П. Муратов обыгрывает отмеченные парадоксы, фокусируя внимание на несоответствии убеждений поступкам героя. В новелле Менипп – человек, посвятивший свою жизнь размышлениям, – разгрызает «крохотную зеленую урну» мака, «торопясь воспользоваться случаем дать отдых своим мыслям» [3, с. 470], стремится уйти от мыслей в мир грез. Киник, отрицающий брак, готов стать мужем гетеры. Философ, презирающий материальные блага, утверждает, что лучше быть съеденным, чем сидеть «голым задом на куче мусора» (лишение материального благосостояния – причина смерти реального Мениппа).

П.П. Муратов переосмысливает не только известные биографические сведения, но и образ Мениппа, созданный Лукианом в его диалогах «Менипп, или Путешествие в подземное царство» и «Икароменипп, или Заоблачный полет». Как у Лукиана Менипп спускается в преисподнюю, совершает полет в небеса, так и муратовский герой путешествует по фантастическому миру.

Менипп, стремясь вырваться из городской тесноты, выходит за пределы Коринфа. Убежденный, что «на свете нет ничего непредвиденного» [3, с. 468], он внезапно сталкивается с тем, что выходит за рамки его понимания. Знакомая местность вдруг кажется ему неузнаваемой. Происходит столь желанная для киника встреча с первозданной природой. Опасаясь разрушить очарование, он гонит от себя ненужные сомнения: «Оставим бесплодный вопрос о причинах и предадимся очевидным и благодетельным следствиям» [3, с. 469]. Перед изумленным взором героя открывается «глубокая долина, манившая зеленью свежих лугов и пепельностью склонившихся к ручью плакучих ив», пасутся «стада, послушные дудке невидимых пастухов». Менипп видит «журавлей, мирно расхаживавших среди некошенной высокой травы, и зайцев, не торопившихся скрываться при его приближении» [3, с. 469]. Герой попадает в мир, созданный воображением гетеры, давно и терпеливо плетущей вокруг него свои сети. Магический сон переносит героя на собственный свадебный пир.

Театральные ассоциации усиливают атмосферу «искусственности» того мира, в котором оказался герой. Гетера пытается сделать из свадьбы театральное представление, превратить брачный пир в подлинное зрелище. Она напоминает Мениппу «нимфу зеленых лугов», платье гетеры, кажется исполненным «не существующей на белом свете портнихой», а хламида самого Мениппа – «написанной самой горячей кистью самого пламенного живописца» [3, с. 471].

Появление Аполлония разрушает планы волшебницы-гетеры, оказавшейся в действительности нищей старухой, снискавшей недобрую славу колдуньи. Сияние красок меркнет. Пасторально-идиллический локус оборачивается своей изнанкой. Свадебный пир едва не заканчивается съедением самого Мениппа. Золотая посуда превращается в кучу глиняных черепков, слон оказывается хрюкающим боровом, а пятнистые пантеры – ободранными кошками. Чудо Аполлония становится, скорее, отрицанием чудес.

Кульминацией новеллы является финальный диалог Мениппа с Аполлонием Тианским. Менипп отказывается благодарить Аполлония за свое чудесное спасение. «В чем твоё чудо? – возражает он Аполлонию. – Не в том ли, что ты помог действительности рынка одержать еще раз победу над пиром воображения? <...> Чтó удивительного и чтó чудесного в том, что я в конце концов вновь оказался голым задом на куче мусора! Нет, нет, действительный Менипп не станет благодарить тебя за то, что Менипп вымышленный не был сварен в котле и съеден волшебницей» [3, с. 473]. Произведение завершается скорбными раздумьями Аполлония.

Историю, рассказанную в новелле, можно прочесть глазами Аполлония: как историю о людской неблагодарности. Можно увидеть в ней осмеяние киника Мениппа: тот, кто на словах отрицает любовь и материальные блага, на деле не способен устоять перед их соблазном; порицающий человеческие слабости, сам не был лишен их. В заключительных словах Мениппа можно усмотреть намек на самоосуждение:

герой сожалеет, что не был наказан за измену собственным убеждениям (своеобразное «покаяние» позволяет ему остаться киником в глазах окружающих).

Более убедительным кажется увидеть в главных героях носителей не только различных взглядов на чудо, но шире – на творчество, а в их полемике – спор о том, каким должно быть истинное искусство. Менипп считает, что подлинное искусство основывается на вымысле. Аполлоний защищает взгляд на искусство как на копию действительности.

Эти два взгляда на природу искусства восходят к противопоставлению двух универсальных начал – аполлонического и дионисийского. Как известно, с Аполлоном ассоциируются представления о рациональном начале, гармонической соразмерности и упорядоченности, с Дионисом – о хаосе, экстазе, выходе за границы индивидуального сознания и слиянии с иррациональной сущностью мира. По мнению Ницше, именно в дионисийском опьянении, экстазе человеком познается сокровенная суть жизни. С точки зрения философа, дионисийское исступление оказывается путем к преодолению отчуждения человека, и лишь выход за пределы индивидуалистической замкнутости делает возможным появление произведений искусства.

Муратовский Менипп выглядит апологетом Диониса, его оппонент в новелле, Аполлоний Тианский, предстает приверженцем Аполлона. Выясним, кому из героев симпатизирует автор, чья позиция кажется ему предпочтительней.

В отношении П.П. Муратова к Аполлонию отчетливо проступает ирония. В финале герой просит ученика вписать в «таблетки» рассказ о только что совершенном им, Аполлонием, чуде, но при этом просит опустить тот факт, что деяние его не было удостоено благодарности. Автор «заставляет» героя противоречить самому себе, опровергать собственные принципы (правда, и ничего, кроме нее). Опыт самого Аполлония свидетельствует о том, что любой рассказ – это всегда отбор и фокусировка; правда, за торжество которой ратует Аполлоний, – вещь относительная.

Ближе П.П. Муратову позиция Мениппа, хотя готовность героя быть съеденным, лишь бы воображение одержало верх над «действительностью рынка», как всякая «чрезмерность», крайность, вряд ли импонировала писателю.

Рассмотренный диалог отсылает к известным статьям П.П. Муратова об искусстве («Антиискусство», 1924; «Искусство прозы», 1926). В статье «Антиискусство» Муратов писал: «Современность нам всюду являет опустошенность, выжженность, разоблаченность. В ней нет места для мифа, но где нет места для мифа, там нет места и для искусства» [1, с. 88]. Та же мысль звучала в рассуждениях автора об искусстве прозы: «Пишущий прозой касается искусства прозы лишь в тот момент, когда он являет и дар воображения, и талант воплощения» [1, с. 142]. Вымысел, фантазию автор считал решающим признаком произведения искусства. Писатель отмечал, что «проза очень жизненная, но лишенная воображения, перестает быть

искусством» [1, с. 144]. В работе, посвященной театру Пиранделло, Муратов-эссеист вновь возвращался к проблеме вымысла: «Никем, кажется, не ведется сейчас спор о "естественном"» и "искусственном" в искусстве, но этот спор представляется в заранее решенном виде: "естественное" хорошо, "неестественное" плохо. Решиться поднять голос в защиту "искусственного" трудно», – утверждал автор, поясняя далее свою позицию, – «где начинается искусственность, там только в сущности и начинается искусство» [2, с. 93–94]. П.П. Муратов предлагал «исключить из круга искусства великую фотографическую, бытовую, мемуарную и этнографическую прозу (всякие "правдивые" изображения событий и любительские портретирования своих добрых знакомых), а также покончить с предрассудком "безыскусственного" и верного "жизни"» творчества [2, с. 94].

Проблематика новеллы соотносится с раздумьями П.П. Муратова о судьбе искусства в XX в. Ближайшим контекстом «Мениппа» оказывается эссеистика писателя. Новелла «Менипп», таким образом, представляет интерес и как «воображаемый портрет» древнегреческого философа, давшего имя известному литературному жанру (мениппова сатира), и как «способ» выражения авторских взглядов на искусство.

Литература

1. Муратов П.П. Ночные мысли. М., 2000.
2. Муратов П.П. Очерки трех литератур. 1. Театр Пиранделло // Воля России. – 1926. № 2. – С. 86–95.
3. Муратов П.П. Эгерия: Роман и новеллы из разных книг. М., 1997.
4. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997.
5. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 37. СПб., 1896.

Козлова Ю.Е.

*М. филол. н., преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Беларусь*

Современные методики самостоятельного изучения иностраных языков

Любая методика изучения чего-либо представляет собой упорядоченную последовательность действий (приемов), выполнение которых приводит к достижению цели. На современном этапе существует огромное количество мультимедийных курсов, компьютерных программ, которые могут помочь в самостоятельном освоении иностранного языка. Все разнообразие современных методик самостоятельного освоения ИЯ можно условно разделить на визуальные и аудиальные методы. Мы рассмотрим методики, в которых акцент делается именно на зрительное восприятие информации.

1. Rosetta Stone – уникальная программа, единственный недостаток которой в том, что она запускается на компьютере, в остальном – очень полезная программа, особенно для иероглифических языков. К её очевидным достоинствам следует отнести:

- 1).Использование только изучаемого языка ("погружение" в язык);
- 2). Беспереводная форма семантизации лексических единиц в виде игры;
- 3).Постановка и контроль произношения (при наличии микрофона);
- 4).Легкость, простота и стремительность в начальном овладении такими сложными языками, как китайский, японский, корейский и др. Основным минусом данной методики является то, что она подходит только для начального уровня

2. Assimil – одна из ведущих программ самостоятельного изучения ИЯ, имеющая как множество сторонников, так и критиков. Её плюсами являются:

- 1). Короткие уроки (20-30 минут);
- 2). Быстрое освоение основ ИЯ;
- 3). Понимание структуры языка на глубоком уровне, достигаемое путем "вживания" в язык («ассимиляции»).
- 4). Простота;
- 5). Минимум правил, максимум практики;

Главный недостаток в том, что с помощью этой методики невозможно достичь даже уровня В1.

3. Метод Н.Замяткина, очень спорная и широко обсуждаемая методика изучения ИЯ по принципу "послушал (глядя в текст) - услышал - понял - повторил". На самом деле автор не предлагает ничего революционного: это напоминает лингафонный курс для постановки произношения и отработки первых 500-600 слов, плюс наращивание лексики (в данном случае через активное «марафонское» чтение и просмотр фильмов). Единственное, чем данная методика отличается от других -это запретами: словарем, по мнению автора, нужно пользоваться крайне редко, так как нельзя отвлекать себя от чтения, он не должен быть раздражающим фактором, читать параллельные тексты вредно, ибо они не заставляют мозг думать и др. К плюсам данной методики следует отнести то, что она позволяет овладеть языком на уровне В1 и выше, а также гарантирует хорошее произношение и восприятие текста на слух. Автор даже говорит о формировании "второго языкового центра" в мозгу после 1-1,5 лет использования его метода.

Основными недостатками, по мнению изучающих язык по данной методике, является трудоемкость (270 часов матричного чтения) и неподготовленность к «марафонскому» чтению. Например, человек берет роман, в котором много новой лексики, а полезной для него – всего 5%–10%. Он с большим напряжением пытается понять все эти слова (ведь словарем пользоваться нельзя), но смысл все равно ускользает от него, и остаются только злость и разочарование: вроде бы обещали: "итальянский – простой язык"... Важно заметить, что за эту методику можно браться только обладая силой воли и массой свободного времени. Многие, кто остался от

метода в восторге, по факту чаще всего дорабатывали его "под себя", потому что не каждый может выделить на изучение языка 1100–1500 часов чистого времени.

4. Метод Д.Петрова: "Полиглот. Выучим ____ за 16 часов", методика, всколыхнувшая интернет-сообщество благодаря одноименному реалити-шоу канала "Культура". Плюсом данного курса является то, что зритель ощущает себя полноправным участником процесса обучения: он как будто присутствует на занятии вместе со студентами на экране, его в легкой и развлекательной форме пытаются научить языку в рамках стандартного урока (45 минут). При этом таких уроков предполагается всего 16, и за такой короткий срок уже можно научиться говорить на ИЯ на уровне А1-А2. В данной методике язык рассматривается как определенный набор базовых лексико-грамматических структур, которые можно расширять от урока к уроку и доводить до автоматизма в речи. Здесь можно говорить о деконструкции языка, о выделении его основных элементов, например, используя 6 фраз:

- Эта книга интересная;
- Эта книга Джона;
- Я даю Джону книгу;
- Мы даем ему книги;
- Он дает их Джону;
- Она дает это ему.

Таким образом, студенты сразу же «видят» всю грамматику (а не отдельные порции, как это обычно подаётся в учебниках) и понимают, как идет изменение глагола по лицам, какие есть местоимения, как строится отрицание, отношение "субъект-объект" действия и т.д. Несомненно, этим нельзя ограничиваться, но мысль здравая: грамматика - это не набор фраз, это способ понять как язык "дышит", и в любом языке важно, чтобы вы дышали, не задумываясь о процессе "вдох-выдох", поэтому Д. Петров гоняет студентов по кругу простых предложений: действие, отрицание действия, действие третьего лица (он), действие в прошедшем времени и т.д., чтобы они могли впоследствии говорить не задумываясь, без напряжения, так как базовая грамматика и лексика у них уже будут доведены до автоматизма. Безусловно, данная методика не уделяет внимание постановке произношения, аудированию, не подходит для начинающих изучать иероглифические языки, но основной цели – научить говорить на языке с удовольствием и без напряжения, она достигает.

Мы придерживаемся мнения, что каждый человек уникален, и язык можно выучить только по своему алгоритму, который каждый разрабатывает для себя сам методом проб и ошибок. Только так В. Менжинский выучил 16 языков, а Г. Фон Маннергейм – 15. Знакомиться нужно с разными методиками, но не бояться отбрасывать, то к чему не лежит душа и то, что не отвечает вашему личному опыту.

**Лексико-стилистические средства
реализации категории комического в новостном дискурсе
как способа взаимодействия пишущего с адресатом
(на материале английской печатной прессы)**

Комическое – сложная, разноплановая и универсальная для изучения категория эстетики, которая берет свои истоки из древности (работы Аристотеля, Платона, Аристофана) и изучение которой продолжается по сей день в рамках разных дисциплин.

В словаре литературоведческих терминов С.П. Белокуровой дается следующее определение этого понятия: комическое (от греч. *komikos* - смешной, веселый) - «эстетическая категория, отражающая противоречия действительности и содержащая их критическую оценку. В основе комического - противоречие, несоответствие безобразного и прекрасного, ничтожного и возвышенного, реального и идеального и т. п.» [1, с. 163]. Создание комического эффекта основано на игре со смыслом, отличающейся разнообразием типов, стратегий и правил, набор которых различен в зависимости от социальной, культурной среды в разное время и у разных народов.

В работах современных ученых, посвященных исследованию комического, можно отметить тенденцию к положительной оценки деятельности иронизирующего субъекта, обязательными компонентами образа которого являются самореализация, интеллект, самостоятельность, коммуникабельность, энтузиазм, находчивость и т. п. «Чувство юмора трактуется как «общественный интеллект» (*social intelligence*), которым обладают «сложные» личности, способные глубоко проникать в общественные проблемы и живущие общественными интересами» [4, с. 23]. Смех становится «экзистенциальной характеристикой бытия человека и его умонастроения» [5, с. 299]. Комическое становится универсальной категорией и получает свое выражение во всех аспектах современной действительности, даже в тех сферах жизни, которым юмор был изначально чужд: в образовании, дипломатии, политике и т. д.

Публицистика характеризуется большими изменениями на современном этапе что, в частности, отражается в виде трансформации жанрового и стилевого деления: «Разговорная лексика и синтаксис, диалогичность, свободное изменение тона в зависимости от предмета речи, элементы языковой игры – эти и другие особенности, свойственные живой устной речи, ... проникают в более строгие жанры» [3, с. 95] . В целом, можно отметить две активно развивающиеся тенденции в современной публицистике: «тенденцию к информативности» и «личностную тенденцию»

(Г. Я. Солганик), последняя из которых тесно связана с одной из главных функций публицистического стиля – функции воздействия, экспрессивной функции, в рамках которой учитывается и личность субъекта высказывания, и личность адресата.

Новостные тексты рассматриваются нами как тип медиатекстов, что позволяет принимать во внимание при их анализе и невербальное составляющее (графическое оформление), что также имеет своей целью воздействие на аудиторию. Данный вид медиатекстов иллюстрируют конкретную реализацию уже указанных направлений развития системы текстов массовой информации на примере инкорпорирования комического смысла в свое дискурсное образование. Следовательно, такая особенность не является аномальной или противоречивой, а способность новостного дискурса к оценочности отмечается в ряде работ: «genuine news articles may feature opinions, despite the ideological belief of many journalists that news only gives the facts and not opinion» [6, с. 5].

Более того, исследователь Л.А. Васильева, описывая современную ситуацию и деятельность журналиста в своей книге «Делаем новости!», выделяет ряд новых методов подачи материалов новостной журналистике, в частности, инфотейнмент, финишинг, эвент экшн, акции, испытано на себе, клиповый заголовок. Инфотейнмент – это «разыгрывание новости» [2, с. 86]. В создании новостного материала в данном ключе могут принимать участие несколько авторов, может быть обрисована история проблемы, даны дополнительные сведения и пояснения, новость обычно включает в себя несколько компонентов. Все это «создает выпуклость и наполненность данного явления... Новость панорамируется, делается выпуклой, идет ее многоходовое освещение» [2, с. 87]. По мнению Л.А. Васильевой, данный метод позволяет реализовывать творческий потенциал, чем и обосновывается его привлекательность: «Невольно напрашиваются параллели: разыгрывание новостей – разыгрывание спектакля» [2, с.88]. Читатель же, в свою очередь, находится в состоянии выбора: он может читать все сообщение или только какую-то часть, но «мимо такой новостной раскрутки он не пройдет».

Ряд наиболее ярких примеров показывает, что способы создания комического в заголовках новостных текстов весьма разнообразны и часто используются в комплексе, но самым распространенным способом создания комического эффекта является языковая игра, которая реализуется в виде различных лексических приемов, например, за счет использования тропов:

Czech politics: *Chamber of Secrets* (Economist, Mar. 31, 2012) – метафора (о правительстве (“hidden ties between politics and business”));

Использование стилистически маркированной лексики: *Buttonwood: The oil barons have a ball* (Economist, Feb. 18, 2012) - использование устойчивого образного выражения *to have a ball*, имеющего разговорную стилистическую окраску;

Использование фонетических средств: *Japanese manufacturing: From summit to plummet* (Economist, Feb. 18, 2012) - фонетический прием (аллитерация при использовании частичных омофонов) + контраст;

Трансформация устойчивых фразеологических выражений, которые наполняются новым содержанием, что приводит к появлению эффекта обманутого ожидания: *South Korea's media: No news is bad news* (Economist, Mar. 3, 2012) - трансформация известного выражения, следовательно, появление другого смысла, актуализация прямого значения трансформированного выражения (забастовки журналистов);

Использование аллюзий: *The impact of Chinese migration: We like to move it move it* (Economist, Feb. 25, 2012) - использование строчки из известной песни;

Данные заголовки, таким образом, в большинстве случаев, не выполняют информативной или номинативной функции, а служат средством воздействия, привлечением внимания читателя, и, таким образом, изначальная информативная направленность новостных текстов не нарушается. Тот факт, что комический смысл присутствует в заголовке, который является сильной позицией в тексте, показывает, что это осознанный прием для пишущего, который проявляет себя как творческая личность.

Литература

1. Белокурова С. Н. Словарь литературоведческих терминов / С. Н. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2007. – 320 с.
2. Васильева Л.А. Делаем новости! Москва, 2002.
3. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. - Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 169 с.
4. Плотникова С. Н. Онтологический статус комического в коммуникации / С. Н. Плотникова // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск, 2011. – Вып. 13 : Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. – С. 6 – 32.
5. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 320 с.
6. Dijk T. A. van. News as discourse / T. A. van Dijk. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 1988. – 200 p.

Конфронтационно-невротический дискурс в свете теории базовых эмоций

Сегодня изучение эмоций в языке, тексте и коммуникации является одной из актуальных задач лингвистики. Эмоции охватили все коммуникативное пространство *homo loquens*: политику, медиажурналистику, публичное, бытовое и художественное общение. Эмоции стали важнейшими компонентами мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего любой лингвокультуре. Это объясняется тем, что эмоции любого языкового сообщества социологизированы и психологизированы, т.е. обобщены видовым национальным опытом данного народа, они не только являются индивидуальной формой оценивания мира, но влияют на нормирование межличностных отношений в социуме [1, с. 5].

В словаре психолога-практика С.Ю. Головина дается следующее полное определение понятия «эмоция»: «эмоция – состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов, и выражаемые, прежде всего, в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей. Психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания смысла жизненных явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта. Непременные компоненты жизнедеятельности, могучее средство активизации сенсорно-перцептивной деятельности личности» [2, с. 949].

В вышеуказанном словаре констатируется, что эмоциональная жизнь человека наполнена многообразным содержанием; эмоции выражают оценочное отношение: 1) к отдельным условиям, способствующим или препятствующим осуществлению деятельности – например, страх, гнев; 2) к конкретным достижениям в ней – радость, огорчение; 3) к сложившимся или возможным ситуациям. Характер и динамика эмоций ситуативных определяются как объективными событиями, так и чувствами, из коих они развиваются.

В.И. Шаховский в своей работе «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» пишет о том, что на современном этапе насчитывается более пятисот различных эмоций человека, которые являются многофункциональными и выполняют ряд функций, например, положительного / отрицательного санкционирования, сигнальную,

регулятивную, функцию отражения, суггестивную, оценивающую и другие [3, с. 8].

Цитируемый нами автор считает, что когнитивная функция эмоций дает толчок к познанию, компенсирует недостаток знания, становится катализатором познавательного процесса. Последний предполагает формирование кластеров эмоций (*радость, печаль, страх и др.*), с помощью которых человек выражает свое отношение к познанному. Таким образом, эмоция оказывается связанной с социальной адаптацией индивида.

Все перечисленные выше функции эмоций были положены в основу ряда концепций и теорий эмоций, сосуществующих в современной науке. Обзор данных теорий и концепций представлен в работе В.И. Шаховского «Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология» (2010).

К этим теориям автор относит: *философскую (экзистенциальную) теорию*; *физиолого-активационно-когнитивную теорию*, которая включает аффект в когнитивную структуру сознания; *биологическую теорию*, определяющую эмоции как реакцию для более полноценного приспособления организма к окружающим его условиям; *социально-информационную теорию*, согласно которой эмоции – это особый механизм по компенсации дефицита сведений, необходимых организму для удовлетворения тех или иных потребностей; *двухфакторную теорию* (эмоции влияют на факторы физиологического возбуждения и его когнитивную оценку); *функциональную*; *динамическую*; *прототипную теорию*, провозглашающую оценку прототипом эмоций, ибо эмоция – это форма оценки субъектом объекта мира; *теорию базовых эмоций*.

Из всех перечисленных концепций и теорий эмоций хотелось бы выделить *теорию базовых эмоций*, в которой провозглашается постулат о том, что некоторым эмоциям (самый маленький список состоит из трех эмоций, самый большой – из одиннадцати, но большинство предложенных списков насчитывает от пяти до девяти эмоций), таким как страх, гнев, грусть (или ее синонимы печаль, горе, одиночество) и радость (или близкие эквиваленты – любовь, удовольствие, восторг, счастье) отводится роль первичных / базовых эмоций.

В обоснование утверждения, что перечисленные эмоции являются врожденными и универсальными, ученые апеллируют к тому факту, что данные конкретные эмоции обнаруживаются во всех без исключения культурах [4, с. 17].

Базовая эмоция «гнев», по мнению В.И. Жельвиса, является составляющей так называемой «триады враждебности», объединяющей наряду с указанной также эмоции отвращения и презрения. Автор считает, что все эти эмоции легко различимы в принципе, но в условиях бытовой ситуации нередко вызываются все вместе, и тогда человек, естественно, затрудняется в однозначном обозначении каждой из них. Такой спектр субъективно недифференцируемых эмоциональных нюансов удобно материализовать в виде единого средства, берущего на себя сложную эмоциональную нагрузку. Таким средством и является инвектива [5, с. 51].

В научной литературе рассматриваются также понятия «невротический гнев», «аффективный гнев», которые имеют непосредственное отношение к исследованию конфронтационно-невротического дискурса.

В рамках данной работы мы будем придерживаться определения «дискурса» В.В. Красных, которая считает, что «дискурс – это вербализованная речемыслительная деятельность, предстающая как совокупность процесса и результата и обладающая двумя планами: собственно лингвистическим и экстралингвистическим (лингвокогнитивным). Дискурс как процесс есть сама вербализуемая деятельность. Дискурс как результат предстает как совокупность текстов <...> Лингвокогнитивный план непосредственно связан с сознанием говорящего, с теми знаниями и представлениями, которыми обладает человек говорящий, которые языковая личность приобретает в процессе социализации и которые составляют основу «культурного массива», транслируемого от поколения к поколению в рамках одного этноса» [6, с. 243, 245].

Исходя из общего определения «дискурса» В.В. Красных, а также из анализа литературы по данному вопросу (Большев, 2012; Харченко, 2013), можно сформулировать определение «*конфронтационно-невротического дискурса*», под которым мы, вслед за В.К. Харченко, будем понимать *словесное выражение невротической ненависти говорящего* [7, с. 29], *важнейшим элементом которого выступает демонизированный образ врага*. Рассматриваемый дискурс широко представлен в спонтанных диалогах разговорной речи, в политических выступлениях и в художественной литературе.

А. Большев считает, что «для конфронтационно-невротического дискурса характерны две взаимообусловленные тенденции: во-первых, объект ненависти последовательно демонизируется – с нарушением всякой логики и подменой фактов мифологемами, что придает претендующим на достоверность инвективам откровенно фантазийный характер; во-вторых, обличаемое нередко оказывается вместилищем проекций обличителя: на демонизированный образ «врага» переносятся собственные мучающие индивида пороки» [8, с. 165].

Рассмотрим ряд примеров, в которых находят подтверждение приведенные выше научные положения.

В первом примере, взятом из произведения Э.М. Ремарк «Der Feind», главный герой ловит себя на мысли о том, что французы – это враги. К нему приходит понимание, что виной тому оружие, которое попадает им в руки и заставляет убивать людей.

(1) *Hier sah ich zum ersten Mal Gefangene, und zwar viele, sitzend, liegend, rauchend – **Franzosen ohne Waffen.***

*Ein plötzlicher Schock traf mich; gleich darauf mußte ich über mich selbst lachen. Mich hatte schockiert, **daß sie Menschen waren wie wir selbst.** Aber die Tatsache war – weiß Gott, merkwürdig genug –, daß ich einfach noch nie darüber nachgedacht hatte. Französer? **Das waren Feinde, die getötet werden müssen,***

weil sie Deutschland zerstören wollten. Aber an jenem Augustabend wurde mir jenes unheilvolle Geheimnis klar, **die Maggie der Waffen. Waffen verwandeln die Menschen.** Und diese harmlose Kameraden, diese Fabrikarbeiter, Hilfsarbeiter, Geschäftsleute, Schuljungen, die da so still und resigniert herumsaßen, würden, *wenn sie nur Waffen hätten, augenblicklich wieder zu Feinden werden.*

Ursprünglich waren sie keine Feinde; erst als sie Waffen bekamen. Das machte mich nachdenklich, obwohl ich ja wußte, daß meine Logik vielleicht nicht ganz richtig war. Aber mir dämmerte, daß es die Waffen waren, die uns den Krieg aufzwangen. Es gab so viele Waffen in der Welt, daß sie am Ende die Oberhand über die Menschen gewannen und sie in Feinde verwandeln...

Und viel später dann, in Flandern, beobachtete ich wieder dasselbe: Während die Materialschlacht wütete, waren die Menschen praktisch zu nichts mehr nütze. **Die Waffen schleunderten sie selbst in ihrer Wut gegeneinander. Als Mensch mußte man das Gefühl haben, daß auch dann, wenn alles zwischen den Waffen tot wäre, die Waffen von selbst weitermachen würden bis zur totalen Vernichtung der Welt.** Aber hier in dem Fabrikhof sah ich nur **Menschen wie wir.**

Und zum ersten Mal begriff ich, **daß ich gegen Menschen kämpfte;** Menschen, die **wie wir** von starken Worten und Waffen verhext waren; Menschen, die Frauen und Kinder, Eltern und Beruf hatten und die vielleicht – wenn mir die Eingebung durch sie gekommen war – doch jetzt auch wach werden und sich genauso umschauen und fragen mußten: «Brüder, was tun wir denn da? Was soll das?» [9, с. 113-114].

В анализируемом примере очевидным становится факт, что для главного героя французы – это объект ненависти, враг, стремящийся уничтожить все вокруг и которого следует беспощадно убивать, например, «Das waren Feinde, die getötet werden müssen, weil sie Deutschland zerstören wollten». Они становятся врагами сразу же, как им в руки попадает оружие, которое способно не только превращать людей во врагов, но и уничтожить весь мир: «Als Mensch mußte man das Gefühl haben, daß auch dann, wenn alles zwischen den Waffen tot wäre, die Waffen von selbst weitermachen würden bis zur totalen Vernichtung der Welt». Вместе с тем, герой внезапно осознает, что и он имеет те же пороки, он убивает людей, защищая Родину от врагов: «Und zum ersten Mal begriff ich, daß **ich gegen Menschen kämpfte;** Menschen, die wie wir von starken Worten und Waffen verhext waren». Вслед за А. БОРШЕВЫМ, мы приходим к выводу о том, что объект ненависти зачастую оказывается зеркалом, в котором ненавидящий субъект созерцает собственные изъяны.

В втором примере действие происходит в концентрационном лагере, в котором пленные должны беспрекословно выполнять все приказы надзирателей. В случае неповиновения их ждет жестокая расправа и даже смерть.

(2) *Westhof trat näher. Er sah im Nebel Handkes Gesicht nur undeutlich.*

Г₁ – *Wie heißt du?*

Г₂ – *Westhof.*

Handke schwankte.

Г₁ – *Du heißt nicht Westhof. Du heißt stinkender Saujude. Wie heißt du?*

Γ_2 – *Ich bin kein Jude.*

Γ_1 – *Was? – Handke schlug ihm ins Gesicht. – Von welchem Block bist du?*

Γ_2 – *Zweiundzwanzig.*

Γ_1 – *Auch das noch! Von meinem eigenen! Lump! Welche Stube?*

Γ_2 – *Stube D!*

Γ_1 – *Hinlegen!*

Westhof warf sich nicht hin. Er blieb stehen. Handke trat einen Schritt näher. Westhof sah jetzt sein Gesicht und wollte weglaufen. Handke trat ihm gegen das Schienbein. Er war als Blockältester gut genährt und viel stärker als jedermann im kleinen Lager.

Westhof fiel, und Handke trat ihm gegen die Brust.

Γ_1 – *Hinlegen, **Judenschwein!** [10, S. 108].*

Диалог между Γ_1 (старостой блока) и Γ_2 (заключенным концлагеря) с самого начала не предвещает ничего хорошего, так как Γ_1 не трезв и пытается продемонстрировать Γ_2 свою власть над теми заключенными, которые находятся в его распоряжении. Всю свою ненависть вымещает Γ_1 на беззащитном Γ_2 , который для него никто иной, как воплощение образа врага – всех евреев на земле. Γ_1 не смеет перечить и вынужден подвергаться унижению и оскорблениям. Инвективы *вонючий жид*», «еврейская свинья» – демонстрация отношения Γ_1 ко все евреям.

В следующем примере раскрывается ситуация, когда двое военнопленных подвергаются ежедневным пыткам с целью «выбивания» из них необходимых немцам показаний. Один из заключенных, опасаясь того, что его более слабый товарищ, может не выдержать пыток и выдать всех, пытается убедить его не делать этого.

(3) Γ_1 – *Du bist doch kein schlechter Kerl, August.*

Rose antwortete nicht. Er brütete vor sich hin. Pippig zögerte einen Augenblick, dann setzte er sich entschlossen neben dem Schemel auf den Fußboden.

Γ_1 – *Hör zu, August! Wegen des Kindes, da hab mal keine Bange. Du weißt eben nichts.*

Γ_2 – *Ich weiß es aber! – bellte Rose auf.*

Γ_1 – *Nein! – fuhr Pippig auf ihn ein. Du weißt nichts! Gar nichts! Und wenn du nichts weißt, dann kannst du auch nichts erzählen!*

Rose spürte die Beeinflussung und schwieg störrisch. Pippig stieß ihn ans Knie.

Γ_1 – *Hast du's gehört? – Ich weiß auch nichts, und von den andern weiß auch keiner was. Und wenn wir alle nichts wissen, August <..> Mensch, August! Willst du etwa als einziger...? Du bist doch unser Kumpel! – Denk jetzt nicht an das Kind! Denk an uns alle! <..> Hör zu, August! Du bist doch kein Zinker! [11, SS. 299-300].*

Предложенный для анализа пример демонстрирует разговор, который происходит между двумя военнопленными (Γ_1 и Γ_2), от которых немцы добиваются признания о местонахождении ребенка на территории концентрационного лагеря. Из разговора между Γ_1 и Γ_2 становится

очевидным, что собеседники отличаются друг от друга психологически. Г₂ более слаб, его одолевают сомнения и животный страх. Г₁ пытается переубедить его, буквально внушая ему мысли о том, что никто не знает о мальчике, используя коммуникативную тактику солидаризации, реализуемую вербально посредством использования личных местоимений *наш* и *мы*. Тем не менее в его словах проскальзывает сомнение в решительности и стойкости Г₂, что находит выражение в предложении *Неужели ты единственный, кто...*, т.е. для Г₁ врагом станет любой, кто струсит, не выдержит избиений и предаст.

Таким образом, Г₁, используя иллюзию «намека», апеллирует к нравственным, моральным качествам Г₂.

Однако, по мнению А. Большева, «в смысловой структуре произведения важную роль играет антиномия храбрости и трусости <..> К феномену робости / трусости постоянно возвращается тот, кто сознает – или же ощущает на бессознательном уровне – свою личную причастность к этому моральному дефекту, тот, кто ведет с ним постоянную борьбу и, если можно так выразиться, боится струсить».

Подводя итог всему вышесказанному, мы не можем не согласиться с мнением А. Большева о том, что 1) «человек, которым овладевает аффективный гнев, оказывается во власти бессознательного, и объект ненависти превращается для него в средоточие зла. Объекты ненависти необходимы людям, чтобы возлагать на них ответственность как за собственные неудачи, так и за несовершенство земного бытия в целом»; 2) «в большинстве случаев невротический гнев является проекцией глубинных персональных комплексов индивида вовне, т.е. между ненавидящим субъектом и объектом его ненависти обнаруживаются точки соприкосновения».

Литература

1. Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens*. Москва, 2012.
2. Головин С.Ю. Словарь психолога-практика. Минск, 2007.
3. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва, 2010.
4. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Москва, 2001.
5. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Москва, 2001.
6. Красных В.В. Анализ дискурса в свете концепции фрейм-структур сознания // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. Москва, 2004. – С. 243-250.
7. Харченко В.К. Мозаика разговорной речи: аспекты исследования, электронная база высказываний. Москва, 2013.
8. Большев А. Наука ненависти. Что такое конфронтационно-невротический дискурс? // Нева. – 2012. – № 4. – С. 163-173.
9. Remarque E.M. Der Feind // Forum XXI. Mit dem Fremden Leben? Köln, 1994. – С. 111-118.
10. Remarque E.M. Der Funke Leben. Санкт-Петербург, 2008.
11. Apitz B. Nackt unter Wölfen. Berlin, 1958.

К проблеме разграничения адыгских пословиц и поговорок

Адыгская поговорка как фольклорно-языковое явление существует на стыке фольклорного и речевого субстрата и представляет собой особый вид народной фразеологии. При разграничении пословиц и поговорок, на наш взгляд, необходимо учитывать и логико-семантический аспект организации изречений, их синтактико-грамматические особенности, а также поэтическую структуру.

Адыгская поговорка, как паремиологический жанр, носит ярко выраженную определительную функцию. Предметом ее является, как правило, некий субъект, которого поговорка различным образом определяет, характеризует. Адыгские поговорки, как и пословицы, разделяются на два типа: а) не имеющие образную мотивировку своего общего значения (метафорические поговорки: Дыщэ цей хуэпщI щхьэкIэ пэ хуэпщIын? - Хоть ты и делаешь ему золотую черкеску, разве сможешь сделать нос? Зи хущхэ хьум и бзуш - Птица того, у кого созревает просо; ЖыпIэ пэтми хьыджэбз кьельху - Хоть говоришь - все равно девочек рождает; б) имеющие прямую мотивировку общего значения. К поговоркам второго типа, с прямой мотивировкой общего значения, могут быть отнесены следующие тесты: Алыхьыр ещIэ, ящIамэ ешх - Аллаха знает, все приготовленное съедает. Адыгэшырэ лIы бэшэчырэ - Адыгский конь и выносливый мужчина [лучше всего]; Адэ лъэужьыншэрэ, лыншэ кьупщхьэрэ - Отец без наследника, что кость без мяса; Зауэм Iухьэмэ лIыхьужь, губгьуэм ихьэмэ альпыжь - В бою - мужественный воин, в поле выйдет – альп (сказочный конь – З.К); Зэрытым йоплэ, зэрылым йоIэбэ - В налитое заглядывает, в положенное [в то, что положили] залазит; Лыжь зыгэжьрэ зи бын и жьауэ щIэтрэ - Старикам позволяющего быть стариками [уважающего старость], стоящего под сенью своих детей [лучше нет].

Адыгская поговорка, как жанровая разновидность пословицы, имеет в отличие от нее несколько иную функцию. Пословица - синтезированная, закодированная в специфическую форму и структуру информация, содержащая выводы и закономерности, касающиеся разнообразных сторон бытия, это, как уже не раз отмечалось в литературе, мировоззрение, философия, нравственная, этическая, наконец, эстетическая система, присущая данному этносу. Пословице свойственна сентенциозность, она обобщена и в том случае, когда это сделано в образной форме и с помощью прямого суждения, умозаключения. Пословица может быть дидактична и, более того, императивна. Поговорка, в отличие от пословицы, не носит характера прямого обобщения в форме вывода, заключения, рекомендации действовать тем или иным образом. Поговорка прежде всего оценочна, она

выражает определенное отношение к тому или иному факту, происходящему в действительности. Однако факт (образ), избранный в качестве объекта для отображения и оценки поговоркой, не случаен, а принадлежит к типическим ситуациям и свойствам. Таким образом, поговорка, в отличие от пословицы, не имеет форму прямого обобщения, но обобщает благодаря выбору объекта изображения.

Поговорке присуща определенная модальность, обуславливаемая выбором того или иного образа. Поговорка всегда определяет качества и свойства некоего субъекта - человека в оценочно-экспрессивной форме. Модальность поговорки определяется выбором того или иного образа. Поговорка – это «...поэтический иносказательный образ, - писал А.А. Потебня, - не сложного сцепления лиц и действий, а одного из элементов этого сцепления, стало быть, отдельно взятого лица, качества, действия» [3, с.526]. Например: Бгъуэ вауэ зи щыпэвэ – [Словно] пахавшего девять раз первая пашня. Бдзэжьейр есыкІэ егъасэ - Учит плавать рыбу. Бзур ІукІэ къеубыд - Птицу ртом ловит [ласковый, добрый]. Благъуэр гъуэм къыреху - Дракона из норы выгоняет [настолько злой]. ГуахъуэкІэ уанэ тырельхъэ - Вилами седлает коня [неуклюжий, неумелый]. Таким образом, поговорке формально и семантически чужда форма типического обобщения, суждения, однако функционально она характеризует с определенной модальностью типический объект, выражает отношение и дает оценку типическим ситуациям и свойствам. Поговорка построена, как правило, как распространенное определение некоего субъекта, который в тексте не назван, но подразумевается, или как сравнение. Этим обстоятельством и обусловлена внеконтекстовая незавершенность поговорки, которая проявляется как в синтаксическом аспекте, так и в логико-семантическом.

Одним из основных свойств пословицы считается ее обобщающий характер. Обобщение пословицы имеет различные воплощения - в форме вывода, заключения, констатации определенной закономерности, рекомендации, приказа действовать идеальным образом. Обобщающий характер пословицы сопряжен с еще одним характерным ее признаком - сентенциозностью, дидактичностью. Поговорка же, в отличие от пословицы, не носит характера прямого обобщения, но обладает им благодаря выбору изображаемого объекта. Продолжая и детализируя функциональную модель Г.Л. Пермякова [3], из которой следует, что пословицам и поговоркам свойственна одна моделирующая функция, можно утверждать, что отмечаемая выше внеконтекстовая незавершенность поговорок определяет доминирующий для нее характер *орнаментальной* функции.

Таким образом, по своей роли в фольклорно-коммуникативном процессе пословица и поговорка различаются тем, что для первой превалирующей является моделирующая функция, для второй - орнаментальная.

Литература

1. Адыгские пословицы и поговорки. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во. Т.1.-1965. -Т.2.-1967 (на кабардинском яз).

2. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда// Типологические исследования по фольклору. – М., 1975. С.247-274.
3. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности//Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.

Мельниченко К. А.
*преподаватель кафедры иностранных языков
Торгово-экономического института
Сибирского федерального университета
г. Красноярск, Россия*

Социолингвистический аспект процесса заимствования лексики из английского языка

Социолингвистический аспект процесса заимствования лексики из английского языка подразумевает, воздействие социальных факторов на данный процесс, так как его предпосылки обусловлены особенностями социокультурного развития современного общества. В начале двадцатого века Э. Сепир в своих работах говорил о политической и экономической интернационализации, условия для которой были созданы первой мировой войной [3, с. 490]. В настоящее время для обозначения данного явления применяется термин «глобализация». Её основные направления проявляются в рамках таких общемировых социально-экономических процессов, как международное движение капитала и глобальное распределение материальных и трудовых ресурсов. Глобализация как распространение западной культуры и институтов (прежде всего американских) не может не оказывать влияния на языки. В развитых англоговорящих странах по мере развития постиндустриального общества увеличивается роль информации и знаний в экономике [2, с. 37]. Благодаря развитию сектора инновационной экономики и высоких технологий формируется индустрия получения знаний, что требует наличие большого количества высококвалифицированного человеческого капитала. Таким образом, в английском языке в повседневное общение входит большое количество профессиональной терминологии и специальной лексики, которая при распространении английского языка в условиях языковых контактов заимствуется другими языками. Причиной для заимствования выступают всё те же социально-экономические условия, которые характеризуют западный постиндустриальный мир. Эти условия обеспечивают престиж лексики из английского языка и являются катализаторами глобализационных процессов в языках мира. Заимствование лексики из престижных вариантов английского языка является характерной тенденцией для языков, контактирующих с ними. Существование таких заимствований можно наблюдать во всех языках, взаимодействующих с английским и его диалектами и вариантами. Важным в данной ситуации является момент резкого увеличения или падения объёма таких

заимствований, который обычно обусловлен экстралингвистическими причинами, изучаемыми в рамках социолингвистики.

Влияние социальных факторов на процесс заимствования рассматривается в рамках исследования языковой политики и языкового планирования. Широкомасштабные заимствования иностранной лексики всегда вызывают противодействие со стороны носителей языка, выражающееся в пуризме как элементе языковой политики. Однако неполнота собственных лексико-семантических систем в ряде сфер делает неизбежным заимствование английской лексики для заполнения пробелов в своём лексиконе языками, контактирующими с английским. Процесс отбора и ассимиляции заимствованной лексики подвержен воздействию ряда факторов, имеющих социолингвистическую природу. Такими факторами могут быть особенности языковой политики, включающие пуристические или рационализаторские тенденции в развитии языка, социальная престижность вариантов и диалектов, а также развитие книжно-письменной формы языка, терминологических систем и специальной лексики, что обусловлено спецификой его функционирования. Обычно это приводит к тому, что более престижный язык получает более широкое распространение в различных сферах общения, а менее престижный становится востребованным только в узкой чаще всего бытовой сфере общения. В основе данных процессов лежит проблема взаимоотношений нормы языка с его диалектами и территориальными вариантами. Английский язык представлен несколькими территориальными вариантами, каждый из которых обладает своей нормой. Любые изменения данных вариантов системны, а отклонения от нормы закономерны, происходят в рамках системы и предсказываются её параметрами на основе аналогии. Аналогией определяются и некоторые колебания нормы [1, с. 33].

Значительная часть таких вариаций обусловлена социокультурными причинами. Такие изменения могут быть как синхроническими, так и диахроническими. Процесс заимствования является исторической категорией, так как в разных регионах он протекает в разные эпохи и имеет временную протяженность. С течением времени его интенсивность может изменяться в результате влияния социокультурных факторов. Следовательно, в рамках социолингвистики заимствования должны рассматриваться не как единичные и не взаимосвязанные результаты языковых контактов, а как системные явления, обусловленные влиянием данных факторов. Это означает, что даже одиночные заимствования из различных языков являются результатом существовавших в разные исторические эпохи тенденций социокультурного развития отдельных регионов мира. Заимствование научной, политической и религиозной лексики из латинского языка является следствием его доминирования в данных сферах на протяжении длительного периода. Заимствование отдельных экзотизмов из различных языков Нового света в европейские языки происходит в эпоху Великих географических открытий в результате социокультурных и языковых контактов с местными аборигенами. В настоящее время процесс глобализации создаёт условия для

заимствования лексики из английского языка. В синхроническом плане социолингвистический аспект характеризует воздействие социума на процессы заимствования, которое проявляется в рамках языковой политики и планирования. Данные виды воздействия в условиях языковых контактов проявляют себя через систему мер, принимаемых государственными институтами и общественно-политическими движениями для регулирования употребления заимствованной иноязычной лексики, формирования отношения к инородному языковому влиянию, защите и «очищению» языка от заимствованной лексики, а также созданию языковых норм.

Широкое распространение английского языка в мире и историческое развитие, изобилующее языковыми контактами, обеспечило разнообразие типов языковой политики, применяемых в его отношении. Отдельные варианты единого английского языка, таким образом, получают собственное развитие в рамках разных территориальных образований. При этом норма является скорее обобщением для данных вариантов, а сами варианты являются отражением индивидуального в языке [1, с. 44]. В языке можно выделить несколько уровней обобщений, начиная с идиолектов и заканчивая международными вариантами языка, что характерно для английского и других языков межнационального общения. Данные процессы являются внутрисистемными, так как проходят в пределах всей совокупности вариантов и диалектов языка. В ситуации с английским языком такой совокупностью является мировой английский. В качестве межсистемного взаимодействия здесь выступает заимствование из одного языка в другой в результате их контактов. Данный аспект является основной характеристикой процесса заимствования, так как в случае межсистемного взаимодействия контактируют не только системы языков, но и социокультурные системы сообществ носителей данных языков. Межсистемные взаимодействия, таким образом, определяются социокультурными причинами, географическим положением и историческим развитием.

Литература

1. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М. : Высшая школа, 1967. 374 с.
2. Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на западе : Антология. М. : Academia, 1999. С. 3–64.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : Пер. с англ. М. : Прогресс, Универс, 1993. 656 с.

Взаимовлияние языка и культуры. Особенности французского коммуникативного поведения

Между историческим развитием этноса, национальной культурой и языком существует глубокая связь. Человек "говорящий" при всей своей индивидуальности неотделим от этнокультурных характеристик нации, и язык как один из видов человеческой деятельности является составной частью культуры. Несомненно, что этнос и национальная культура существуют, пока существуют значения лексических единиц национального языка, специфика их национального употребления, литература, написанная на национальном языке. Приведенные составные части сводятся к языковой личности, субъекту речи и носителю определенных черт национального характера, так как язык является мощным общественным орудием, формирующим людской поток в этнос, образующим нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива [3, 14].

Культура является базовым элементом этноса. Языковое поведение (функционирование языка в коммуникативном акте) как часть культуры в свою очередь формирует языковую картину мира, которая обладает ярко выраженными этническими характеристиками. Необходимо отметить, что языковое поведение обуславливается определенными стереотипами - специфическими правилами, стандартами поведения членов этнической системы, передаваемые потомству при помощи языка. Язык хранит культуру народа и передает ее последующим поколениям. [3, 79]. Основные национальные принципы выделяются в центральных структурах коллективного сознания. Путем общения формируется определенная шкала ценностей - то, что для одной нации приоритетно, для другой находится на периферии важных ценностей. Культурные ценности и язык неразделимы - нельзя научить ценностям, не говоря на языке, так как с помощью языка люди не только мыслят, но и управляют своим поведением. Таким образом, ключевые этнокультурные события формируют уникальный концептуальный багаж нации, народную культурную память. [1, 25]

При всей кажущейся очевидности взаимосвязи языка и культуры, вопрос этот не прост и не поддается однозначному решению. Все попытки, точки зрения в современной лингвистике и культурологии можно свести к двум гипотезам: 1) отрицание связи между языком и культурой и 2) признание связи между языком и культурой.

Так или иначе, сегодня в философии и языкознании большинство исследователей придерживаются гипотезы о взаимосвязи языка и культуры.

Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значение языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры.

Благодаря языку осуществляется преемственность человеческой культуры, происходит накопление и усвоение опыта, выработанного предшествующими поколениями. Язык формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию.

Вместе с тем взаимодействие языка и культуры нужно исследовать крайне осторожно, помня, что это разные семиотические системы. Следовательно, они имеют как общие, так и различные черты. На вопрос о степени влияния языка на культуру разные исследователи отвечают по-разному. Воздействие культуры на язык проявляется в своеобразии самого процесса общения в разных культурах, что сказывается в некоторых особенностях лексики и грамматики, а также в особенностях нормативно-стилистического уклада языка.

Так, например, французский лингвист и эксперт в области анализа дискурса Патрик Шародо отмечает, что язык не включает в себя культуру и предлагает рассматривать язык как речевую деятельность, т.е. использование языка в ситуации общения. Шародо выявляет необходимость разграничения языка и культуры и ассоциирования речи и культуры. Если бы язык и культура совпадали, швейцарская, французская, бельгийская культуры были бы идентичными, исходя из языковой общности данных этносов. [6, 50]

Другой французский лингвист К. Кербрат-Орекьони, анализируя теорию Сепира-Ворфа, утверждает, что сильной стороной этой теории является мысль о том, что категории языка обуславливают мировоззрение личности. Речевые акты, системы языковых оборотов, механизмы обмена репликами, прагматические и диалоговые коннекторы управляются системой языка, содержащей свод правил и требований построения речи [5, 1].

Особенности общения того или иного народа, описанные в совокупности, представляют собой описание коммуникативного поведения этого народа. Термин «коммуникативное поведение» впервые был использован в работе «О понятии коммуникативного поведения» [2, 15]. Типология коммуникативного поведения обусловлена в первую очередь факторами, зависящими от общекультурного развития личности. В основе реализации закономерностей восприятия мира и коммуникативного поведения лежит принцип стереотипов, т.е. языковые формы воздействуют на мышление носителей языка, побуждая их употреблять национально обусловленные образные элементы. Проявление коммуникативного поведения осуществляется путем экспонирования черт национального характера, к которым относятся: образ выражения мысли, абстрактность или конкретность мышления, контекстуальная обусловленность построения высказываний, корректность диалогических стратегий, соблюдение дистанций при общении и специфичность коммуникативных форм.

Французскому коммуникативному поведению свойственно смягчение в способах передачи мысли. Французские высказывания апеллируют, как правило, к потенциальным возможностям субъекта. С точки зрения употребления языкового материала, французы имеют тенденцию к косвенным высказываниям, что выражается в частом употреблении в речи не прямых наименований и синтаксических конструкций низкой интенсивности действия: сослагательного наклонения, каузативных оборотов [1, 26]. Например:

- *Tu pourrais venir nous voir pendant les vacances de Pâques.*
- *A Pâques, je ne sais pas si j'aurai le temps!*
- *Oh si, ça nous ferait tellement plaisir de te voir.*

Наибольшее количество национально маркированных компонентов выделяется на фоне коннотативной составляющей лингвистического знака. Французские высказывания обладают символической и эмотивной окраской, поэтому они более абстрактны. Они отражают этнокультурную специфику национального коммуникативного поведения, что соответствует общим семиотическим процессам, происходящим в современном французском языке.

Контекстуальная зависимость высказываний является характерной чертой французского языка. Междометные и фразеологические единицы обладают наибольшей контекстуальной зависимостью и соотносятся к конкретной ситуации. Анализ употребления языкового материала показал, что французские диалогические стратегии в большинстве своем отличаются корректностью в выборе диалогических реплик. Француз, даже если не согласен с точкой зрения собеседника, проявляет терпимость (пусть даже формальную) и корректное отношение ко всем участникам коммуникации.

Ярким примером специфики модальных параметров просьбы во французском речевом этикете могут считаться следующие формулировки: *Merci de bien vouloir appeler au directeur.* Спасибо за желание позвонить директору. Будь добр, позвони директору. *Merci de me tenir au courant de cette affaire.* Спасибо за то, что будете держать меня в курсе. Держите меня в курсе, пожалуйста.

Коммуникативное поведение французов отличается направленностью на соблюдение дистанции по отношению к адресату сообщения, что связано со специфическим национальным принципом членения коммуникативного пространства и, часто, аффективным статусом диалогических реплик.

Говоря о дистантности французского коммуникативного поведения, следует отметить, что во Франции, в ситуации, когда клиент (клиентка) входит в магазин, продавец, как правило, говорит одну из следующих общепринятых фраз: «*En quoi puis-je vous être utile?*» *Чем могу быть полезен?*; «*Que désire Madame (Monsieur)?*» *Что желает Мадам; Месье?*; «*Je vous écoute.*» *Я Вас слушаю.* и т. д. После сделанной покупки, продавец обязательно благодарит покупателя, желает ему хорошего дня (вечера) и прощается: *Merci Madame (Monsieur) et bonne journée (soirée), Au revoir, etc.* Приведенные французские высказывания семантически и прагматически дистанцированы от адресата.

Ориентация реплик на 2-е лицо выдвигает на первый план *конативную* (побудительную) функцию языка, направленность же на 1-е лицо связана с *эмотивной* функцией. Эмотивная функция языка определяет отношения между коммуникативной информацией и адресантом, иными словами, выражает отношение говорящего к предмету речи [4, 26].

Что касается спора, французы участвуют с удовольствием в этом процессе. В течение беседы часто проявляются разногласия, но спор никогда не переходит границы нормального общения. Как правило, французы выражают своё несогласие, не колеблясь ни на минуту, и в любой обстановке. Форма протеста может быть разная, в зависимости от ситуации. Если речь идёт о расхождении во мнениях, то часто просто говорят: «*Je ne suis pas d'accord*» *Я не согласен*, «*Vous avez tort*» *Вы не правы*, добавляя аргументы.

Формулировки пожеланий при прощании у французов более разнообразны, чем у русских. Они в большей степени учитывают информацию о собеседнике при пожелании успешных действий практически для любого вида деятельности: *Bonne soupe! Bonne douche! Bonne lecture! Bonne continuation! Хорошей стрижки! Счастливо помыться! Хорошего чтения! Счастливо оставаться!* [1, 28].

Французы являются исключительно вежливыми и учтивыми по отношению друг к другу. Вежливость вошла в жизнь французов и стала частью их бытия. Уже в раннем возрасте дети должны говорить *Bonjour, Mme; S'il vous plaît, Mme; Merci, Monsieur; Je vous en prie, Madame*.

Национальное сознание – явление базисное по отношению к языку, оно как бы фундамент для здания языка, соответственно, каждый язык национально специфичен. Коммуникативное поведение французов, то есть особенности их общения, заметно отличаются от КП русских. Национальные отличия проявляются в частности, в культуре общения. Те, кто изучают французский язык, должны обучаться французскому коммуникативному поведению, так как знание норм национального КП значительно облегчает общение, помогает избежать взаимного непонимания, которое может возникнуть в межкультурном общении из-за несовпадения тех или иных культурных норм.

Литература

1. Седых А. П. Языковая личность и социум: Особенности национального межличностного взаимодействия / Языковая личность и этнос. Москва, 2004.
2. Стернин И.А. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово/SLOVO, 2000.
4. Моисеева С. А. Французское и русское языковое поведение: контактность и дистантность//Русское и французское коммуникативное поведение. Белгород: БГУ, 2002.
5. Kerbrat-Orecchioni C. Système linguistique et ethos communicatif.// www.asl.univ-montp3.fr
6. Charaudeau P. L'interculturel entre mythe et réalité // *Le français dans le monde*. 1990. – № 230. – с. 48-53.

Мещерякова А.В.
*Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Владимирского государственного университета
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
г. Владимир, Россия*

Истоки мотива лебедя в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги»

Образ лебедя является одним из лейтмотивов романа Д. С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1900). Образ этой птицы возникает в поле зрения Леонардо и других персонажей в те моменты повествования, когда герои находятся в состоянии отрешенности от повседневной действительности. На первый взгляд может показаться, что лебедь является олицетворением определенного душевного состояния. В действительности символ этот имеет более сложную природу и воплощает в себе основные философско-эстетические взгляды Мережковского, для понимания которых необходимо обратиться к ближайшему литературному контексту произведения.

Исследователи традиционно выделяют несколько источников этого образа: картину Леонардо да Винчи «Леда и лебедь», один из его эскизов, изображающий пруд с плывущими по нему лебедями, а также небольшой трактат художника под названием «Кодекс о полете птиц» [8, с. 73-74]. Однако в этом ряду не достаёт ещё двух источников, которые сыграли едва ли не самую важную роль в формировании мотива лебедя: стихотворение Ф. И. Тютчева «Лебедь» (1838-1839) и Ш. Бодлера «Альбатрос» (1858).

Обе фигуры являются знаковыми для Мережковского. Как представитель старшего символизма, он видел в них провозвестников нового искусства. Ф. И. Тютчев является одним из самых цитируемых Мережковским поэтов. Упоминание о нем содержится в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), сборнике эссе «Вечные спутники» (1896), трактате «Толстой и Достоевский» (1900-1902). Подробный анализ творчества, религиозно-философских и политических взглядов поэта был дан Мережковским в статье «Две тайны русской поэзии» (1915). По мнению писателя, Тютчев обладал великим даром прозревать хаос под непроницаемым покровом повседневности, то есть способностью лицезреть саму изнанку мироздания [4, с. 315].

Стихотворение Тютчева «Лебедь», которое восходит к «Мелодиям жизни» (“Lebensmelodians”) А. Шлегеля, написанным в 1799 г., строится на противопоставлении орла и лебедя [2, с. 43]. Но если немецкий поэт делает акцент на контрасте двух романтических типов мироощущения (бунтующего орла и мечтательного лебедя), то у Тютчева антитеза эта приобретает характер противопоставления между Россией и Западом [2, с. 44].

Влияние Тютчева особенно ощущается в двух эпизодах романа: сцене восхождения на Монте-Альбано и сцене последнего свидания Леонардо с

герцогом Лодовико Моро. В первом эпизоде художник, стоя на вершине горы, мечтает о будущем полете человека: «Скала окончилась, оборвалась, и по ту сторону открылась доселе невидимая, противоположная бездна. Воздушная, мгlistая, мутно-лиловая, зияла она, как будто внизу, под ногами, была не земля, а такое же небо, пустота, бесконечность, как вверху, над головою <...> И ему представился царь воздуха, победитель всех пределов и тяжестей, сын человеческий, во славе и силе своей. Великий Лебедь, летящий на крыльях, исполинских, белых, сверкающих, как снег, в лазури неба» [3, с. 254]. Для Мережковского тютчевский «Лебедь» оказывается значимым в связи с упоминанием «двойной бездны»:

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего –
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.
Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон –
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен [9, с. 48].

Тот же мотив обнаруживается и в сцене последнего свидания художника с герцогом Меланским: «Гладь воды, отразившая небо, под ними [лебедями] была почти темной, и, качаясь, скользили они, как видения, со всех сторон окруженные звездами, полные тайны, между двумя небесами – небом вверху и небом внизу – одинаково чуждые и близкие обоим» [3, с. 305]. Согласно Мережковскому, мироздание представляет собой «двойную бездну», одна сторона которой обращена к духу, а другая – к плоти. Лебедь оказывается той птицей, которая способна преодолеть силу притяжения и удержать равновесие между двумя безднами. Для Мережковского сила тяготения, низвергающая человека в одну из бездн, является синонимом смерти, которая действует в мире, подобно физическому закону. Неслучайно в финале романа борьба Леонардо со смертью представлена как безнадежная попытка взлететь, освободившись от гигантских каменных глыб. Примечательно, что пострадавший во время неудачного полета Зароастро в бреду постоянно пересказывает один и тот же эпизод из Евангелия, где бес механики побуждает Иисуса прыгнуть в бездну, чтобы доказать свое божественное происхождение. Согласно Мережковскому, тютчевский лебедь, окруженный со всех сторон «твердью звездной», парящий в некоем четвертом измерении, является символом физического бессмертия, которое станет возможным для человека в будущем. В этой связи обращают на себя внимание тютчевские строки:

И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество [9, с. 48].

Мережковский видит здесь намек на преображение плоти, то есть физическое перерождение человека. Облачение смертного существа в «духовную плоть», которое, по мысли писателя, произойдет в результате непосредственного контакта с божеством, должно привести к появлению

нового биологического вида - «крылатого сверх-человека», наделенного бессмертием [6]. Соприкосновение с божеством становится возможным, благодаря созерцанию, исповедуемому многими восточными религиями, в том числе и буддизмом, последователем которого, согласно Мережковскому, был Тютчев [4, с. 317]. Поэтому тютчевский лебедь, погруженный в состояние «всезрящего сна» [9, с. 48], становится для писателя символом восхождения человеческой души к божеству. Противопоставление орла и лебедя трансформируется у Мережковского в аппозицию действие-созерцание, которая воплощается в романе на уровне системы персонажей: герцог Лодовико Моро, Чезаре Борджа, Микеланджело (люди действия) противопоставлены Леонардо да Винчи (человеку созерцания).

Ш. Бодлер становится для Мережковского учителем и наставником, к которому молодой писатель обращается в ранней поэме «Конец века» (1891):

И сумрачный Бодлэр, тебе по музе брат,
На горестный напев откликнуться был рад;
Зловещей прелестью, как древняя Медуза,
Веселых парижан пугала эта муза.
Зато ее речей неотразимый яд,
Зато ее цветов смертельный аромат
Надолго отравил больное поколение.
Толпа мечтателей признала в опьяненьи
Тебя вождем, Бодлэр... [5, с. 421]

Знакомство с творчеством французского поэта и его эстетическими теориями обнаруживается в таких произведениях Мережковского, как статья «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892), сборник эссе «Вечные спутники» (1896), трактат «Л. Толстой и Достоевский» (1900-1902). Мережковский использует идеи Бодлера для построения собственной эстетической теории. Опираясь на эссеистику французского поэта, он призывает писателей к «расширению художественной впечатлительности», к «погоне за неуловимыми оттенками, за темным и бессознательным в нашей чувствительности»: «Еще Бодлер и Эдгар По говорили, что прекрасное должно несколько удивлять, казаться неожиданным и редким. Французские критики более или менее удачно называли эту черту импрессионизмом» [7, с. 174]. На протяжении 1880-х – 1890-х гг. Мережковский переводит на русский язык ряд стихотворений Бодлера: «Стихотворения в прозе» (1884), «Осень» (1885), «Голубка моя...» (1885), «Альбатрос» (1888), «Сплин» (1892). Бодлер был единственным из современных поэтов, чьи произведения переводил Мережковский, предпочитавший в этом отношении античных авторов.

Наибольшее влияние на творчество Мережковского оказало стихотворение Бодлера «Альбатрос». В романе «Воскресшие боги» альбатрос трансформируется в лебедя. Так, эпизод, в котором французские солдаты уничтожают лебедей, некогда принадлежавших герцогу Лодовико Моро, содержит ситуацию, сходную с бодлеровским стихотворением: «Возвращаясь домой и проходя через мост с изящной лоджией Браманте <...> художник увидел французских пажей и конюхов, забавлявшихся охотой на ручных лебедей, любимцев миланского герцога. Шалуны стреляли

из луков в тесном рву, отовсюду закрытом высокими стенами, птицы метались в ужасе. Среди белого пуха и перьев на черной воде плавали, качаясь, окровавленные тела. Только что раненный лебедь, с пронзительно жалобным криком, выгнув длинную шею, трепетал слабеющими крыльями, как будто пытаясь взлететь перед смертью» [3, с. 318]. В стихотворении Бодлера птицы сходным образом подвергаются издевательствам со стороны матросов:

На доски их кладут; и вот, изнемогая,
Труслив и неуклюж, как два больших весла,
Влачит недавний царь заоблачного края
По грязной палубе два трепетных крыла.
Лазури гордый сын, что бури обгоняет,
Он стал уродливым, и жалким, и смешным,
Зажженной трубкою матрос его пугает
И дразнит с хохотом, прикинувшись хромым [1, с. 307].

Для Мережковского, как и для Бодлера, птица становится олицетворением поэта, который способен вознестись над обыденностью, но, будучи «сосланным на землю», оказывается жалким и беспомощным. Широкие крылья, которые являются источником его силы и свободы в мире духа, препятствуют нормальному существованию в мире повседневном, мире материи. Наиболее отчетлива эта мысль была выражена Мережковским в трактате «Л. Толстой и Достоевский», созданном им вслед за романом «Воскресшие боги»: «...как природа лебедя плавать, а не ходить. Пока лебедь плавает, он кажется властелином, а только что выйдет на сушу, становится «дрожащею тварью». Тут не столько слабость духа, сколько иное устройство духа и иное устройство тела» [6]. «Иное устройство духа» характерно для главного героя романа Леонардо да Винчи. Неслучайно фигура главного героя неоднократно соотносится с лебедем. Так, в сознании герцога Лодовико Моро флорентийский живописец ассоциируется с этой птицей: «Ему казалось, что в темной, может быть, преступной жизни его Леонардо был подобен этим белым лебедям в черной воде, во рву миланской крепости, меж грязными бойницами, башнями, пороховыми складами, пирамидами ядер и жерлами пушек, - такой же бесполезный и прекрасный, такой же чистый и девственный» [3, с. 305]. Сам художник обнаруживает сходство собственной судьбы с участью лебедя, застреленного французскими солдатами ради забавы. В мечтах Леонардо видит себя летящим на спине огромного лебедя. Одна из картин да Винчи написана на сюжет мифа о Леде и лебеде. Покидая Италию, Леонардо выпускает на волю лебедя, который направляет свой путь прямо на солнце. Наконец, изображение крылатого Иоанна Крестителя в мастерской Евтихия Гагары напоминает художнику эту птицу. В итоге лебедь становится постоянным атрибутом, а в какой-то мере даже двойником героя на символическом уровне.

Таким образом, мотив лебедя, который является одним из ключевых в романе Д. С. Мережковского, восходит не только к живописным полотнам и сочинениям Леонардо да Винчи, но имеет также литературные источники в

русской и западноевропейской традиции, среди которых следует назвать стихотворение Ф. И. Тютчева «Лебедь» и Ш. Бодлера «Альбатрос». Писатель заимствует у своих предшественников мотив лебедя и альбатроса и трансформирует его, согласно собственному творческому замыслу.

Литература

1. Бодлер Ш. Избранные стихотворения. Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы / пер. с фр. Д. С. Мережковского. - М., 2010.
2. Кириенко Н. Г. Поэзия Ф. И. Тютчева и философия немецкого романтизма // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2010. - Вып. 8 (98). - С. 42-47.
3. Мережковский Д. С. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи. - М., 1990.
4. Мережковский Д. С. Две тайны русской поэзии // Ф. И. Тютчев: pro et contra. - СПб., 2005. - С. 310-315.
5. Мережковский Д. С. Конец века // Д. С. Мережковский Стихотворения и поэмы. - СПб., 2000. - С. 418-428.
6. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский // Д. С. Мережковский Полное энциклопедическое собрание сочинений: электронная книга. - М., 2005.
7. Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Д. С. Мережковский Эстетика и критика. - М., 1994. - С. 137-225.
8. Суханова И. А. Сквозной мотив лебедя в романе Д. С. Мережковского «Воскресшие боги» // Культура – Литература – Язык. - Ярославль, 2005. - Ч. 1. - С. 72-77.
9. Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. - М., 1984. - Т. 1.

Микаилова Н. Г.

*старший преподаватель кафедры германских языков
Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета
г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия.*

Социо-культурная обусловленность представлений о возрасте

Возрастная характеристика людей - существенная часть познавательной и социально-общественной практики человека. Понятие возраста включает в себя широкий диапазон признаков - темпоральных, анатомо-физиологических, пространственно-размерных, физических, социально-общественных, культурных и пр., - которые в различной комбинации и степени актуализации участвуют в процессе отображения и языкового означивания фактов действительности. Следовательно, отнесение человека того или иного возраста к той или иной возрастной группе, а также представление о характерных особенностях того или иного возраста, положительная или отрицательная оценка молодости или старости могут быть различными в разных культурах. «Классификация возрастных групп вытекает из определенных изменений социальных и биологических функций, изменений, которые заставляют подразделять людей на младенцев, детей, подростков, взрослых и, наконец, стариков. Однако даже в культурах,

представляющих, в общем, и ту же цивилизацию, конкретные системы возрастных групп могут довольно сильно различаться» [4, с.183].

Отсюда, варьирование возрастных групп имеет социальное основание. «Социальный статус человека имеет субстанциональное и реляционное измерение. В первом случае имеются в виду независимые и усвоенные характеристики человека (ascribed and achieved status)- пол, возраст, национальность, культурное и социальное происхождение, образование, с одной стороны, профессия, степень владения языком, с другой стороны. Субстанциональные характеристики статуса исторически и этнографически изменчивы. Для современного индустриального общества такими характеристиками являются род занятий, величина дохода, уровень образования, этническая принадлежность; в условиях иных обществ и иных обществ и иных эпох, а на первый план могут выйти такие характеристики, как возраст, степень знатности или физическая сила» [2, с. 7]

В современном обществе тот или иной возрастной период оценивается по-разному, в том числе и в зависимости от социального положения человека. Например, в английской социологии при описании социально-экономических параметров стиля жизни используется термин «оптимальный возраст», который означает возраст, считающийся предпочтительным представителями того или иного социального статуса.

Национально-специфическое представление о возрастной структуре общества и об особенностях тех или иных возрастных групп фиксируется в языке и в речи (отражается в значениях языковых единиц, а также в системе концептуальных представлений носителей языка). Например, концепты как *молодой*, *старый*, *ребенок* являются важными элементами национально-языковой картины мира и также могут иметь национально-языковую специфику.

Известный французский историк Филипп Арьес [1, с. 26] описывал изменения в значении и употреблении некоторых французских возрастных номинаций, связывая эти изменения с эволюцией общественных отношений и социальных функций возрастных групп. По мнению Ф. Арьеса основная особенность эволюции французских возрастных номинаций для обозначения различных возрастных групп заключается в стремлении к более детальному их описанию и четкому отграничению друг от друга.

Подобные исследования свидетельствуют о том, что содержание концепта исторически изменчиво и оно может различаться не только у представителей разных культур (и у носителей разных языков), но также может быть различным у людей разных социальных групп, людей с разным уровнем образования и т.д. Национально-культурную специфику может иметь не только представление о возрастной структуре общества, отразившегося в языке и в нормах употребления возрастных номинаций, но также представление об особенностях тех или иных возрастных групп и связанная с этим положительная или отрицательная оценка, например, молодости или старости. В социологии, этнографии этот феномен хорошо известен и активно исследуется отечественными и зарубежными учеными. В

западной и восточной культурах отмечается традиционно различное отношение к молодости и старости. У многих восточных народов существует подчеркнуто уважительное отношение к пожилым людям, которое фиксируется в языке и в правилах этикета. Нарушение принципов этикетного поведения по отношению к старшим осуждается. Примером иного отношения к старости может служить американская культура. Американские социологи для описания отношения к пожилым людям в США используют термин «эйджизм», созданный в 1969 году американским социологом Робертом Батлером для обозначения «нормативной дискриминации отдельных поколенческих когорт по принципу возраста. Чаще всего в современном обществе данная дискриминация относится к самым старшим генерационным когортам, имеющим самый низкий статус среди взрослого населения» [5, с. 101].

В российском обществе, по мнению социологов, *молодое и старое* поколения характеризуются, и оцениваются иначе, чем в американской культуре. Согласно социологическому опросу, проведенного Н.В. Шахматовой, наиболее общими представлениями, которые разделяют представители всех возрастных групп, являются в целом положительная оценка старшего поколения и отрицательная оценка молодого поколения. «Все генерации оценивают доброту, самоотверженность, доверчивость старшего поколения, а молодые люди эгоистичнее по сравнению со старшими, чаще проявляют равнодушие и безответственность» [5, с. 116].

Различие коннотаций в русских и американских устойчивых выражениях, связанных с концептами *молодость и старость* обусловлено тем, что в русской культуре «настоящие в большой степени рассматриваются в связи с прошлым, в то время как в американской превалирует восприятие настоящего, как начала будущего и слабая связь с прошлым...» [3, с. 76].

Таким образом, приведенные примеры показывают, что содержание таких концептов, как «молодость», «старость» обусловлено не только реальными физическими и моральными качествами, которые свойственны людям того или иного возраста, но и господствующей идеологией, социальными ролями, закрепленными за каждым поколением и представлениями которые составляют основу данной культуры.

Литература

1. Арьес Ф. Возрасты жизни. Екатеринбург, 1999.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. Волгоград, 1992.
3. Леонтьев О.А. Время глазами русских и американцев: сопоставительный аспект. // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберга. Волгоград, 2000.
4. Фойт В. Семиотика и фольклор // Семиотика и художественное творчество. Москва, 1977.
5. Шахматова Н.В. Социология поколений. Поколенческая организация современного российского общества. Саратов, 2000.

Термины-фразеологизмы в терминологии международного права

Фразеологическая номинация характерна для терминологий различных отраслей. Фразеологизмы образуются в результате семантической конденсации, когда составная лексическая единица обозначает одно понятие. В этом плане фразеологизм чрезвычайно близок к терминосочетанию. В терминологиях общественных наук и связанных с ними сфер человеческой деятельности фразеологизмы используются довольно широко. Специфика сферы употребления терминов международного права детерминирует стремление системы к универсализации элементов. Источником создания терминов-фразеологизмов данной области часто являются средства массовой информации, в которых обсуждаются вопросы политики и международных отношений. В общеупотребительном языке совпадение идиом довольно редкое явление. Термины-фразеологизмы международного права изначально создаются в каком-либо международном языке, а затем калькируются другими языками: *золотая оговорка* - *gold clause* (англ.) - *clause d'or* (франц.); *добрые услуги* - *bons offices* (франц.) – *good offices* (англ.); *молчаливое согласие* – *consentement tacite* (франц.) - *tacit consent*(англ.)

В процессе фразеологической номинации в рамках терминологии международного права используются метафорический перенос и метонимический перенос (синекдоха). В результате метафорического переноса появился термин *гибкая политика*. В термине осуществляется перенос по сходству с мягким, гибким материалом, что порождает значение *политика уступок*, то есть подверженная влиянию извне. Довольно часто при создании терминов-фразеологизмов используется такой прием, как персонификация: *молчаливое согласие* (одна из форм волеизъявления субъекта международного права, не выраженная явно); *дух договора*; *полюбовное соглашение* (в международном праве - арбитражное разрешение международного спора). Метафорическая номинация обусловлена имплицитно-ассоциативными или перцептивными связями с денотатом [1, с.380]. В некоторых терминосочетаниях происходит столкновение прямого и переносного значения. Так, термин *золотая оговорка* обозначает «особое договорное положение об уплате должником определенной суммы в золоте или денежных знаках в сумме, эквивалентной на момент платежа определенному количеству золота» [2,с.54]. При метонимическом переносе одновременно актуализируется сема "лучший", то есть, дающий самую надежную гарантию при страховании от валютных рисков. Проявление аксиологического функционального аспекта не характерно для обычных поликомпонентных терминов, поскольку противоречит тенденции к

нейтральности термина. Терминосочетания тропового характера напротив содержат оценочный компонент в структуре значения. Наличие оценочного аспекта в коннотативном компоненте значения весьма характерно для терминов права. При этом актуализируется важный концептуальный элемент свойственный терминам данной области, проявляющийся в дихотомии плохой/хороший.

Наиболее ярко тенденция к универсализации реализуются в использовании латинских терминосочетаний фразеологического характера. В терминологии международного права латинские составные термины бытуют на правах варваризмов: *модус вивенди*, *модус проседенти* и т.п. Данные терминосочетания являются результатом терминологизации устойчивых сочетаний общеупотребительного языка. Становясь достоянием терминологии международного права, функционируя в условиях определенного контекста, они приобретают новые семантические и функциональные характеристики. Выражение *модус вивенди* в общеупотребительном языке имеет значение «образ жизни». В международном праве это «временное соглашение». В рамках терминологии науки международного права фразеологизмы иногда используются для обозначения правовых концепций и доктрин. Например, существует концепция *tabula rasa*, которая гласит, что «вновь образовавшееся государство не обременено никакими обязательствами своего предшественника перед другими государствами». Таким образом, происходит процесс переосмысления или, по выражению В.В.Виноградова, - «забвения реальной основы»[3, с.43].

Несмотря на общую тенденцию к универсализации терминов международного права национальные терминологии сохраняют присущее им своеобразие. Так, например, наряду с универсальными фразеологизмами во французской терминологии международного права функционируют устойчивые составные термины тропового характера, фиксируемые только в данной языковой системе: *hospitalité neutre*- дословно «нейтральное гостеприимство», обозначает «допуск нейтральным государством на свою территорию вооруженных сил воюющего государства», *assistance hostile*- дословно «враждебная помощь» - имеет значение «оказание помощи воюющему государству». Метонимический перенос присутствует в терминосочетании *pli officiel* (официальная корреспонденция). Стержневой компонент *pli* обозначает «пакет для писем».

Наличие определенного числа терминов-фразеологизмов в рамках терминосистемы международного права подтверждает тезис о том, что функциональная детерминированность системы не означает ее полную изоляцию от процессов, присущих лексической системе языка в целом.

Литература

1. Прибыток И.И., Тимофеева Н.П. Лекции по истории языкознания. Саратов, изд-во «Наука», 2010, с 380.
2. Словарь международного права. М., Международные отношения, 1982, с.54
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с.43

Неклесова В.Ю.
К.филол.н., доц. кафедры иностранных языков
гуманитарных факультетов
Одесского национального университета им. И.И. Мечникова,
г. Одесса, Украина

Коннотативные характеристики имени собственного *Библия* в украинском, английском, испанском языках

В данной статье рассматриваются коннотативные особенности имени собственного (далее ИС) *Библия*. Этимологические и толковые словари во всех трёх языках указывают на греческий язык как источник ИС, посредством заимствования латинского языка. И это не удивительно – т.к. Библия была и остается одним из главных сакральных артефактов церкви и символов веры, несмотря на конфессии.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы подтвердить мнение, высказанное Е.С. Отиным, что коннотонимы – ономастические универсалии, присущие большинству языков мира [3, с. 5], где **коннотоним** – это ИС, которое имеет смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты [2, с. 55]. По классификации Е.С. Отина ИС *Библия* является интралингвальным узуальным хремотонимом. В украинском языке мы выявили следующие значения коннотонима:

- Авторитетный источник: «Бо це й є масове кіно - таке, яке знімають у себе всі без винятку незалежні країни (а багатші - ще й експортують іншим!): "Біблія для бідних"». [19]
- Всеобъемлющий документ, список, перечень: «Закон, так звана "виборча Біблія", став, у поєднанні із застосуванням адмінресурсу, клонування, чорного піару та підкупу виборців - реальною загрозою чесного волевиявлення». [17]
- Источник, где можно найти исчерпывающую информацию об определенной сфере: «Гроші – їх бог, рекет – їх віра, "Хрещений батько" - їх біблія». [18]

Также ИС проникло в жаргон телевизионных работников: *библией* называются основные сюжетные линии сериала [1].

В толковых словарях английского языка, в отличие от украинских [4, 5], зафиксировано коннотативное значение ИС *Библия*, правда, с отметкой просторечное использование: авторитетная книга [9]; книга, которая дает советы и важную информацию об определенной сфере [6]; книга, которая считается авторитетной в определенной сфере [10].

Все сказанное выше, также показывает схожесть значений коннотонима *Библия* в английском языке:

- Авторитетный источник: «British Airways and the backpackers' bible, the Lonely Planet, have both put Derry on their list of top ten places to visit this year, ahead of cities like Las Vegas, Beijing and Dubai». [11]
- Всеобъемлющий документ, список, перечень: The ground was once named among the loveliest in England by the cricket "bible" Wisden. [15]
- Источник, где можно найти исчерпывающую информацию об определенной сфере: «The new psychiatric bible, DSM 5, which is the world's most widely used psychiatric reference book, has been released in draft form». [16]

Из доступных нам толковых словарей испанского языка один [7] не фиксирует оценочного значения ИС *Библия*, другой [8] описывает значение как идеальная модель для чего-либо. По нашему мнению оценочное значение «идеальная модель» может включать в себя следующие аспекты:

- Авторитетный источник: «Pese a la insistencia de The Guardian, el artículo más reciente del Financial Times, la biblia del periodismo económico, alaba las recientes reformas españolas, y algo parecido sucede con The Economist». [13]
- Всеобъемлющий документ, список, перечень: «La mejor manera para sacar ideas -y de paso deleitarse por pura estética- es echar una ojeada a 100 interiors around the world (100 interiores alrededor del mundo), una biblia del diseño recién lanzada por Taschen, maravillosamente cuidada y en dos volúmenes, con un precio de 39 euros». [12]
- Источник, где можно найти исчерпывающую информацию об определенной сфере: «En su libro – casi una biblia contemporánea referencia para muchos políticos y gestores – Creative Class, afirma que “la creatividad humana es el recurso económico definitivo” y que debemos estimular y atraer artistas, arquitectos, diseñadores o escritores a las ciudades para que estas prosperen económicamente». [14]

В трёх языках наблюдаются схожие тенденции в оценочной стороне ИС *Библия*. Скорее всего, источником этого являются пути проникновения этого ИС в культурную среду (мессионерство, единая религия – христианство, хотя разные конфессии), а также совпадение базиса догматов: Библия – священное писание, бывшее на протяжении веков авторитетным, а порой и единственным источником познания мира и самоидентификации в нём.

Литература

1. Барабаш К. Телегероїн [Електронний ресурс]: <http://tyzhden.ua/Culture/6591>
2. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55-72.
3. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: Юго-Восток, ЛТД, 2004. – 412 с.
4. Етимологічний словник української мови: В 7 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. – К.: Наук. думка, 1982. Т. 1: А – Г / Укл.: Р. В. Болдирев та ін. – 1982. – С. 190.
5. Словник української мови [Електронний ресурс]: <http://sum.in.ua/>
6. Cambridge Dictionaries Online [Електронний ресурс]: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/bible?q=Bible>

7. Diccionario Clave: Diccionario del uso Español [Электронный ресурс]: <http://clave.smdiccionarios.com/app.php>
8. Diccionario de la Lengua Española [Электронный ресурс]: <http://lema.rae.es/drae/?val=biblia>
9. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=bible&searchmode=none
10. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]: <http://oxforddictionaries.com/definition/english/Bible?q=bible>

Список источников иллюстративного материала

11. <http://www.bbc.co.uk/news/uk-northern-ireland-foyle-west-20878690>
12. http://www.cincodias.com/articulo/directivos/biblia-interiores-mundo/20120811cdscdidir_4/
13. http://www.cincodias.com/articulo/economia/espana-solvente-pese-agoreros/20110409cdscdseco_9/
14. http://www.eldiario.es/Kafka/Gentrificacion-nombre-senora_0_118638140.html
15. <http://www.newsandstar.co.uk/sport/other/cricket-club-is-pretty-special-1.475260?referrerPath=home/2.1962>
16. http://news.bbc.co.uk/today/hi/today/newsid_9694000/9694966.stm
17. <http://www.pravda.com.ua/columns/2010/10/21/5498230/>
18. http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2012/05/16/6964623/view_print/
19. <http://ukrslovo.org.ua/ukrayina/kultura/vyklykannya-geroya-abo-chto-projshov-kriz-ruyiny.html>

Пимшина В.В.

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Микаилова Н.Г.

старший преподаватель.

г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия.

Специфика перевода фразовых глаголов в англоязычных рекламных текстах

Цель исследования – изучить особенности перевода фразовых глаголов на русский язык.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что фразовые глаголы являются значимой частью английского языка, но тем не менее в области английской лингвистики мало исследований по данной теме. А следовательно у переводчиков возникают некоторые проблемы при переводе фразовых глаголов на русский язык.

Реклама в современных газетах и журналах выполняет огромное количество задач (главной задачей является: – продвижение рекламируемого товара на рынке потребителей): распространение информации о товаре, его преимущества над конкурирующим товаром, положительные отзывы клиентов и.т.д. [2, с. 84].

Фразовый глагол – это результат особой формы словообразования, отсутствующей в русском языке, когда после глагола отдельным словом

прибавляется предложная частица – послелог. Добавление послелога к глаголу может значительно изменить значение исходного глагола [3, с. 79].

Рассмотрим основные типы лексических трансформаций, которые следует применять при переводе фразовых глаголов на русский язык. Это такие переводческие приемы как: переводческое транскрибирование, транслитерация и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция) [3, с. 496].

Транскрипция – заимствование словарной единицы, при котором сохраняется её звуковая форма (иногда несколько видоизменённая в соответствии с фонетическими особенностями языка, в который слово заимствуется). Транслитерация – это способ заимствования, при котором заимствуется написание иностранного слова: буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка [3, с. 76]. Лексико-семантические замены – это способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований. Основными видами таких замен являются конкретизация, генерализация и модуляция (смысловое развитие) значения исходной единицы [5, с. 108].

Рассмотрим примеры способа лексико-семантической замены. В журнале "Cosmopolitan" продемонстрирована реклама туши для ресниц "Lash blast 24 HR " Под рекламой задан вопрос: " So what will you do in 24 HR"[4, с. 83].

Ответ на вопрос представлен в виде примерного распорядка дня:

8 a.m. – *Pick up a latte and cutie's phone number;*

10 a.m. – *Nail your presentation and impress the heck out of your boss;*

12 p.m. – *Bump into a sample sale and score big on your way to lunch;*

3 p.m. – *Snag impossible- to- get dinner reservations;*

7 p.m. – *Wardrobe change and dinner with the girls;*

9 p.m. – *Take over the dance floor with yours girls and post a glamour shot;*

10.15 p.m. – *The night has just begun*

Обратим внимание на фразовый глагол "Pick up" основные значения которого "собирать, набраться, нахвататься, освоить, поймать, забрать, захватить". При переводе больше подходит значение "захватить". Перевести рекламный текст можно следующим образом: "8 утра захвати латтэ и телефончик милашки". Следующий фразовый глагол, который встречается в рекламном тексте: "Bump into", его основные значения: "наткнуться, натолкнуться". Исходя из контекста, следует использовать значение "наткнуться". Перевод звучит следующим образом: "12 дня, по пути на обед наткнуться на распродажу и купить много вещичек по выгодной цене ". Еще один фразовый глагол в рекламе " take over ", его значения "принимать дела, взять на себя ответственность, стать лидером, занять лидирующую позицию"[1, с. 143]. Перевод данной фразы можно интерпретировать как: "9

вечера – станьте лидерами на танцполе со своими подругами и разместите (в интернете, блоге) гламурный снимок".

Рассмотрим следующий пример. В журнале *"The Daily"* реклама лака для ногтей под названием: *"Essie care"*[7, с. 32]. Под фотографией, на которой дано изображение рекламного товара – лака для ногтей крупным шрифтом написано: *"You never know when you may meet your prince, so slip on my good to go top coat. It sets in second because sometimes every second counts"*. Фразовый глагол *"set in"* имеет следующие значения: "добавлять, наступить, установиться, выставлять".[1, с. 160] В соответствии с этими значениями перевод рекламного сообщения может быть следующим: "Вы никогда не знаете, когда повстречаете своего принца, так что нанесите готовый верхний слой нашего лака.

В результате лексико – семантической замены глагол приобретает иное значение – "высыхать", которое подходит к контексту. Перевод данного рекламного сообщения можно интерпретировать следующим образом: – "Он высыхает за секунду, когда вы в той ситуации, в которой каждая секунда на счету". Смысл данного сообщения кажется понятным. С одной стороны, об этом говорит рисунок. С другой стороны, чуть ниже дана информация об этом товаре, который имеет удивительное свойство: быстро сохнет и долго держится на ногтях.

Следующий прием переводческих трансформаций, который при переводе преобразует и лексику – прием антонимического перевода. Антонимический перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы иностранного языка на единицу языка перевода с противоположным значением[2, с. 86].

Например, в рекламе новых панелей телевизоров *Philips* следующий рекламный текст: *"You'll never go back to ordinary TV"* [6, с. 74]. Видим, что это предложение по своей структуре – утвердительное, хотя по значению оно отрицательное. Показателем отрицания является частица *never*. При переводе это предложение приобретет отрицательную форму: "Вы уже никогда не будете смотреть обычный телевизор".

Таким образом, можно сделать вывод, что фразовые глаголы вариативны как по своему значению так и по дополнительным значениям, которые в них заключаются или которые они приобретают в тексте. Фразовые глаголы при переводе на русский язык могут выражать: переход из одного состояния в другое, побуждение к действию, но во всех случаях действие неизменно характеризуется значением, заключенным в самом глаголе.

Литература

1. Бруснина Т.Л. *English idioms and Phrasal Verbs* / Англо-русский словарь фразовых глаголов. Санкт – Петербург, 2005.
2. Копоть Е.Е. Рекламный текст в единстве вербального и невербального и проблема понимания сообщения // *Современные теории и методики обучения иностранным языкам*. Москва, 2004.

3. Шутова Н.М. Национально-культурный компонент рекламного текста и перевод. Санкт – Петербург, 2005.
4. Cosopolitan .– 2012. – № 2(11). – P. 83-84.
5. Goddard A. The Language of Advertising. – London-New York, 1998.
6. Newsweek. – 2002. – № 6(3). – P. 74–75.
7. The Daily. – 2013. – № 13(2). – P. 32–33

Подгорная К.А.
*студентка кафедры английской филологии № 1
Кемеровского государственного университета
г. Кемерово, Россия*

Два перевода романа Достоевского «Преступление и наказание»: трудности перевода реалий на английский язык

Ф.М. Достоевский является одним из самых переводимых авторов во всем мире, и в частности в Великобритании. Начиная с 19го века было опубликовано несколько переводов его произведений, во многих странах появлялись рецензии и труды в русской и зарубежной критике. При этом восприятие его зарубежными читателями и возможность быть высоко оцененным зарубежной критикой во многом зависело от переводчика и его умения передать особенности индивидуального стиля автора. От переводчика требовалось также сохранить своеобразие стиля писателя и художественные особенности оригинала, давая возможность иностранному читателю в полной мере понять и ощутить быт и культуру эпохи, отраженные автором в произведении. В создании национального колорита художественных произведений особую роль играют этнографические реалии.

Из словарного определения следует, что реалии – «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова». [1, с. 178].

Наиболее полное определение реалии дают болгарские теоретики перевода С. Влахов и С. Флоринов, понимая под этим термином «слова, обозначающие объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому» [2, с. 6-7]. Они же дают наиболее исчерпывающую классификацию реалий. На ее основании в произведении Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» были рассмотрены следующие этнографические реалии: быт (блины, кулебяка, кацавейка, трактир), труд (городовой, помещик, купец), народное искусство и культура (балалайка, «Хуторок», «Периодическая речь»), религия (Богородица, Троица, Вседержитель), меры измерения и деньги (штоф, аршин, копейка, рубль) и др. Эти слова содержат в себе страноведческую информацию, поэтому играют особую роль в

произведении. Именно через знакомство с бытом, культурой и традициями другого народа, становится возможным понять людей и язык другой страны.

Можно выделить две основные трудности при передаче реалий: 1) отсутствие в языке перевода эквивалентов в виду отсутствия у носителей этого языка реалий референта и 2) необходимость передать колорит (коннотацию), т.е. национальную и историческую окраску реалии [2, с. 80]. В перечень возможностей справиться с переводческими трудностями входят: транскрипция (транслитерация), калькирование, освоение, подбор функционального аналога, и описательный перевод [2, с. 87-93].

Прием транскрипция заключается в передаче какой-либо единицы на язык перевода так, как оно произносится в оригинале. Транслитерация – это передача единиц с помощью букв языка перевода. Бархударов Л.С. подчеркивает, что «при транслитерации передается средствами ПЯ графическая форма (буквенный состав) слова ИЯ, а при транскрипции – его звуковая форма» [3, с. 96]. Оба эти способа применяются при передаче иноязычных имен собственных, географических наименований, названий компаний, фирм, газет, журналов и т.д.

Под калькированием понимается «передача иноязычных реалий при помощи замены ее составных частей – морфем или слов их прямыми лексическими соответствиями в ПЯ» [3, с. 98].

Подбор функционального аналога Бархударов Л.С. описывает как «подыскание ближайшего по значению соответствия в ПЯ для лексической единицы ИЯ, не имеющей в ПЯ точных соответствий [3, с. 100].

Описательный перевод – «раскрытие значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления» [3, с. 99]. Этот способ считается наиболее громоздким, зато самым исчерпывающим при переводе реалий.

Такой прием передачи реалий, как освоение подробно описывают С. Влахов и С. Флорин и определяют его как «адаптацию иноязычной реалии, т. е. придание ей на основе иноязычного материала обличия слова родного языка» [2, с. 89].

Первый перевод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на английский язык осуществил в 1885 году Фредерик Вишоу. На сегодняшний день существует около десяти переводов романа на английский язык, выполненных в период с 1885-1992 год. Перевод Констанс Клары Гарнетт, английской переводчицы русской литературы, более 80 лет занимал доминирующую позицию над всеми прочими после его публикации в 1914 году. В 1992 году свой перевод романа опубликовала супружеская пара переводчиков Лариса Гиршевна Волохонская и Ричард Пивир. С этого времени они начинают признаваться основными конкурентами Гарнетт.

Подход к передаче реалий у авторов переводов различается. Так при переводе предметов одежды переводчики применяли прием описательного перевода:

«Она в кумачах, в *кичке* с бисером, на ногах коты...» (ч. 1 гл. 5).

She was dressed in red cotton, in a pointed, beaded **headdress** and thick leather shoes... (Гарнетт).

She is dressed in red calico, with a bead-embroidered **kichka** on her head and boots on her feet... (Пивир-Волохонская).

«Кичка» (кика) – «старинный праздничный головной убор замужней женщины» [4]. Гарнетт использует слово *headdress*, которое, однако, не совсем удовлетворяет переводу незнакомой реалии. Оно обозначает не только «головной убор», но и «кокошник», который могли носить незамужние женщины. Вариант Гарнетт стирает как колорит, так и семантику отдельного слова. Перевод Пивира-Волохонской же помогает подчеркнуть и сохранить национальный колорит произведения.

При переводе кушаний мог применяться весь арсенал переводческих приемов:

«...эссенция **блинов**, жирных **кулебяк**, вечернего самовара, тихих вздыханий и теплых кацавеек...» (ч. 3 гл. 1).

...the essence of **pancakes**, of savoury **fish-pies**, of the evening samovar, of soft sighs and warm shawls... (Гарнетт).

...the essence of **pancakes**, rich **meat pies**, evening samovars, soft sighs and warm vests... (Пивир-Волохонская).

При переводе слова *блины* обе группы переводчиков использовали прием подбора функционального аналога – *pancakes*. При этом внешний вид исконных русских блинов далек от иностранного кушанья. *Pancakes* скорее напоминают любимые русским народом оладьи. Второе блюдо, *кулебяка* обозначает «большой продолговатый пирог с начинкой из мяса или рыбы, капусты, каши» [4]. *Кулебяки* считались традиционным русским блюдом, ели их часто. При этом мясо не было ни основным блюдом городского населения, ни показателем роскоши. Подчеркивая достаток человека, говорили, что он ест «жирно». Во втором переводе это отлично обыграно при помощи прилагательного *rich* – «богатый, роскошный, жирный». Гарнетт же прилагательным *savoury* передает лишь вкус и аромат *кулебяк*.

Другим интересным примером перевода кушаний будет передача реалии «кутья»:

«При этом всегда они брали с собою **кутью** на белом блюде, в салфетке, а **кутья** была сахарная из рису и изюму...» (ч. 1 гл. 5).

On these occasions they used to take on a white dish tied up in a table napkin **a special sort of rice pudding with raisins**... (Гарнетт).

On those occasions they always made **kutya** and brought it with them on a white platter, wrapped in a napkin, and **kutya** was sugary, made of rice, with raisins... (Пивир-Волохонская).

Гарнетт использует описательный перевод, называя кушанье один раз. Это делает предложение лаконичней, хотя его структура отличается от структуры оригинала; меняется и ритм предложения. Пивир-Волохонская прибегают к транслитерации, сохраняя национальный колорит произведения.

Так как в предложении есть описание реалии, сносок и примечаний для расшифровки элемента русской культуры не требуется.

При переводе названий газет обе группы переводчиков прибегают к калькированию:

«Два месяца назад имел удовольствие в *«Периодической речи»* прочесть» (ч. 3 гл. 5).

I read it with pleasure two months ago in *the Periodical Review* (Гарнетт).

I had the pleasure of reading it two months ago in *Periodical Discourse* (Пивир-Волохонская).

Тандем Пивир-Волохонская использует слово *discourse* для передачи названия русской газеты. Это слово, означающее «лекцию, речь, трактат» не является типичным для названий газет, а вариант Гарнетт, *review*, встречается в названии таких газет как, «Saturday Review», «The National business Review», и др. Переводчица опирается на традиционные английские названия.

Таким образом, Гарнетт в своих переводах стремится снять национально-специфический барьер, делая упор на повествовании и сюжете произведения. Пивир-Волохонская же стремится отразить особенности русской культуры, сохранить колорит произведения и показать, что все поступки его героев обусловлены именно русской ментальностью.

Литература

1. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь /Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения», 1975. –240 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 18-е. / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1986. – 786 с.

Новые тенденции развития молодежного языка коммуникаций во Франции

«On parle toujours mal, quand on n'a rien à dire» (Voltaire)

Аннотация:

This article is devoted to the new coming special French language using in sms by French teenagers. It spreads all over the country. The influence of invented electronic language is obvious. Teenagers try to use it everywhere. The conclusion is: adults have to learn this language in order to understand it.

Эта статья посвящена появлению нового французского специального языка молодежи и студенчества, широко используемого в электронном общении и в sms посланиях. Своеобразный язык стремительно захватывает все новые территории государства. Старшему поколению следует внимательно присмотреться и изучить вновь появившийся язык, чтобы лучше понимать его.

Ключевые слова:

IT технологии, электронные письма, sms сообщения, влияние мобильного телефона, ребус, язык подростков.

IT технологии полностью заполнили все наше жизненное пространство. Отправить электронное письмо, переговорить по мобильному телефону, использовать Webcam – все это заставляет нас думать, что мы действуем быстрее, лучше и умнее. 90 % французов полагают, что интернет – это символ прогресса и «открытого окна» в мир, а мобильный телефон – это самое гениальное изобретение человечества конца XX века. Благодаря ему можно переговорить с кем угодно и когда угодно. Но царство перманентной коммуникации полностью разрушило живой контакт между людьми. Ни электронные письма, ни даже голос по телефону не смогут заменить присутствие человека, искренность взгляда или жест. В особенности технический прогресс «накрыл» подростков. 90 % французских школьников и студентов предпочитают отправлять sms, чем даже поговорить по телефону. Сторонники sms считают, что они экономят время и деньги. Широко используется sms для назначения и переноса свидания, для признания в любви и т. д. Но давайте повнимательнее проанализируем сентиментально электронные письма. Неужели это будет что-то близкое к письму Татьяны Онегиной? К сожалению далеко нет. Во французском языке появился особый подростковый язык sms что-то вроде письменного кода. Цель одна – как можно больше сообщить и как можно меньше написать.

Например: Vjr – Bonjour; либо КОА2? – Quoi de neuf? – что нового? Не правда ли, похоже на ребус? Сторонники «за чистоту французского языка» приходят в ярость при виде подобного: фонетическое правописание, буквы и

цифры заменяют целые слова, а иногда и целые слова. Они осмеивают также лингвистические нововведения, подчеркивая, что в них нет ни тонкости, ни глубины экспрессии.

mé s ou – mais c'est où?- Где это?

pa 2 koi – Pas de quoi- Не за что!

A2m'1 – A demain!- до завтра

PDP – Pas de probleme.- Нет проблем.

mer6 - merci

Те, кто не согласен так строго судить подрастающее поколение, напротив, усматривают в sms изобретательность, креативность и юмор.

yaka – il n'y a qu'à

gf1 – J'ai faim – я голоден.

Je VOGné – Je vais au cinéma – я иду в кино.

Язык-код далеко перешагнул через границы только одного языка, в частности французского. Аббревиатуры включают в себя и элементы английского лексикона.

b4 – before (avant)- до, раньше

bye – au revoir- до свидания

sys – à bientôt (see you soon)- до скорой встречи

2day – aujourd'hui (today)- сегодня

4evr – forever (pour toujours)- навсегда

\$ - argent- деньги

up2u – comme tu veux (up to you)- как ты хочешь

Как бы не спорили поборники и противники о целесообразности применения «языка sms», он уже существует. Большинство французских подростков переписываются sms, широко используя язык аббревиации и кодирования.

Цель написания статьи – проинформировать коллег о массовом применении такого французского языка для sms и электронной почты. Кто знает, может быть завтра и Вы получите AD TAJLUR – A tout à l'heure – До скорого.

Литература

1. P. Ripert _ Dictionnaire des difficultés de la langue française. Max – i –Livres, 2002, France.
2. Talking the World [Электронный ресурс] //Belgien – 2010.

Роль судьбы в повести И.С. Тургенева «Фауст»

Слово «судьба» принадлежит к древнейшим ключевым словам нашей культуры. В различных энциклопедиях, словарях, справочниках под понятием «судьба» понимают неразумную и непостижимую предопределенность событий в жизни человека некой внешней силой. Так, в словаре В.И. Даля судьба определяется как "участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, не-минучее в быту земном, пути провидения"[1;832]. Попытаемся проследить на анализе повести И.С. Тургенева «Фауст», какое значение «судьбы» применимо в данном произведении.

Повесть «Фауст» была написана И.С. Тургеневым в 1856 году. Иван Сергеевич писал свое произведение в пору политического кризиса, когда закончилась Крымская война и умер Николай I. Эта повесть также написана в сложный для писателя период, как в биографическом, так и психологическом планах. Огромную роль в написании повести сыграли личные переживания писателя, его семейная неустроенность. Психологическая сложность существования для Тургенева в это время сопряжена со вступлением в зрелый возраст: "Я должен проститься с мечтой о так называемом счастье, или, говоря яснее, - с мечтой о веселости, происходящей от чувства удовлетворения в жизненном устройстве "[2; 11].

В 1850-е гг. писатель начинает изучать А. Шопенгауэра, под воздействием которого он приходит к выводу, что в зрелом возрасте человек от юношеского стремления к счастью постепенно переходит к беспристрастному отношению вещей. Тургенев пишет: "Мне скоро сорок лет, не только первая и вторая, третья молодость прошла – и пора мне сделаться, если не дельным человеком, то, по крайней мере, человеком знающим, куда он идет и чего хочет достигнуть "[3; 269].

В письмах писателя второй половины 1850-х годов предстает картина внутренней борьбы автора посланий с самим собой. Актуальной для Ивана Сергеевича становится проблема ограничения себя, отказа, отречения от важнейших жизненных ценностей. Эта же проблема становится одной из основных в повести «Фауст».

Отречение является одним из важных мотивов книги мемуаров И.В. Гете «Поэзия и действительность». Он рассматривает в четвертой части данный мотив как одну из важных закономерностей человеческой жизни. Объяснение этой закономерности у Гете носит двойственный характер. По мысли Гете, с одной стороны, все сферы человеческой жизни требуют от конкретного человека от многих дорогих ему мыслей, чувств: "Многое из того, что внутренне от нас неотъемлемо, нам возбраняется обнаруживать

вовне, то же, в чем мы нуждаемся извне для понимания нашей сущности, у нас отнимается, взамен нам навязывает многое, нам чуждое, даже тягостное"[4; 566].

С другой стороны, каждое отречение непрерывно восполняется человеком "либо силой, энергией и упорством", либо "... ему приходит на помощь легкомыслие... Оно-то позволяет в любую минуту поступаться какой-нибудь частностью для того, чтобы в следующий миг схватиться за новую, так мы всю жизнь бессознательно сами восстанавливаем"[5; 566].

По мысли Гете, существуют разные типы психологических реакций на необходимость отречения. Его мысль близка Тургеневу, в своем произведении он изображает героев, реагирующих по-разному на превратности судьбы. Ельцова-старшая относится к типу людей, которые, с позиции Гете,

"силой, энергией и упорством" восстанавливают самих себя. Героиня приходит к заключению о трагичности жизни, становится после этого жестко рассудочным человеком, выбрав для себя между приятным и полезным последнее. " Я думаю, надо заранее выбрать в жизни или полезное или приятное, и так уж решиться, раз навсегда"[6; 98].

Она делает свой выбор, простившись с молодостью и приступив воспитанию своей дочери. Она старается оградить дочь Веру от пробуждения эмоциональной жизни.

Внутреннее состояние Ельцовой-старшей может быть соотнесено с душевным состоянием самого писателя в начале второй половины 1850-х годов. Как и сам писатель, героиня, вступив в зрелый возраст, осознала трагизм жизни, посредством рассудка и воли пытается уберечь от катастрофы свою жизнь и жизнь дочери. Мать своим воспитанием наносит вред дочери, тем, что отнимает у нее молодость. Она не учитывает того, что человек познает истину по частям, она пытается дать дочери готовую истину, свой жизненный опыт вместить в картину мира, которая еще только начинает формироваться. По мысли самого писателя Ельцова-старшая переоценивает роль рассудка и воли в человеческой жизни. Несмотря на то, что в понимании матери Веры действительность трагична, а человек подвластен «тайным силам» природы, она, тем не менее, полагает, что можно в определенной мере управлять жизненными закономерностями. В письмах второй половины 1850-х годов Тургенев много говорит о «деланьи себя» в молодости. Но это может совершить человек, переживший молодость и, по мысли писателя, воспитать себя можно лишь в соответствии с данными природы: Мать лишает также дочь живой динамики развития. Вера-человек без возраста: "Когда она вышла мне навстречу, я чуть не ахнул: семнадцатилетняя девочка, да и только! Только глаза не как у девочки, впрочем, у ней и в молодости глаза были не детские, слишком светлы. Но то же спокойствие, та же ясность, голос тот же, ни одной морщинки на лбу, точно она все эти годы пролежала где-нибудь в снегу "[7; 101].

Несмотря на то, что мать Веры старалась в определенной мере управлять жизненными закономерностями, она не учла самого главного,

того, что на жизнь человека влияют тайные, непостижимые силы природы, над которыми человек не властен. Стремясь оградить свою дочь от эмоциональной жизни, она не сумела уберечь ее от смерти. В толковом словаре Даля синонимами понятия «судьба» являются «участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения». Судьба Веры – это злой рок, который преследует ее с рождения, предопределение, данное свыше. Известный лингвист А. Вежицкая писала: "...слово *судьба* своим значением отчетливо намекает на то, что скорее можно ожидать наступления чего-то плохого, чем хорошего (хотя в целом жизнь человеческая скорее непредсказуема, чем бессмысленна или необходимым образом трагична)" [8; 22].

Повесть «Фауст» на примере образа Веры Ельцовой показывает, что судьба человека непредсказуема, непостижима, над которой он не властен, и которую он не в силах разгадать.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современное написание. – М., 2004, с. 832
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. М.: Наука, 1988., Т.3: Письма, с.11
3. Тургенев И.С. Указ.соч., с. 269
4. Гете И.В. Собр. соч.: в 10-тт. М., 1976., Т.3., с.566
5. Гете И.В. Указ. соч., с.566
6. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. М.: Наука, 1988., Т.5: Письма, с.98
7. Тургенев И.С. Указ.соч., с. 101
8. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997,с.22

Свиридова Т.Н.

*старший преподаватель кафедры ИЯ ЕНН
Сибирского федерального университета
г. Красноярск, Россия*

Обучение аудированию в свете коммуникативной направленности обучения иностранному языку в вузе

В связи с развитием интернета, активным установлением кросскультурных отношений в процессе студенческого обмена и открывшимися перед современным студентом возможностями работы и путешествий в англоязычные страны возрастает потребность в языке не только как в средстве общения, но и способе получения нужной информации. Практика показывает, что студенты с той или иной успешностью могут донести до собеседника свое сообщение, однако не всегда понимают сказанное в ответ.

Аудирование – составляет основу общения, с него начинается овладение устной коммуникацией. Владение таким видом речевой деятельности, как аудирование, позволяет человеку понять то, что ему

сообщают и адекватно реагировать на сказанное. В этом случае аудирование учит культуре речи: слушать собеседника внимательно и всегда дослушивать до конца, что является важным не только при разговоре на иностранном языке, но и при разговоре на родном.

Аудирование служит мощным средством обучения иностранному языку. Оно дает возможность овладевать звуковой стороной изучаемого языка, его фонемным составом и интонацией: ритмом, ударением, мелодикой. Через аудирование идет усвоение лексического состава языка и его грамматической структуры. В то же самое время аудирование облегчает овладение говорением, чтением и письмом.

Специфические особенности аудирования происходят из того, что вместе с говорением они являются взаимосвязанными сторонами устной коммуникации, а коммуникативный подход, как известно, является основой обучения иностранному языку, его целью и средством. Коммуникация невозможна без взаимодействия. Студент должен чувствовать себя равноправным партнером в акте коммуникации, а не объектом. Взаимодействие создает мотив и стимул, и здесь аудирование выступает основой успешности речевого взаимодействия. Развитие этого навыка обеспечивает понимание сообщения и представляет модель лингвистического оформления высказывания.

Говоря об особенностях обучения аудированию, необходимо обратить внимание на мотивацию. При наличии сильной мотивации обостряется речевой слух, чувствительность органов ощущения, внимание становится более целенаправленным и значительно повышается интенсивность мыслительных процессов. При создании мотивации необходимо помнить о том, что тексты не должны быть слишком трудными, чтобы не вызывать разочарования у студента, или слишком легкими.

Мы считаем, что тексты для прослушивания должны быть аутентичными с первых занятий, чтобы у студентов формировалось правильное произношение и развивался точный речевой слух. Разнообразие современных учебно-методических комплексов Кембриджского и Оксфордского изданий позволяет с легкостью решить проблему отбора текстов. Их преимущество перед отечественными учебными пособиями состоит в том, что они составлены носителями языка и национальной ментальности. Аудиотексты раскрывают специфику страны, особенности мировосприятия и мироощущения.

Кроме аутентичности ментальности, существует понятие аутентичности оформления. В английских УМК материал начитан носителями языка и отличается по уровню сложности. Например, на дисках к учебникам уровня Elementary дикторы имеют четкое произношение, хорошую артикуляцию, темп речи средний. По мере продвижения студента в изучении иностранного языка усложняются и условия процесса аудирования – ускоряется темп, допускаются возрастные и индивидуальные особенности речи говорящего, разговорные фразы, а так же внешние помехи в виде музыки, шума с улицы, смеха, телефонных звонков и т.д. Без таких

мелочей аудиотекст кажется искусственным, и реальная языковая коммуникация теряется.

Мы считаем целесообразным обратить внимание на основные трудности при работе над аудированием. Их необходимо знать, учитывать и искать способы их преодоления для наиболее эффективного построения занятия и правильного выбора форм работ над аудиоматериалом.

Какие же трудности возникают при обучении аудированию?

Трудности, связанные с языковыми аспектами и трудности, связанные с особенностями речи.

Трудности, связанные с языковыми аспектами могут быть разделены на три группы:

1. *Фонетические.* Под этим предполагается отсутствие четкой границы между звуками в слове и между словами в потоке речи. Различаются два аспекта слуха: фонематический (восприятие отдельных языковых явлений на уровне слов и структур) и речевой, который включает в себя процесс узнавания целого в контексте. Необходимо отметить, что при обучении аудированию на аутентичных материалах нужно развивать именно речевой слух. Индивидуальная манера речи может быть очень разнообразной и представлять трудности для ее восприятия и понимания. На родном языке эта трудность компенсируется огромной практикой в слушании, однако опыт слушания иноязычной речи у учащихся очень ограничен. Для того, чтобы преодолеть трудности, связанные с пониманием речи носителей языка, необходимо уже с начала обучения слушать их речь, постепенно сокращая количество учебных текстов, предъявляемых преподавателем. Следует помнить и то, что чем больше носителей языка (мужчин, женщин, детей) будет слушать обучающийся, тем легче он адаптируется к индивидуальной манере речи.

2. *Грамматические.* Ряд грамматических трудностей связан прежде всего с наличием грамматических форм, не свойственных русскому языку. Воспринимая фразу, студент должен расчленить ее на отдельные элементы, то есть информативные признаки звучащей фразы, которые физически выражены соответствующими речевыми качествами. Существует три физически выраженных речевых параметра: интонация, наличие пауз и логическое ударение.

Значит, для успешного понимания иноязычного текста следует обратить внимание на развитие у обучаемых навыков адекватного восприятия интонации, пауз и логического ударения.

3. *Лексические.* Именно на наличие многих незнакомых слов обучаемые указывают как на причину непонимания текста. Нам представляется необходимым осветить эту проблему подробнее.

Основная сложность при восприятии иноязычной речи заключается в том, что языковая форма долгое время является ненадежной опорой для смыслового прогнозирования, потому что именно на ней концентрируется внимание учащегося, хотя изменить ее он не может. Поэтому необходимо вырабатывать у него способность принимать информацию и при наличии

незнакомых языковых явлений, путем ее фильтрации, селекции и приблизительного осмысления.

Студентов необходимо специально обучать умению понимать на слух речь, содержащую незнакомую лексику. Невоспринятые или неправильно воспринятые части речевого сообщения (слово, словосочетание, фраза) восстанавливаются учащимися благодаря действию вероятностного прогнозирования (способность предугадывать новое в опоре на уже известное), следовательно, нужно добиваться прогнозирования смысла высказывания, когда форма и содержание образуют полное единство.

Трудности второй группы заключаются в следующем.

Обучаясь на своей родине и не имея достаточных контактов с носителями языка, студент, как правило, не обладает необходимыми знаниями об окружающем мире применительно к стране изучаемого языка, поэтому он интерпретирует речевое и неречевое поведение говорящего - носителя языка с позиции своей культуры и своих норм поведения в определенных ситуациях общения. Это может привести к неправильному пониманию воспринимаемой информации и нарушению контакта.

Следовательно, обучающийся должен обладать умениями воспринимать и понимать устный текст с позиции межкультурной коммуникации, для чего ему необходимы фоновые знания. Только обладая этими знаниями, слушатель может правильно интерпретировать речевое и неречевое поведение носителя языка.

Аудирование, наряду с говорением, обеспечивает возможность общения на иностранном языке. Поскольку речевое общение - процесс двусторонний, то недооценка аудирования, то есть восприятия и понимания речи на слух, может крайне отрицательно сказаться на языковой подготовке студентов. Так как часто именно несформированность аудитивных навыков является причиной нарушения общения. Высказывания обучаемых о том, что они порой не понимают обращённых к ним вопросов, подтверждает тот факт, что пониманию речи на иностранном языке нужно учить специально.

Литература

1. Елухина Н.В. Преодоление основных трудностей понимания иноязычной речи на слух как условие формирования способности устно общаться. / Н.В.Елухина // Иностранные языки в школе. 1996. - №4. - С. 25-29.
2. Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. / Л.П.Доблаев. - М.: Педагогика, 1982.

Концепты «свет» и «тьма» в поэтической картине мира Ю. Шесталова

Юван Шесталов (1937-2011) - представитель малочисленного народа манси, живущего на территории Западной Сибири. Он - исследователь жизни своего народа, сумевший отразить в своих стихах всё самое лучшее из сокровищницы народного опыта. Вл. Солоухин в предисловии к книге «Языческая поэма» называет Ю. Шесталова «первым поэтом народа манси» [1, с. 3]. Он замечает, что «народ не безмолвен, не нем. Слышатся причитанья, звучат колыбельные песни, в долгие зимние ночи плетутся сказки», но всё это – устное народное творчество, и только с обретением мансийским народом письменности смог появиться настоящий поэт, который вобрал в себя «все те духовные, поэтические драгоценности, что были накоплены за века» и показал их всем.

Ю. Шесталов родился в семье потомственного оленевода и рыбака, его дед был шаманом. Он, как многие поколения его предков, вырос в чуме, день за днём познавая мир вокруг себя. С раннего детства он впитывал окружающую красоту. Позже все эти образы родной природы; виденных, слышанных и прочувствованных сердцем песен, сказаний, обрядов отразились в его творчестве.

Поэтическая картина мира Ю. Шесталова пронизана светом, и это тоже, скорее всего, признак глубокой народности поэта. Свет всегда играл в жизни людей некую обобщающе - смысловую роль. «Свет (как, впрочем, и тьма) является таким безлико – всеобщим началом, которое мгновенно охватывает, обволакивает, объемлет весь вещный мир, представая в виде естественной, доступной каждому, хотя и неизведанной природной стихии» [2, с. 21].

Анализ вербализованных концептов «свет» и «тьма» проводился на базе сборника более ранних стихов «Языческая поэма» [1] и подборки стихов, написанных в 90-е годы и опубликованных в альманахе «Врата Сибири» [3].

В своих стихах Ю. Шесталов отождествляет себя с родной природой, он – частичка огромного, могучего, сказочного края, взрастившего его. Воспоминание о детстве наполняют его душу особым чувством: «Я проснулся. Рощи / Песни распевали. / Хохотали чайки, / Небеса сияли. / ...Из дощатой будки / Выглянули разом / Два веселых солнца - / Два собачьих глаза» [1, с. 20]. Всё радует поэта – и шум деревьев, и крик птиц, и солнечный свет с небес, и его отблеск в преданных собачьих глазах. Метафорический образ глаз собаки, отражающих солнечный свет, придаёт этим строчкам особый оттенок доброты и нежности. Использование лексем «сиять» - «1. Испускать сияние. 2. Блестеть, светиться радостью» [4, с. 719] и

«солнце» - «1. Небесное светило. 2. Свет, тепло, излучаемое этим светилом [4, с. 746], содержащих в своём составе сему света, помогает поэту нарисовать поистине счастливую картину.

Тема единения с природой продолжается в следующих строках: «Щурится солнце от счастья / В чистой без туч вышине, / Его золотые запястья / Ложатся на плечи мне [1, с. 91]. Создаётся впечатление, что Солнце и поэт – большие друзья, это ощущение возникает у читателя благодаря олицетворению солнца с человеком; у солнца тоже есть руки, которыми он может обнять, солнце может сошуриться в весёлом смехе. Хотя в данном отрывке поэтом использованы лексические единицы с периферии концепта «Свет», эти поэтические строки пронизаны светом доброты.

Ночью природа не погружена во мрак, поэт любит свет, отражённым от речной воды: «Лунный луч узоры ткёт / На речной излуке... [1, с. 91]. Метафорическое сравнение луны с мастерицей, умеющей ткать красивые узоры, делает этот образ чрезвычайно поэтичным. Периферийное положение лексемы «луч» в концепте «Свет» всё же даёт возможность представить не только красивую, но и светлую картину.

Особенно много света в лесу, припорошенном инеем; свет льётся с небес, преломляется в звёздочках инея и рассыпается блёстками вокруг: «Бисер искрится огнём / Весь в лучистых блёстках / Так сияет ясным днём / Иней на берёзках» [1, с. 89]. Автор привлёк к описанию чудесного явления четыре лексемы, содержащих в своём лексическом значении сему света: «блёстки» - «светящиеся точки на чём-нибудь» [4, с. 51]; «искриться» - «сверкать блёстками, искрами» [4, с. 252]; «сиять» - «испускать сияние; светиться» [4, с. 719]; «ясный» - «яркий, сияющий; светлый» [4, с. 919]. Слово «лучистый» также относится к концепту «Свет», находясь на его периферии. Созданный образ действительно сказочен.

Ю. Шесталов обращается к световым образам и в тех случаях, когда он говорит о своих чувствах. Свет пронизывает стихотворение, посвящённое любимой женщине: «Тишина, узоры дальних молний, / Брызги солнца, радуга и ты - / Всё слилось в едином миге, полном / Ясной и прозрачной красоты.../...И глаза твои теплее солнца / И душа моя светлей реки...» [1, с. 38]. Красота природы после грозы, когда всё вокруг сверкает солнечными бликами, когда воздух напоен свежестью, находит отклик в сердце поэта. Всё находится в светлой гармонии, ощущение гармонии усиливается многочисленными световыми характеристиками; лексемы «светлая», «ясная», «прозрачная» имеют доминантную сему света (так, «прозрачный – свободно пропускающий свет, просвечивающий» [5, с. 3, 488]); лексемы «солнце», «молнии» также относятся к концепту «Свет» и находятся на его периферии. В данном стихотворении понятие «свет» приравнивается поэтом к понятию «счастье».

Ещё в одном стихотворении поэт воспекает древние сказки своего народа и сам перевоплощается в образ сказочного богатыря Отыра, который скачет на волшебном коне и держит в руках солнце и молнию: «Мир древних сказок и широк, и светел, / В нём всё волшебное – и моря, и горы. / Я тоже

сказочный. В одной руке держу / Я молнию. В другой пылает солнце. / И вот на сказочном коне сию, / И конь галопом сказочным несётся / Зовут меня Отыр – небесный сын...» [1, с. 149]. Нужно отметить, что разные этносы порой имеют общие мифологические прароды, что подтверждает, что древний пранарод имел «устойчивую систему знаний об устройстве и эволюции мироздания». «Светоносный, поистине «космический образ» богатыря Отыра, воспетого древним народом манси, перекликается с образом Царевны – лебедя, созданного «воображением древних славян, прекрасной волшебной Девы с горящей звездой во лбу». О «вселенской предназначенности Девы Света» (освещать, светить) читаем у А. С. Пушкина: «Днём свет божий затмевает, / Ночью землю освещает, / Месяц под косою блестит, / а во лбу звезда горит.» [Цит. по 2, с. 37].

О «светлом» своём предназначении – воспевать добро, красоту, рассказывать людям о родном народе, его традициях и культуре говорит Ю. Шесталов в следующем стихотворении, где он отождествляет себя с шаманом, а они издревле заявляли о своей способности говорить с богами: «Я – певец глухариных урманов, / Я – шаман зацветающей тундры, / Сын Луны и племянник Солнца, / Заклинатель неправды и злобы, / Юван с Сосьвы – Реки Горностаев,...» [1, с. 160]. В этих строках слышатся ритмичные удары бубна, протяжные древние заклинания шамана, колдующего во имя добра. И как подтверждение самых светлых намерений поэта – «шамана» находим у него эти строки: «И вот беру я с музейной полки / Звонкий бубен мой, .../ ...Над костром добра его грею,.../... Грею над пламенем светлой надежды» [1, с. 165].

Лексема «пламя» - «лёгкая и подвижная субстанция, распространяющая вокруг себя свет и тепло» [15, с. 2, 233] содержит в своей семной структуре сему света, а в лексеме «костёр» дифференциальная сема света выявляется на втором уровне компонентного анализа: «костёр» - «горящие дрова, хворост, сложенный в кучу» [4, с. 300]; «гореть – (о свете) – быть, излучаться» [4, с. 139]. Метафорические образы горящего костра и пламени, дающих людям не только тепло и свет, но и греющих их, освещающих им путь добром и надеждой, по-настоящему удивительны.

Вся ранняя лирика Ю. Шесталова наполнена светом, образы тьмы («тьма – отсутствие света, мрак» [4, с. 818]) встречаются крайне редко. Те единичные лексемы, которые относятся к концепту «тьма», поэт использует как противопоставление свету для усиления световых образов. Например, в стихотворении «Клянусь» автор пишет: «Небом, землёй, огнём, водой / Клянусь: / ...Испепелиться в жгучем огне, / Не видеть свет золотого дня, / ...Вечную мглу и темноту мне, / Если правду вам не скажу.» [1, с. 8]. В этих строчках – кредо Ю. Шесталова быть голосом своего народа, смотреть на мир его глазами, быть всегда вместе с ним. «Вечная мгла» и «темнота», отлучение от «света золотого дня» видятся поэту самым страшным наказанием, которое только может быть.

В более поздней лирике (90-е гг.) лексемы, представляющие концепт «тьма», используются поэтом намного чаще. Меняется настроение

лирического героя. Радость и оптимизм уступают место тревоге, неуверенности и страху: «Чёрный жир земного чрева, / Что людей веками греет, / Чёрной смертью обернётся, / Всё собою пропитав. / Почернеют мхи и травы, / Шерсть и перья почернеют, / И земное чрево вспыхнет, / От усилия устав» [3, с. 173]. Неоднократное использование лексем «черный», «почернеть», имеющих сему отсутствия света, не только помогает нарисовать страшную картину будущего, но и нагнетает настроение безысходности. Ю. Шесталов видит, как страдает родная земля от нашествия человека, как подтачиваются жизненные устои маленького северного народа: «Только вижу я - / Вымирает племя моё, / Переживши века...» [3, с. 179]. Прогресс, который так радовал поэта раньше, пугает своей разрушающей неотвратимостью: «А дальше - / Хуже. / А дальше - / Ужас /...Тогда и наступит / Ночь» [3, с. 175]. В контексте данного стихотворения «ночь» означает конец всему живому, теплomu, счастливому. Наличие у лексемы «ночь» семы «отсутствие света» помогает создать мрачный метафорический образ конца жизни на земле. Природа наказывает людей за безумное и варварское отношение к себе, это теперь главная боль поэта: «Мы покоряем Природу, / Гордые. Вот нас Природа об стол - / Да мордою» [3, с. 178].

И всё же надежда на то, что светлое начало победит, не покидает поэта. Он обращается к Солнцу – одной из богинь своего древнего народа – за помощью, употребив в четырёх строках шесть лексем, относящихся к концепту «Свет»: «Золото солнца! / Сияй! Солнце – Богиня! / Пылай! Ах, как ты жарко / Палишь. Может быть, нас / Исцелишь?» [3, с. 173]. Эти строки – молитва, мольба к солнцу обратить свой животворный свет на многострадальную землю. Создаётся впечатление, что Ю. Шесталов не только призывает светило «опалить» всё дурное своим светом и жаром, но и сам готов подбросить хвороста в этот исцеляющий костёр.

Подводя итог, отметим несомненную народность поэзии Ю. Шесталова. Его стихи – отражение глубинной мудрости маленького народа манси, его представлений о мире. Неистребимая вера Ю. Шесталова в добро нашла отражение и в наполненности концептов «свет» и «тьма» в его поэтической картине мира, она вся пронизана светом. Световых образов в исследованных нами стихотворениях неизмеримо больше, свет почти всегда ассоциируется у поэта с понятиями «красота», «добро», «счастье», тогда как образы тьмы, появившиеся в 90-е годы, нередко говорят о печали, зле, смерти.

Литература

1. Шесталов Ю. Н. Языческая поэма. - / Ю. Н. Шесталов. – М.: Изд-во «Современник», 1978. – 200 с.
2. Демин В. Н. К звёздам быстрее света: Русский космизм вчера, сегодня, завтра. - / В. Н. Демин, В. П. Селезнев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 432 с.
3. Врата Сибири. Литературно-художественный и историко-краеведческий альманах. – Тюмень. – 2011. - № 1. – 272 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. - / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
5. Словарь русского языка 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньева. – М.: Рус. яз., 1984.

Трегубова Ю.А.

к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков специальных дисциплин ЕГУ им. И.А.

Бунина, г. Елец, Россия

Демина Е.Р.

студентка факультета иностранных языков

ЕГУ им. И.А. Бунина,

г. Елец, Россия

Английские заимствования в текстах вывесок и названий предприятий сферы обслуживания г. Ельца Липецкой области

В последнее время в России появляется все больше заимствований из разных языков, однако большая часть из них принадлежит английскому языку. Заимствования из английского языка присутствуют в разных сферах современной жизни – в сфере инноваций, компьютерных технологий, бизнеса и рекламы.

В настоящее время в г. Ельце Липецкой области создана туристско-рекреационная зона. Основной акцент делается на сохранение древнего облика и архитектурной среды, которая была сформирована до середины XIX века. В связи с этим возникает вопрос: насколько уместны образцы рекламы, содержащие иностранные заимствования на старинных елецких улочках? И все ли вывески выполнены грамотно и соответствуют нормам языковой системы отдельно взятого языка?

Прежде всего, интересно выяснить причину, по которой иностранные вывески стали столь популярны в г. Ельце. Неужели большая часть жителей владеет английским языком на таком уровне, что способна перевести их?

Для изучения английских заимствований в названиях и вывесках сферы услуг г. Ельца было проанализировано более 70 названий и вывесок магазинов, кафе, ресторанов, туристических агентств, гостиниц, салонов красоты, офисов сотовой связи.

Большая часть проанализированных заимствований из английского языка встречается в названиях магазинов – почти 67 %, по 11% заимствований отмечены в названиях ресторанов кафе, баров и салонов красоты, 6% – туристические агентства и различные клубы, 5% – названия салонов сотовой связи. Эти результаты позволяют говорить о движении к двуязычию в употреблении английских слов в названиях магазинов, фирм и их рекламе.

Проанализировав ряд примеров подобной наружной рекламы, мы пришли к выводу, что составление какой-либо их классификации представляет собой сложность, т. к. все образцы крайне разнообразны и зачастую выражают индивидуальность владельца. В вывеске может содержаться слово, которое для нас незнакомо, хотя хозяин заведения с его помощью выразил свои вкусы, предпочтения или намерения. Именно по этой причине мы попытались распределить рассматриваемые примеры иноязычных заимствований согласно нескольким классификациям. Стоит

также принять во внимание тот факт, что некоторые слова были представлены сразу в нескольких группах.

Прямые заимствования, т.е. слова, встречающиеся в русском языке приблизительно в том же виде и в том же значении, что и в английском. Сюда можно отнести названия следующих предприятий торговли и предоставления услуг г. Ельца: кафе: «Hollywood» (рус. Голливуд), «Caramel» (рус. Карамель); магазины: «Extreme» (рус. экстрим – выдающиеся, экстраординарные действия, как правило связанные с опасностью для жизни), «Amsterdam» (Амстердам), «Verona» (рус. Верона), «Trend» (рус. тренд – основная тенденция изменения), «Pelican» (рус. пеликан).

Данные названия являются замечательной предпринимательской находкой, поскольку в них использованы слова, знакомые носителям русского языка. Они прочно вошли в современный лексикон, хотя некоторые из них, такие как «экстрим», «тренд», «фото» появились в нем совсем недавно. В любом случае, слова употребляются в речи, а значит, они воспринимаются потенциальными покупателями.

Также мы рассмотрели ряд **гибридов**, т.е. слов, образованных присоединением к иностранному корню русского суффикса, приставки и окончания: салон красоты «Egoist&Ka», магазин «Канц-Market», «Photo-Сувенирка».

Гибриды также используются с целью привлечения потребителей. Мы можем наблюдать это в наружной рекламе салона красоты «Egoist&Ka», добавление русского суффикса, указывающего на женский род, явно демонстрирует направленность салона.

Еще одной группой в нашей классификации являются **кальки** – слова иноязычного происхождения, употребляемые с сохранением их фонетического и графического облика. Сюда относятся названия следующих заведений: ночной клуб «Инфинити», торговый дом «Элегант», магазин подарков и сувениров «Смайл», магазин «Микс», парикмахерская «Стайл», компьютерный супермаркет «Никс».

Полукальки – это слова, которые при грамматическом освоении подчиняются правилам русской грамматики. К этой группе относятся иноязычные слова на вывесках магазина мужской одежды «Респект», тренажерного зала «Драйв».

Кальки и полукальки также используются владельцами различных заведений с целью привлечения внимания клиентов. Ведь с одной стороны, на вывеске присутствует слово иноязычного происхождения, что очень популярно в настоящее время, а, с другой стороны, это слово написано привычными русскими буквами и не вызывает сложностей при его восприятии.

Среди многочисленных вывесок мы также можем наблюдать примеры **экзотизмов**, т.е. тех слов, характеризующих специфические национальные обычаи других народов, не имеющие аналогов в русском языке. К таким словам можно отнести название кафе «Блинбургер» Возможно, выбор такого

названия связан с все более растущей популярностью так называемого быстрого питания в России. Многие иноязычные слова, такие как гамбургер, чизбургер и т.д. в связи с этим постепенно пополняют лексику русского языка.

Еще одним приемом, который используют елецкие предприниматели на своей наглядной рекламе, являются **иноязычные вкрапления** – выразительные средства, придающие речи особую экспрессию. Пример подобного вкрапления содержится в вывеске магазина рыболовных принадлежностей «Рыболов О'К», компьютерного супермаркета «Никс». Безусловно, эти новые элементы, появившиеся наряду с русским названием, не останутся без потребительского внимания.

В названии вывесок также можно встретить **компози́ты** – слова, состоящие из двух английских слов. К ним можно отнести магазин одежды «Westland», магазин автозапчастей «Over Drive» (англ. «over drive» или «overdrive» – дополнительное устройство автомобильной коробки передач – повышающая передача), офис сотовой связи «Билайн» (англ. «bee» – пчела; «line» – линия). Интересно отметить, что некоторые владельцы магазинов не считаются с английским правописанием и на вывесках можно найти такой незатейливый пример неправильного написания композита, как «Hand Made». Такое название получил магазин сувениров и украшений ручной работы. Владелец хотел сделать акцент именно на том, что вся продукция выполнена вручную и, вероятно, для этого как нельзя лучше подошло бы английское слово «handmade» (ручной работы). Но в своей вывеске предприниматель решил разбить это слово на две части «hand» (рука) и «made» (делать). В таком виде два этих слова переводятся как отдельные элементы, а значит, утрачивают значение «сделанное вручную». В английском языке, помимо слитного написания данных слов («handmade»), существует вариант с дефисом между ними («hand-made»), но нет варианта раздельного написания, поэтому владелец данного магазина допустил ошибку.

К числу популярных образцов наружной рекламы города Ельца можно отнести названия, содержащие в себе **имена собственные**. Это могут быть, как топонимы, например кафе «Hollywood», цветочный магазин «Amsterdam», обувной магазин «Verona», так и личные имена, такие как ресторан «МАКДОНАЛДС (McDonalds)», магазин одежды «Visconti», магазин женской обуви «Stella», магазин тканей и фурнитуры «Charlie», парикмахерский салон «Lika Style».

Кроме того, в вывесках присутствуют **иноязычные аббревиатуры**, такие как в магазине одежды «S&L», супермаркете цифровой техники «DNS».

Зачастую, название заведения совпадает с фирмой, представленной на английском языке. Мы можем наблюдать это на вывеске магазина посуды «Tupperware», магазине женского белья «MilaVitsa», магазине одежды «BAON».

Стоит отметить, что зачастую на улицах города можно увидеть крайне интересные образцы наружной рекламы, а именно вывески, содержащие в себе иноязычные элементы. К подобным примерам можно отнести название туристического агентства «Travel Tour». Из данного образца наружной рекламы совершенно не понятно, что имел в виду владелец. Ведь эти слова можно назвать синонимами, т. к. они имеют сходное семантическое значение – путешествие, поездка. Даже при условии, что слово «travel» может быть глаголом, смысл данного словосочетания все равно довольно странный.

Также на улицах можно встретить так называемые псевдоанглицизмы в вывесках, т. е. слова, которых в английском языке или нет совсем, или, если они и есть, имеют другое значение или иную графическую форму. К таким примерам можно отнести название салона красоты «Estetica hairs», из которого совершенно не ясно, что хотел передать владелец и на каком языке. Со вторым элементом данного названия все более-менее понятно, «hairs» переводится с английского как «волосы», хотя и употребляется чаще в единственном числе. Что касается слова «estetica», то в таком написании в английском языке его нет, и, если владелец салона красоты все-таки хотел употребить слово «эстетика», то его написание значительно отличается от предложенного – «aesthetics».

К числу псевдоанглицизмов можно также отнести название магазина «NEWMANS». В английском языке существует устойчивое сочетание «new man», которое используется для обозначения молодого человека в молодёжной субкультуре современной Великобритании. Но если в названии владелец хотел использовать такое значение, то почему оба слова написаны слитно и, что наиболее интересно, почему к «man» прибавляется «s». Известно, что данное слово является исключением и образует множественное число по особому принципу (man-men; мужчина-мужчины). Таким образом, ошибка допущена не только в написании, но и в грамматике.

Иногда крайне сложно определить, какой логикой руководствовался владелец магазина, когда выбирал ему название. Так, можно лишь догадываться, почему магазин обуви назван «KARI». Данному слову нет аналогов в английском языке. Существуют созвучные слова, такие как «karrі» - эвкалипт разноцветный; «currу» - острая приправа.

Не понятно название пейнтбольного клуба «Nokidsgame». Словосочетание написано в одно слово, хотя и грамматически оно выстроено неверно. Также на вывеске магазина по продаже чая и кофе «Чайsoff», покупатели могут увидеть русское слово «чай». Что же касается второго элемента, то он не совпадает с английским вариантом «coffe».

В целях изучения функционирования данных английских заимствований в речи жителей г. Ельца нами был проведен социолингвистический опрос, задача которого состояла в том, чтобы получить данные, отражающие степень знакомства носителей русского языка с английскими заимствованиями, которые можно встретить в названиях и вывесках на улицах города. Было опрошено 30 респондентов в возрасте от 12 до 61 года разных профессий.

Так, 100% респондентов указали, что английские слова в названиях магазинов, кафе, ресторанов и т.д. встречаются в последнее время все чаще.

На вопрос «Какие названия кажутся Вам более привлекательными, русские или иностранные?» в группе от 12 до 30 лет 50 % респондентов ответили – иностранные, 34% ответили – русские, и 16% ответили, что не обращают внимания на вывески.

В возрастной группе от 30 до 62 лет на тот же самый вопрос респонденты ответили «русские» – 75%, 13% – иностранные и 12 % – не имеет значения. Таким образом, респонденты старшего возраста считают русские названия более подходящими и понятными, в то время как молодежь и подростки не видят ничего плохого в употреблении иностранных заимствований, считая их более привлекательными и интересными.

Привлекательность английских названий респонденты объясняют следующими причинами: иностранные слова более яркие и интригующие (29% респондентов); иностранные названия подразумевают более модные, качественные и дорогие вещи (21%); иностранные названия более звучные(43%); иностранные слова означают нечто новое, креативное и необычное (7%).

Также респондентам был задан вопрос о том, понимают ли они, что означают английские названия в названиях магазинов, кафе, ресторанов, агентств. 45% респондентов ответили, что им понятны только некоторые слова, т.е. они знают значения лишь небольшой части английских заимствований. 50 % респондентов ответили, что большинство названий им понятны. И лишь 5% сказали, что не знают и не понимают английские слова совсем.

Таким образом, можно говорить о появляющихся признаках двуязычия со вторым английским языком в таких сферах общения русскоговорящих как, например, торговля и предоставление услуг, поскольку туризм в г. Ельце еще не настолько развит, чтобы объяснить появление надписей на английском языке желанием привлечь иноязычных покупателей.

Литература

1. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. – Владивосток: изд-во "Диалог", МГУ. – 1997. – С. 34-45.
2. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35-43.
3. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки рус. культуры, 1996. – С. 142-161.

Проблема жанра книги И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

Вопрос о жанре книги Гончарова «Фрегат “Паллада”» открыт и вызывает споры до сегодняшнего дня. Проблема жанрового определения была заложена уже самим автором. Так, в журнальной редакции главы I «От Крондштата до мыса Лизарда» [1, с.661] имелся подзаголовок: «Из путевых заметок». Сам Гончаров впоследствии так и определял жанр своего произведения. Но чувствуя недостаточность данной формулировки, писатель не настаивал на ней, оставляя за читателем полную свободу понимания: «Ежели читатели найдут этот мой ключ к моим сочинениям – неверным, то они вольны подбирать свой собственный» [2, с.9]. Примечательно и то, что едва ли не с первых страниц повествования автор указывает на отсутствие теоретического осмысления популярного жанра: «Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики...» [3, с.12].

Прижизненная критика в поисках «ключа» к жанру книги противопоставляла ее традициям путешествия и путевых заметок, акцентируя внимание на уникальных художественных особенностях произведения. Н. А. Некрасов отмечал «художническую умеренность красок», которая составляет особенность описаний Гончарова [4, с. 337]. А. В. Дружинин особо выделял авторскую уникальность: «...Г. Гончаров <...> есть путешественник, из всех путешественников наименее похожий на путешественника. В этом его сила и оригинальность...» [5]. Д. Н. Писарев говорил о том, что на эту книгу Гончарова «должно смотреть не как на путешествие, но как на чисто художественное произведение». В его путевых очерках «мало научных данных, в них нет новых исследований [6, с. 31].

Обобщая опыт предшественников, рецензировавших отдельные главы, И. И. Лъховский в предисловии к первому изданию «Фрегата “Паллада”» писал: «...г. Гончаров сбросил с себя условия риторики и описал свою поездку вокруг света так, что она не похожа ни на какое другое произведение этого рода. Голос поэта эпического, романиста, постоянно слышится в рассказе путешественника...» [3, с.784]

В XX веке вопрос о жанре произведения по-прежнему оставался актуальным. Исследователи пользовались устоявшимися формулировками – «очерк», «путешествие», «путевые заметки», не всегда обосновывая свои утверждения.

Так, А.Г. Цейтлин, в примечаниях к роману, указывает: «...Очерки «Фрегат “Паллада”» представляют собою творческий документ,

Непреходящая ценность их заключается, прежде всего, в правдивом отражении в них фактов и процессов объективной действительности...» [7, с. 445].

Так же считает и литературовед С. Петров: «... "Фрегат "Паллада" Гончарова во многом представляет собой классический образец очерков о путешествии...» [8].

И.Н. Мокеева приходит к выводу о том, что перед нами не что иное, как «книга очерков, тесно спаянных» сверхзамыслом автора [9, с. 95].

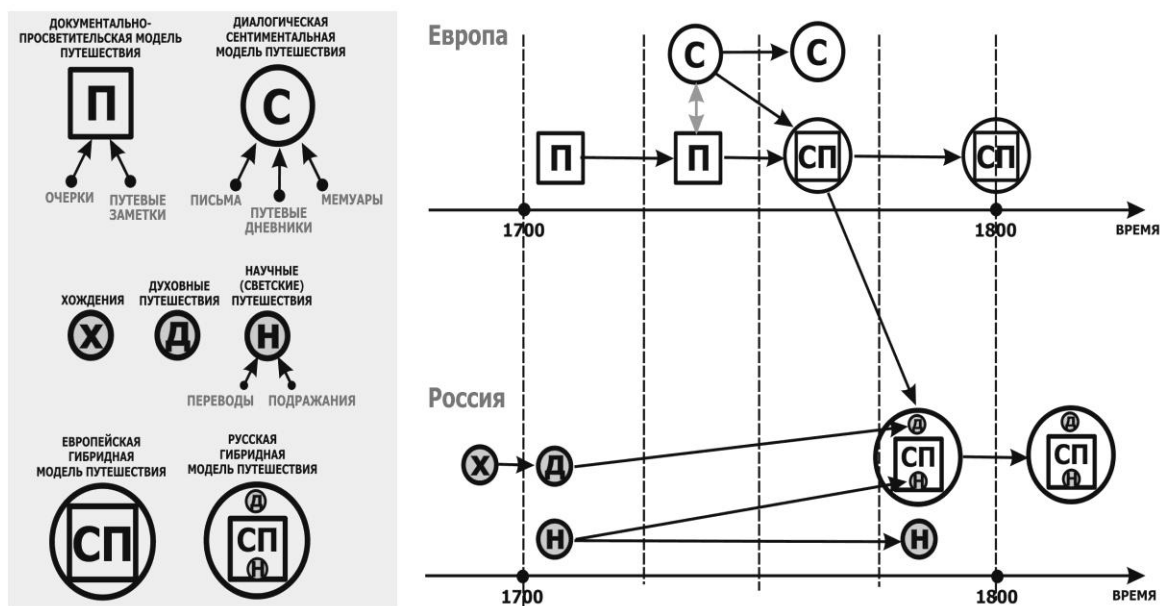
Л.П. Якимова видит в книге «классический образец жанра путешествия» [10].

Однако были исследователи, которые отказывались от простых и однозначных жанровых дефиниций. Так, Е.А. Краснощекова определяла книгу как «сложное художественное единство, обладающее и особой композиционной организацией, и изысканным стилем», истоки которого надо искать в так называемом «литературном путешествии» [2, с. 133]. В.А. Недзвецкий предложил необычное жанровое толкование произведения. В одной из своих работ он определил книгу как «географический роман», где «действующими лицами» выступают народы, страны и целые континенты. Центральным героем книги является «русский корабль» – Россия в миниатюре» [11, с.134-136].

Тем не менее, несомненно, что истоки жанровой природы книги следует искать в жанре путешествия. Ее художественная уникальность непосредственно связана с особенностью формирования и развития путешествия в литературе XVIII – первой половины XIX вв. Но тут мы обнаруживаем, что не только книга И.А. Гончарова, но и сам жанр путешествий занимает в литературе особое место. Не всеми литературоведами принимается сам факт существования путешествия как жанра. Нет и устоявшегося взгляда на его жанрообразующие принципы и законы. До сих пор однозначно не решен вопрос о достоверном этапе развития литературного путешествия на почве русской словесности.

Первую жанровую дефиницию можно встретить у известного русского литератора И.М. Борна: «Путешествия суть истинные повествования о случившихся со странствовавшим приключениях в разных частях света, с естественными описаниями виденных стран» [12, с. 140]. Во второй половине XVIII века в процессе взаимодействия традиции зрелого просветительства и зарождающегося сентиментализма такое «повествование» могло включать в себя самые разные формы, что условно можно представить на следующей схеме:

РАЗВИТИЕ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ В XVIII ВЕКЕ - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Документально-просветительская модель путешествия представляла собой цикл путевых заметок с дороги, отличающиеся «раскованностью» в организации повествования, «фрагментарностью» художественного отражения действительности, информативностью. Такие заметки или очерки не имели адресата и отводили фигуре автора/героя/рассказчика периферийное место, стремясь главным образом отобразить внешний мир [13, с. 117].

Сентиментализм, развивающий интерес к внутреннему миру личности требовал иной жанровой модели, направленной на индивидуальность жизнеописания, самонаблюдение, политематичность [13, с.118]. Таким жанром стало письмо, с одной стороны позволяющее максимально раскрыть индивидуальное мироощущение рассказчика, а с другой – имеющее свой адресат. На смену монологической документально-просветительской модели пришла диалогическая сентиментальная модель путешествия эпистолярного характера, в том числе и путевых заметок, оформленные в виде писем.

Впоследствии, в европейской литературе сентиментальная модель начала вытеснять документально-просветительскую и, вместе с тем, взаимодействовать с ней, что привело к созданию жанрового гибрида, где этнографический и географический материал был перемешан с собственно литературным (сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями). Но просветительская модель гораздо быстрее изжила себя на европейской почве, нежели на русской [14]. И в отличие от европейского, русский сентиментализм имел прочную просветительскую основу. А потому, если в европейской литературе мы наблюдаем достаточное протяженное жанровое взаимодействие, то русскому направлению в развитии жанра уже изначально была свойственна синтетичность. Синтетический жанр, вытеснив собой документальные научно-географические сочинения, носившие поначалу в русской литературе в основном переводной, а также «локальный» характер, (поездки, очерки, рассказы, которые знакомили с различными частями России), наложился на богатую, сохранившуюся в памяти жанра

художественную традицию хождения, а также «духовного» и «светского» путешествия [15]. Это, в свою очередь, привело к созданию уникальной формы русского литературного путешествия, нашедшего воплощение в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина.

Таким образом, литературное путешествие второй половины 18-го века и первой половины 19-го правомерно определять как «метажанр» функционирующий в различных модификациях. Все типологические особенности «путешествия» как метажанра реализуются и в его разновидностях – минижанрах, к каковым принадлежат путевые дневники, записки, письма, а также очерки, мемуары и т.п., которые зачастую используются как синонимы «метажанра» [13, с. 118].

«Гибридная» форма уникального русского литературного путешествия, предопределило своей структурой взаимодействие художественного начала, обращенного к внутреннему миру человека и реализующегося в минижанрах дневника, письма, и документально-публицистического, направленного на фактическое отображение реальности и воплощающегося в очерковом жанре, путевых заметках. К моменту появления книги И.А. Гончарова развитая традиция путешествия уже выработала не только «гибридную» жанровую модель, но и использовалась как самостоятельный сюжет, подкрепленный мифопоэтическим мотивом странничества. Сюжет путешествия кочевал из одного произведения в другое, позволяя свободно трансформировать жанровую природу и создавать уникальные экспериментальные жанры, основывающиеся на синтезе различных форм. Поэтому среди «потомков» традиции путешествия можно назвать такие жанровые «загадки» литературы XIX века, как – роман-поэма «Мертвые души» Н. В. Гоголя и «Записки охотника» И. С. Тургенева.

Как известно, произведение Н.В. Гоголя обладает сложной жанровой природой, на что неоднократно указывали многие из его исследователей. Однако, все существующие жанровые модификации так или иначе опираются в своем определении на сюжет путешествия, на основе которого выстраиваются отдельные эпизоды поэмы. Сюжет выступает для них циклизующим началом, включающим в себя значительный содержательный объем. Мотив пути нанизывает на себя не только отдельные «главы», но и связанные с ними определенные литературные стили и микрожанры в «неожиданном, модифицированном авторской рефлексией, но все же легко узнаваемом виде» [16, с. 26]. Жанрово-стилевые разновидности распределяются по пяти именам книги следующим образом: Маниловка – сентиментальный колорит, имение Коробочки – мир идиллический, Ноздрева – романтический, Собакевича – народно-эпический пласт, и, наконец, описание имения Плюшкина строится согласно натуралистическому жанру (мир физиологического очерка). При этом жанрово-стилевые определения не даются открыто, а строятся посредством определенных деталей, принципов и приемов, характерных для той или иной жанрово-стилевой доминанты. Например, идиллический мир Коробочки реализуется через принципы

замкнутости, цикличности, отсутствия времени, родственной близости человека и животного [16, с. 26-29].

«Записки охотника» - еще одно произведение русской классической литературы, построенное на сюжетной основе путешествия, но при этом путешествием не являющееся. «Тургенев, - пишет Л. М. Лотман, - как бы видоизменяет найденную Гоголем в «Мертвых душах» форму. Под его пером эпизоды превращаются в отдельные очерки, а поэма-роман становится поэмой в форме новеллистического цикла» [17, с. 431]. Поэтому необходимо рассматривать «Записки» в ключе не одного жанра, а как уникальный комплекс нескольких жанровых форм на уровне отдельных глав. В качестве «минижанров» исследователи внутри произведения выделяют новеллу и очерк, рассказ, а также «психологическую новеллу, картину с натуры и пейзажную зарисовку, проникнутую философскими размышлениями» [18, с. 56]. Кроме готовых жанровых форм внутри произведения можно проследить взаимодействие отдельных жанровых традиций: так, в новелле «Живые мощи» можно обнаружить черты житийного жанра [19, 214].

Тем не менее, при такой жанровой «пестроте» «Записки» не распадаются на отдельные главы. Скрепляющим началом для них, разумеется, становится сюжет путешествия, связанный с перемещением повествователя. Он «не сложен, имеет внешний характер и часто сводится к тому», что, «автор-рассказчик появляется в том или ином месте», наблюдает людей, быт, природу рассказывает о своих встречах, передает разговоры и через некоторое время уезжает. Следовательно, сюжет выступает в книге не как «система событий», а как «внешняя рамка для передачи впечатлений рассказчика» [29, с. 29]. При этом единство внешне несвязанных элементов, совмещенных в пределах «рамки», говорит об их глубинной внутренней взаимосвязи, осуществляющейся за счет уже знакомой нам циклизации.

Таким образом, не только путешествие, но и сам сюжет путешествия, положенный в основу произведения, позволяет совмещать несколько минижанров и стиливых уровней, связываемых в единое целое путем циклизации. Вся предыдущая литературная традиция путешествия подготавливает своим развитием «фундамент» для возникновения «Фрегата “Паллада”». При этом отдельные черты будущей «экспериментальной» формы можно выделить:

- в смешении документального и художественного начал, эпического и лирического,
- в образе автора-повествователя «разбитого» на несколько масок-ипостасей,
- в стремлении к единству и циклизации.

Мы видим, что сохраняя политематичность русского литературного путешествия, его возможность к синтезу разных стиливых и жанровых начал, Гончаров многократно усложняет уже сложившуюся модель: хронотоп разрастается до рамок целого мира; вместо единичных сцепляющих образов-символов, появляются многоуровневые параллели и антитезы; усложняется образ автора-повествователя, распадающийся на множество масок-ипостасей.

Кроме того, мысль писателя представляется не как результат, а как развивающийся процесс. Все вышеперечисленное усложняет жанровую природу произведения, основанную на взаимодействии разных жанровых традиций.

В результате анализа глав книги было выявлено три уровня такого жанрового взаимодействия:

- 1) На уровне глав или «минижанров» внутри путешествия.
- 2) На уровне приема «жанрового мышления», а именно: жанр используется писателем как готовая форма восприятия действительности, с которой по мере углубления складывающегося образа изображаемая реальность может расходиться. Но первое впечатление, как правило, дается посредством прямо выраженной жанровой дефиниции: «...Да, это идиллия, брошенная среди бесконечных вод Тихого океана...» [3, с. 382] - говорит Гончаров при виде Ликейских островов или «...Я припоминал сказки об окаменелом царстве...» [3, с. 84] - при воспоминании Мадеры. Жанровое определение может использоваться и при упоминании рядовых, случайных событий: «...В Индийских морях бывают, правда, ураганы, но бывают, следовательно, могут и не быть, а противные ветры у Горна непременно будут. Это напоминает немного сказку об Иване-царевиче, в которой на перекрестке стоит столб с надписью: «Если поедешь направо, волки коня съедят, налево – самого съедят, а прямо – дороги нет» [3, с. 54].

- 3) На уровне единого художественного целого: на основе цикла глав, в их художественном единстве складывается метажанр. По определению В. А. Недзвецкого, это «географический роман», совмещающий «космизм» мировосприятия с частным проявлением личности.

Более подробному рассмотрению всех вышеперечисленных уровней жанрового взаимодействия в книге И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» будет посвящена отдельная работа.

Литература

- 1) Орнатская Т. И. История создания «Фрегата „Паллада”» // И. А. Гончаров Фрегат "Паллада": Очерки путешествия в 2-х т. - Л., 1986.
- 2) Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.
- 3) Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах (Литературные памятники). Л., 1986.
- 4) Некрасов Н. А. Полное собр. соч. и писем, т. IX, М. 1950.
- 5) Дружинин А. В. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов // Проект "Собрание классики" библиотеки Мошкова [М., 2004]. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0320.shtml (дата обращения: 6.01.13).
- 6) Писарев Д. И. Сочинения., т. I. СПб., 1909.
- 7) Цейтлин А. Г. Примечания // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах. Т. 2. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953.
- 8) Петров С. И. А. Гончаров (Критико-биографический очерк) // Проект "Собрание классики" библиотеки Мошкова [М., 2004]. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0060.shtml (дата обращения: 6.01.13).
- 9) Мокеева И. Н. Жанровое своеобразие «Фрегата “Паллада”» И. А. Гончарова // И.А. Гончаров: Материалы юбил. гончаровской конф. 1987 г. - Ульяновск, 1992.

- 10) Якимова Л. П. Под ферулой риторики: жанр путешествия в очерковой книге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» // Наука в Сибири №45 (2880) 15 ноября 2012 г. URL: <http://www.sbras.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?17+656+1> (дата обращения: 6.01.13).
- 11) Недзвецкий В. А. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова как географический роман // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. - Ульяновск, 1994.
- 12) Борн И.М. Краткое руководство к российской словесности. СПб, 1808.
- 13) Зябрева Г. А., Деремедведь Е. Н.. Жанровые модификации «путешествия»: классификация и дифференциация // Вопросы русской литературы. 2009, № 16.
- 14) Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. Учебник для вузов // infolio – университетская электронная библиотека [М., 2000]. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/radishch.html> (дата обращения: 6.01.13).
- 15) Иванова, Надежда Викторовна. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика) [Рукопись]: автореферат дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.01/Н. В. Иванова ; науч. рук. С. А. Джанумов.-М.:Петроруш, 2010.
- 16) Монахов С.И. Жанрово-стилевые модели в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души» // Русская литература. – 2007. – № 11.
- 17) Лотман Л.М. Григорович. Роман из народной жизни // История русского романа, т. I, М.-Л., 1962.
- 18) Петров С.М. И.С.Тургенев. Жизнь и творчество. – Изд. 2-е, доп. – М.: Просвещение, 1968.
- 19) Скокова Л.И. Три новеллы из «Записок охотника» // Тургеневские чтения: сб. статей / Б-ка-читальня им. И.С. Тургенева, сост. Е. Г. Петраш, М.: Рус. Путь., Вып. 2, 2006.

Харишин Д.Г.
*асист. кафедри китайської,
 корейської та японської філології
 Інституту філології
 Київського національного університету
 імені Тараса Шевченка
 Київ, Україна*

Китайська традиційна концепція особистості в осмисленні Лу Сіня

Людина як особистість, як істота не лише біологічна, а й соціальна, цікавила китайських мислителів протягом багатьох століть, починаючи з Конфуція. Мислителі ставили та вивчали проблему людини як особистості, як соціально та політично орієнтованого індивіда.

Китайська традиційна культура – це душа китайської нації. Історія цивілізації будь-якої нації – це історія розвитку її культури. Традиційна культура Китаю сягає глибокої давнини і відзначається не лише багатством своїх матеріальних та духовних цінностей, але й великою життєстійкістю. Не дивлячись на чисельні війни, бунти, руйнування, спричинені завойовниками, культура Китаю не тільки не слабшала, а, навпаки, завжди домінувала над

культурою завойовників, змушуючи їх адаптуватися, пристосовуватися і зрештою «розчинятися» в новому культурному оточенні.

Традиційна китайська культура прагнула до гармонії людини й Всесвіту, і особливу увагу звертала на моральний рівень особистості. Вона засновувалася на релігійно-філософських вченнях – конфуціанстві, даосизмі та буддизмі, – які взаємодоповнювалися, несучи в собі покірність і моральність китайського народу. Традиційна культура Китаю виховувала в людях важливі поняття та принципи, такі як Небо (天), Дао (道), доля (命运), мужність (勇), обачливість (谨), милосердя (仁), дотримання етикету (礼仪), мудрість (智慧), відданість (忠), заощадливість (节俭), почуття сорому (丢面), синівську пошану (孝顺), повагу до старших (悌), розсудливість (理智), вірність (信) та ін.

Наприкінці ХІХ - першій половині ХХ століття традиційна китайська культура існувала у консервативному вигляді. Вона характеризувалася стабільно існуючою системою прав та обов'язків, які визначали взаємодію людини з іншими людьми. Досягнення гармонії у людських стосунках завжди визнавалися китайською культурою вищою цінністю. Вона складає основу конфуціанської етики, якою традиційно керувався китайський народ.

У роздумах Лу Сіня про китайську традиційну культуру найсильнішою є критика конфуціанства. Конфуціанство – це духовний фундамент китайської культури. Вчення Конфуція багато в чому визначило формування мислення та національного характеру китайців. Китайська думка ніколи не ставила питання: що є людина? Раннє конфуціанство було стурбоване тим, як із людини зробити людину, як витіснити з неї тваринний потяг, як виховати у ній почуття відповідальності за стан справ у суспільстві та природі. Тобто, його цікавило лише, яким є відношення людини до світу і як найдоречніше можна використати її таланти і здібності.

У конфуціанському вченні найціннішим є судження про управління Піднебесною, етику та мораль. Серед усіх філософських течій, які виникли в період Ворогуючих царств (战国时代, 475 до н.е. – 221 до н.е.), конфуціанство особливо зосереджує увагу на протиставленні поваги та нікчемності, вельможності та незнатності, особливо цінує порядок у суспільстві за рахунок ієрархічно організованого соціального устрою, що базується на кровних зв'язках у родині. Тому поняття “держави” (国家) стало розширенням поняття “родина”, “сім'я” (家), а відданість правителю стала розширенням поняття “шанобливість” (孝) перед батьківською владою у сім'ї. Така норма моралі феодального суспільства проявляється в усіх суспільних явищах за допомогою старого принципу, який розділяє “вельможність” та “незнатність”, укріплює феодальне правління. У результаті головною ознакою китайської традиційної культури стало явище *сервілізму*, що трактується як схильність до рабського підкорення, підлабузництва [1, с.248-249].

Ставлення Лу Сіня до традиційної культури перш за все проявляється в його уявленні про “китайську культуру”. Він писав: “Так звана “китайська культура” насправді це людодський банкет, влаштований багатіями для власного задоволення; так званий “Китай” насправді це кухня, де влаштовують цей банкет” [2, с.92].

Лу Сінь заговорив про китайську культуру як про “людодський банкет” під впливом ідей просвітництва, сповнених прагненням зруйнувати культ традицій. У 1918 році в журналі «Нова молодь» («新青年») Лу Сінь оприлюднив оповідання «Щоденник божевільного» («狂人日记»). Саме в ньому письменник чи не вперше висловив думку про те, що на кожній сторінці історії Китаю написані слова “гуманність”, “справедливість”, “мораль”, “доброчесність”, однак, раптом виявилось, що “між рядками проявляється одне слово – “людодство” [3, с.12].

Причину тривалого існування провідної духовної основи традиційної культури та її широке розповсюдження серед усього суспільства Лу Сінь вбачав у підтримці та пропаганді конфуціанського вчення з боку феодальних правителів. Воно проникло в усі соціальні інститути і послідовно спрямувало думки та поведінку соціальних мас, у результаті чого китайці стали байдужими: з одного боку вони призвичаїлися до життя у духовній неволі, з іншого боку, поневолюють інших [2, с.91]. Переданий з давніх часів поділ людей ізолював усіх, ніхто не відчував горя і страждань інших. Лу Сінь зазначав: “Феодальні правителі, зміцнюючи позиції конфуціанства в традиційній культурі, пропагують конфуціанські уявлення про “гуманність та доброчесність, і в той же час, спокійно вбивають та підпалюють, гвалтують та грабують, роблять те, що не роблять навіть варвари” [2, с.93].

Тож, феодальні правителі дотримуються подвійного стандарту моралі: маси, якими вони керують, повинні чітко дотримуватися встановлених правил, у той час, як правителі можуть діяти на власний розсуд. У цьому розумінні конфуціанство з філософсько-етичного вчення перетворювалося у засіб управління державою та створення ієрархічного соціального устрою.

Лу Сінь визнавав, що за ієрархічним поділом відсутня матеріальна та духовна можливість інтелектуального розвитку та реалізації творчих здібностей особистості. Лу Сінь казав, що китайці ніколи не виборювали право бути “людиною”, зазвичай вони були “рабами” [2, с.88]. На думку Лу Сіня, сутність китайської культури у поневоленні з позбавленням здорового розвитку людської природи та духовного світу людини.

У статтях «сила сатанинської поезії», «Про однобічність культури» та «Про знищуючі зло голоси» Лу Сінь вперше у загальних рисах дав оцінку традиційній китайській культурі: “Вся ідея правління Китаю полягає в тому, щоб не нав’язувати іншим свою волю” [4, с.22]. Варто зазначити, що таке узагальнення китайської культури точно описує її головну ознаку. “Ідея не нав’язувати” декілька тисячоліть визначала духовний образ цієї культури, спосіб мислення та поведінку людей. Якщо хтось виступить проти “ідеї ненав’язування” і тим самим порушить стабільний стан соціального устрою,

то це “суворо забороняє правитель з метою збереження на назавжди свого трону. Звідси виходить, що правитель усіляко прагне знищити таку людину. Якщо хтось закликає до змін такого положення або сам спрямовує свої дії до змін, то це суворо забороняє навіть сам натовп з метою збереження спокійного життя, він прагне до відсталості і його дратує будь-який прогрес. Тому натовп також усіляко намагається знищити таку людину” [5, с.22]. У Китаї людина, яка порушує норми традиційної ідейно-культурної цінності, має бути знищена.

За Лу Сінем, китайська культура – це культура догоджання хазяїну, в якій багато людей зазнали горя. Тож, збереження старої культури означає, що китайці завжди залишатимуться об’єктом служіння хазяїну і вони будуть вічно страждати [6, с.154]. Він зазначав, якщо не буде сучасної культури, яка б могла знищити дух абсолютизму, то не буде на чому будувати демократичне суспільство. Лу Сінь вважав, що серйозна проблема полягає, в тому, що дух цієї культури перетворювався у звичайний для пересічних людей спосіб мислення, і мало хто усвідомлював, що ця культура є засобом одурманювання та пригнічення. Лу Сінь визнавав, що норми моралі конфуціанства можуть лише привести до нещастя молодих та слабких, і, що вони без сумніву обмежують розвиток справжньої людської природи, а вкрай однобічне трактування моралі, яке порушує інтереси людей, якими керують, лише сприяє формуванню лицемірної моралі.

У цілому Лу Сінь розглядав ортодоксальне конфуціанське вчення як засіб обману та утиску з боку феодального правителя. Однак письменник вважав, що Конфуцій, як основоположник цього вчення, не повинен відповідати за той факт, що феодальні правителі використовували його вчення у Китаї як засіб обмеження духовного розвитку, тим самим сформувавши дух абсолютизму в китайському суспільстві. Лу Сінь зазначав, що Конфуцій свого часу запропонував гарний спосіб управління державою, але все це було створено для правителя. А для самого народу нічого не було [7, с.315]. Казав, що високий авторитет Конфуція в Китаї був піднятий мудрецами, котрі бажали стати правителями, і це не мало ніякого стосунку до простого народу [7, с.315]. Таку ситуацію, безумовно, не міг передбачити Конфуцій. Це і було причиною того, що, з одного боку, Лу Сінь різко критикував конфуціанство і традиційну культуру, а, з іншого боку, він був позитивно налаштований стосовно самого Конфуція. Інакше кажучи, Конфуція Лу Сінь розглядає як одного з провідних філософів стародавнього Китаю.

Привертає увагу той факт, що Лу Сінь, як критик традиційної китайської культури, народився і формувався як особистість за часів її панування, він, безперечно, зазнавав впливу цієї культури й ортодоксального конфуціанського вчення. Він народився в освіченій родині у вітальні якої висіли надписи “моральні якості та душевна чистота допомагають укріпитися в доброчинності” (品节详明德行决定), “розуміння логіки речей умиротворює душу” (事理通达心气平和) [8, с.169].

У його творчості проявилися і позитивні елементи цієї культури, наприклад, активна участь у громадському житті, турбота про долю народу і країни у цілому, цілеспрямована прагматична позиція, незламне почуття відповідальності та ін. Це зовсім не суперечить його виступам з критикою традиційної культури та ортодоксального конфуціанства. Лу Сінь володів вищеперерахованими позитивними якостями, прийнявши здорові та раціональні елементи конфуціанства, він зміг послідовно боротися за остаточне духовне звільнення китайської нації.

У цілому, в традиційній китайській культурі Лу Сінь вбачав духовне пригнічення, статичний стан суспільства та ігнорування будь-яких змін у процесі плюралізації суспільства вже у XX столітті. У зв'язку з цим у художній та публіцистичній творчості Лу Сіня звучить гостра критика конфуціанського вчення. Воно здійснило ідейно-психологічний вплив на формування китайського національного характеру. Він засуджував конфуціанське вчення, спрямоване на виховання покійного раба, слухняного чиновника, закабаленого нормами та правилами, відхід від яких прирівнювався до злочину і вбачав вади даного вчення у зневажанні людини як істоти індивідуальної (вільної), яка належить не собі, а родині, суспільству, державі.

Література

1. Петров А.А. Очерк философии Китая. – В кн.: Китай. М. – Л., 1940.
2. 鲁迅. 中华散文珍藏本丛书, 鲁迅卷, 〈灯下漫笔〉. – 北京: 人民文学出版社, 2001.
3. 鲁迅: 鲁迅小说选: 汉英对照/鲁迅著; 杨宪益, 戴乃迭译. – 北京: 外文出版社, 2000.
4. 鲁迅: 《文化偏至论》, 《鲁迅全集》第1卷, 人民文学出版社1981.
5. 鲁迅: 《摩罗诗力说》, 《鲁迅全集》第1卷, 北京: 人民文学出版社, 1981.
6. 鲁迅: 《老调子已经唱完》, 《鲁迅全集》第7卷第312页, 北京: 人民文学出版社, 1981.
7. 鲁迅《且介亭杂文二集·在现代中国的孔夫子》, 《鲁迅全集》第6卷, 人民文学出版社1981.
8. 孔庆东/正说鲁迅. – 重庆: 重庆出版社, 2008.

Прагматический потенциал языковых нарушений в художественной коммуникации

Конец XX и начало XXI веков характеризуется формированием нового антропоцентрического направления в лингвистике, которое предполагает рассмотрение языка не как абстрактной замкнутой системы, а как вербальной динамической реальности, ориентированной на сознание субъекта. Переход к активному развитию коммуникативно-прагматического подхода в языкознании [7, с. 775; 8, с. 103; 9, с. 40] оказал принципиальное влияние на спектр вопросов современной прагматики в отношении художественной речи, который сфокусирован на отношениях автора и читателя к изображаемой в тексте действительности.

В связи с этим анализ произведения словесного творчества предполагает комплексное исследование трёх основных составляющих процесса художественной коммуникации, где художественный текст представляет собой центральное звено, сложнейшую специфическую форму речевой коммуникации, обусловленную двусторонней деятельностью автора и читателя.

Автор произведения, рассчитывая на коммуникативный эффект, обеспечивает отбор необходимых (прагматически обусловленных) языковых средств. При этом картина мира, моделируемая в тексте, оказывается пропущенной через индивидуальное сознание автора.

Еще один участник процесса художественной коммуникации - читатель, для которого и предназначен художественный текст. Поэтому среди прочих прагматических проблем в фокусе внимания исследователей оказывается проблема воздействия произведения на адресата [8, с. 103; 9, с. 43].

Определяющая роль организации языкового материала в процессе декодирования адресатом художественного текста подчеркивалась неоднократно. Так, в частности, В. В. Медушевский [5, с. 21-23] отмечает, что художественная форма особым образом воздействует на слушателя, обеспечивает его активность, организуя его восприятие, поддерживает его интерес.

Таким образом, непосредственно художественное сообщение реализуется через призму индивидуального читательского восприятия, которое программируется автором, конструирующим текст, как скрытый инвариантный семантический потенциал. Адресат ощущает некую рамку, изначальную заданность лингвистического контекста, который определяет направленность семантического восприятия при условии многозначности языковых форм.

Нередко авторы для передачи своих мыслей используют необычные с точки зрения литературной нормы приемы, которые являются способом передачи скрытого, подтекстового смысла. Процесс декодирования подтекста связан, в свою очередь, с мыслительной деятельностью читателя, которая зависит не только от его общего уровня развития, но и интуиции, воображения, ассоциативного мышления, языкового чувства и т.д.

При этом нельзя не согласиться, что чем больше в художественном тексте нарушен порядок, свойственный обыденному языку, тем активнее позиция реципиента, так как ему приходится вычленять смысл, который не дается в готовом виде, выстраивать новые ассоциативные связи и формировать новые межконцептуальные связи [4, с. 180].

Нарушение традиционных лингвистических связей делает их носителями глубинной подтекстовой информации, восприятие которой даёт возможность адресату *выйти за рамки традиционного мономышления*. Это, в свою очередь, способствует формированию творческого «нешаблонного мышления» [3, с. 16], которое в значительной степени способствует расширению концептуальной системы читателя.

Таким образом, необычные, парадоксальные элементы художественного контекста нарушают автоматизм восприятия художественного произведения, который, выражаясь словами Р.И. Павилёниса [6, с. 387], приводит к редукции знания, не давая возможности использовать все безграничные средства языковой выразительности для постижения новой информации. Высокая информативность, способность многое сообщить заключается в алогичном тексте именно потому, что он содержит в своём контексте необычные элементы, предназначенные для обозначения нового содержания.

Не высказывая напрямую своего отношения к изображаемому явлению, а вуалируя его посредством включения в художественный контекст языковых единиц, отклоняющихся от языковой нормы, автор создаёт такую художественную структуру, которая вызывает у читателя соответствующую эмоциональную реакцию.

Таким образом, необычные явления в языке художественной литературы организуют, мобилизуют внимание читателя в процессе восприятия, повышают его эмоциональную интенсивность, раскрывают окружающий мир в необычном ракурсе, побуждают по-новому, обострённо увидеть и ощутить его.

Восприятие «парадоксального», «ненормативного» явления всегда носит активный характер, поскольку странное, неожиданное приковывает внимание реципиента. Современный комплексный характер лингвистических

исследований позволяет обратиться к достижениям физиологии и отметить, что своеобразная реакция организма, его мобилизация, активизация в ответ на новизну, неожиданность сигнала характеризуется в науке как ориентировочный рефлекс [1, с. 180].

В художественной коммуникации механизм этого ориентировочного рефлекса находит своё выражение в художественно-эмоциональном познании адресантом действительности и в трансляции этого эмоционального содержания на адресата. Автор не может просто изложить эмоциональное содержание текста, он должен побудить самого адресата воссоздать его. При этом в процессе художественной коммуникации произведение искусства выполняет функцию управляющего механизма, задача которого заключается в необходимости заинтересовать, привлечь внимание читателя, поскольку без этого невозможно вызвать к жизни активный творческий процесс художественного восприятия. И задачу эту выполняют заложенные в структуре произведения необычные с точки зрения нормы языка сочетания, которые в системе художественного текста приобретают особый статус и являются способом передачи скрытого, подтекстового смысла.

Глубина декодирования подтекстовой информации в художественном произведении во многом детерминирована индивидуальными особенностями субъекта, что обеспечивает подтекстовому, скрытому смыслу личностный характер.

И задача художественного произведения состоит как раз в том, чтобы при его взаимодействии с бесчисленным количеством разных адресатов выявились богатства внутреннего мира и неповторимые индивидуальные особенности конкретного читателя [2, с. 159-161].

От эпохи к эпохе в художественном тексте реализуются новые возможности понимания, т. к. воспринимающий, понимающий произведение всегда творец, дополняющий его в ходе времени все новыми смыслами, недоступными автору прежней эпохи и его современникам. Постичь художественное произведение - значит вступить с автором в общение, в диалог, стать его сотворцом. И в этом плане художественное произведение, раскрывая различные пласты смысла, приобретает еще большую ценность как средство познания мира и самопонимания человека [10, с. 419].

Таким образом, текст, структура которого предполагает наличие в нем необычных с точки зрения языковой нормы единиц, не только возбуждает воображение читателя, но и развивают его мышление, учит познавать сущность вещей, раздвигая рамки его концептуальной системы.

Литература

1. Амосова А. Парадоксальный мир искусства // Эстетические очерки. Избранное: Сборник статей / Сост.: И.А. Константинов, С.Х. Раппопорт. М.:Музыка, 1980. С. 172 – 191.
2. Болховский Р. Вещественность знака как фактор художественного воздействия // Эстетические очерки. Избранное: Сборник статей / Сост.: И.А. Константинов, С.Х. Раппопорт. М.:Музыка, 1980. С. 156 – 171.

3. Де Бо Эдвард. Рождение новой идеи. О нешаблонном мышлении. М.: Прогресс, 1976. 142 с.. Вып.5 С. 31-62.
4. Маслова Ж.Н. Поэтический текст как объект исследования в рамках когнитивного подхода // Социально-экономические явления и процессы. 2010. №5. С. 174-182.
5. Медушевский В. К теории коммуникативной функции // Советская музыка. 1975. № 1. С. 21-27.
6. Павилёнис Р.И. Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов: Сб.ст.: Переводы. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 380-388.
7. Таюпова О.И. Современные подходы к изучению текстов // Вестник Башкирского университета. 2009. Т.14. № 3. С. 775-779.
8. Тряпицына Е.В. Стратегии понимания: художественный текст в прагматической перспективе // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». - № 6.- Архангельск, 2009. - С.103 – 106.
9. Урумашвили Е.В. Прагматические аспекты анализа художественного текста // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2010. Том 46. №2. С. 40-44.
10. Фазылзянова Г.И. Художественный текст как объект понимания // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №7. С. 417-423.

Швелидзе Н.Б.

*К.филол.наук, доцент кафедры русской филологии
Пятигорского государственного лингвистического
университета
г.Пятигорск, Ставропольский край, Россия*

Некоторые особенности семантики фразеологизмов со значением эмоционального переживания, эмоционального отношения, выражения эмоций

Поле поведения объединяет фразео-семантические группы глагольных фразеологизмов, обозначающие эмоциональное переживание, эмоциональное отношение и внешнее выражение чувств.

Вступая в различные отношения с другими людьми, предметами и явлениями окружающей действительности, человек испытывает различные эмоции, переживания. Эмоции являются одной из форм отражения действительности и результатом его активного взаимодействия с объективной действительностью: «И грустные мысли, и печальная мимика, и скорбная поза, и слезы – все это компоненты одной и той же реакции целостного организма на определенные изменения окружающей среды» (2, с. 38).

Фразеологизмы групп отражают такой человеческий фактор в языке, как эмоциональные реакции, состояния и отношения говорящих к миру и самим себе в этом мире. Наблюдаемые фразеологические единицы активно формируют антропоцентрическую составляющую в языке, так как человек постоянно переживает, оценивает и этим разнообразит языковую картину

мира. В итоге эмоции являются одним из определяющих факторов человеческого поведения.

Фразеологизмы со значением эмоционального переживания имеют особый характер; своей семантикой они подчеркивают процесс переживания каких-либо чувств. Исследователь А.М.Эмирова (3, с. 58) представляет ФЕ со значением эмоционального переживания как группу единиц, покрывающую все остальные фразеологизмы со значением эмоций, отмечая основным компонентом значения компонент интенсивности: **биться об стену** «приходить в отчаяние, иступление из-за неудач, ошибок, безутешного горя», **отдирать от сердца** «мучительно с кем-либо расставаться»; **не находить себе места** «быть в состоянии сильного беспокойства, тревоги»; **рвать на себе волосы** «приходить в отчаяние, испытывать досаду». Как следует из примеров, общим для ФЕ является компонент «интенсивность». Субъект реагирует на внешние события, обстоятельства внешнего мира, принимает их или не принимает и вследствие этого переживает различные чувства.

Ю.Д.Апресян назвал переживание одним из самых сложных видов эмоций, так как они приводят в действие все системы человека, и отнес переживание к наиболее интенсивным формам эмоций (1, с.27-28).

Динамизм, изменчивость, неконтролируемость, интенсивность – характерные показатели ФЕ со значением эмоционального переживания.

ФЕ группы «Выражение эмоций» направлены на обозначение внешнего проявления эмоций (что происходит с человеком, когда он испытывает горе, радость, уныние). Примером могут служить ФЕ **выплакать все глаза** (плакать), **выть белугой** (плакать), **кататься со смеху** (хохотать), **разводить сырость** (плакать).

В основе мотиваций значений фразеологизмов эмоционального переживания и выражения эмоций лежат:

1) физическое действие лица (поведенческая реакция): **кусать локти, бить поклоны, биться о стену, лезть в петлю;**

2) кратковременная остановка в функционировании: **не находить слов, сходить с ума;**

3) кратковременное экстраординарное функционирование: **кататься со смеху, держаться за животы, хвататься за бока.**

Физическое изменение организма рассматривается как проявление какого-либо чувства. Они разделяются на выражения, обозначающие биологически обусловленные проявления чувств (**распускать сопли**), и выражения, обозначающие социально обусловленные проявления – принятые в данном обществе эмоциональные жесты (**хвататься за голову, чесать затылок, хлопать глазами**).

Кроме того, в группах содержатся ФЕ, имеющие образную основу, основанием для которой служит внешний вид или поведение животных: **подвернуть хвост** (осторожность, опасение), **поднимать хвост** (осторожность, опасение), **опускать хвост** (уныние), **скалить зубы** (смеяться, насмехаться).

Его ждуют-ждут дома, убиваются, места себе не находят, а он, на-ко, ехал-ехал, да и пришла в голову Синельга – и поскакал.

Ф.Абрамов. Пути-перепутья.

(эмоциональное переживание испытывает субъект/говорящий, обращаясь к собеседнику. В реплике представлены эмоциональные смыслы: сильное беспокойство, злость, негодование по отношению к собеседнику).

Фразеологизмы групп отличаются абсолютным антропоцентрическим характером. В художественном тексте именно человек, его внутренний мир, переживания составляют центр произведения. Чувства, отраженные в тексте, – результат познания духовной жизни и поведения человека. В художественном тексте чувства являются неотъемлемым свойством человека. Эмоциями наделены субъект, объект, третье лицо. Фразеологизмы эмоционального отношения с доминирующим каузативным компонентом в семантике характеризуют субъекта, вызывающего эмоции, и объекта, их испытывающего.

Фразеологизмы эмоционального отношения обозначают эмоциональное состояние лица, вызванное действиями другого лица, предмета. ФЕ противопоставлены по семантическим компонентам положительной/отрицательной модальности – объект может испытывать как положительные, так и отрицательные эмоции: **брать за душу, пить кровь, тянуть жилы, выводить из себя:**

...Вот где они у меня сидят, эти интуристы! – интимно пожаловался Коровьев, тыча пальцем в свою жилистую шею, – верите ли, всю душу вымотали.

М.Булгаков. Мастер и Маргарита.

(говорящий выступает в качестве объекта, характеризует свое состояние и дает негативную оценку субъекту).

Каким-то чужим, отвратным, но волнующим ритмом задевала за живое «Конармия» Бабеля.

Дон Аминадо. Поезд на третьем пути.

ФЕ эмоционального отношения **выматывать душу, пить кровь, хватать/брать за сердце, терзать душу, вынимать душу** имеют в основе фразеологического значения образ, связанный с представлениями о физических страданиях, терзаниях, боли. Они отличаются особой прагматической направленностью: осуществляют то или иное воздействие на адресата, выражают эмотивные интенции говорящего.

Литература

1. Аперсян Ю.Д. О новом словаре синонимов//Известия АН. Серия литературы и языка. – 1992. – №1. – с. 18-40.
2. Трауготт Н.Н., Балонов Л.Я., Личко А.Е. Очерки физиологии высшей нервной деятельности человека. Москва, 1957.
3. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент, 1988.

Обыденное медицинское сознание как сфера бытия медицинских терминов

Под обыденным медицинским сознанием понимается часть языкового сознания рядового носителя языка, обращенная к медицинской практике и характеризующаяся особыми способами осмысления действительности, а также определенной формой репрезентации умозаключений. Это сознание языковой личности, не обладающей в должной мере специальными профессиональными знаниями и апеллирующей к собственному житейскому и коммуникативному опыту. Обыденное медицинское сознание – самостоятельное ментальное образование, относящееся к интуитивной сфере бытия языка, обозначенной Л.Витгенштейном как « молчаливое знание ». Функционирование обыденного медицинского сознания представляет собой метаязыковую деятельность, происходящую в обыденной форме, и может быть квалифицировано как практическое сознание, управляющее повседневной деятельностью (термин Н.Д.Голева).

Данный неосознаваемый пласт языкового сознания в произвольной форме отражает обыденные знания о мире, которые выходят на поверхность, когда становятся объектом внимания «светлого поля» сознания [1,с.10].

Согласно концепции внутреннего лексикона А.А.Залевской, обыденное медицинское сознание может быть сопоставимо с индивидуальными знаниями, обеспечивающими становление психологической структуры значения слова как средства доступа к информационной базе человека.

Все сказанное об обыденном медицинском сознании коррелирует с введенной И.А.Стерниным оппозицией нормативного и психологически реального значения. Обыденное медицинское сознание содержит то, что стоит за представлениями рядового носителя языка о семантике медицинских терминов и лежит в основе различных дискурсивных практик с его участием. В работах по обыденному метаязыковому сознанию обоснована возможность и необходимость рассмотрения обыденной медицинской коммуникации как самостоятельного предмета изучения. Авторы рассматривают обыденную медицинскую коммуникацию как сферу реализации когнитивно-дискурсивного потенциала обыденного языкового медицинского сознания [3].

В нашей статье предлагается подход к обыденному медицинскому сознанию как к сфере бытия медицинских терминов, то есть обыденное языковое медицинское сознание становится предметом изучения, а сама медицинская терминология превращается в его объект. Иными словами,

предметом изучения является реальное функционирование терминов в обыденном медицинском сознании. Актуальность проблемы соотношения нормативного и реального значения подтверждается вниманием к ней со стороны многих современных лингвистов. Обнаружена специфика репрезентации терминов в языковом сознании носителей языка с различным уровнем профессиональной компетенции [6, с.11], расхождения между нормативными и реальными дефинициями медицинских терминов [7], предложена концепция словаря нового типа – «Словаря обыденных толкований» [2, с.205].

С учетом того, что рядовой носитель языка действует в соответствии с реальным значением, существующим в его индивидуальном сознании, тема функционирования медицинских терминов в обыденном непрофессиональном медицинском сознании приобретает как научную, так и практическую значимость. В теоретическом плане исследование обыденного лексикографирования позволяет понять, каким образом происходит освоение семантики специальной лексики обыденным сознанием. Анализ обыденных толкований дает возможность представить, как осуществляется «перевод» научного метаязыка на обыденный язык, то есть позволяет ответить на ряд вопросов: в какой форме представлены медицинские объекты в сознании рядового носителя языка, каким образом происходит установление соответствия языкового знака объективному миру и какого типа дефиниции репрезентируют психологически реальное значение, в каких отношениях находится научное, практическое профессиональное и обыденное дефинирование.

Прикладная значимость изучения языкового сознания на уровне обыденных толкований медицинских терминов обусловлена высокой практической значимостью медицинской сферы в жизнедеятельности каждого человека и связана с проблемой успешности коммуникации в различных типах медицинского дискурса: в обыденной медицинской коммуникации, участниками которой являются врач и пациент, в учебном медицинском дискурсе, субъектами которого выступают преподаватель и студент в роли рядового носителя языка и т.д.

Тема эффективности коммуникации и поиска продуктивных способов взаимодействия в сфере оказания медицинской помощи является объектом повышенного внимания исследователей медицинского дискурса [диссертации В.В.Жура, Э.В.Акаевой, Л.С.Бейлинсон], что же касается плодотворности учебного медицинского дискурса, то он до сих пор не стал предметом самостоятельного лингвистического изучения.

Оба типа дискурса, несмотря на существенные различия, объединяет одна и та же проблема, а точнее, ее корни, уходящие в теорию интерпретации. По сути дела, в основе владения языком и его использования лежит один и тот же интерпретирующий механизм, обслуживающий различные сферы языковой деятельности [4].

Основной тезис теории интерпретации состоит в том, что значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме. Количество интерпретаций может быть различным и обусловлено не только процедурой интерпретирования, но и особенностями самого интерпретатора. В любом типе дискурса каждый из его участников выступает в роли интерпретатора: в медицинском дискурсе врач интерпретирует медицинскую информацию, а результат этого процесса становится объектом интерпретации пациента. В учебно-медицинском дискурсе преподаватель истолковывает семантику медицинских терминов, а студент – информацию преподавателя, и в каждом акте толкования может происходить определенное искажение сведений.

Интерпретация – довольно сложный когнитивный процесс, предполагающий освоение информации, оформление ее в определенный результат, в продуцировании которого задействованы ситуация общения, набор презумпций и знаний участников. Механизмы до сих пор окончательно не изучены, но налицо столкновение намерений и действий каждой из общающихся сторон. В контексте проблемы эффективности коммуникации обретает значимость тема ответственности сторон за результат коммуникативного взаимодействия, и в первую очередь, врача и преподавателя, за то, как наше слово отзовется. Например, очень важно учитывать настрой и ожидания пациента, а именно, хочет ли он знать, что стоит за его болезнью, или предпочитает оставаться в неведении и склонен безоговорочно верить врачу, или это скептик, который во всем сомневается.

В обществе людей, соприкоснувшихся с болезнью и прошедших через процесс выздоровления, нет нужды говорить о том, какое влияние на психологическое состояние пациента и результат лечения оказывает тип общения врача, поэтому проблема выбора коммуникативной стратегии и типа дискурса, рационального или сугестивного, приобретает огромное значение. Изучение типов поведения участников медицинской коммуникации имеет большую практическую значимость, проявляющуюся в способности научить правильно принимать решения и выбирать линию поведения.

То же самое можно сказать и об учебно-медицинском дискурсе, в котором преподаватель несет ответственность за качество интерпретации учебной информации и необходимость учитывать особенности моделей понимания и встречного перевода объекта интерпретации в определенную смысловую структуру с дальнейшим ее воспроизведением. Показателем освоения информации является умение ее использовать, поэтому изучение обыденных толкований медицинских терминов студентами-первокурсниками представляет большой интерес не только для понимания способа функционирования обыденного медицинского сознания, но и для оценки эффективности обучения и степени освоенности семантики медицинских терминов.

В основе действия интерпретирующего механизма лежат традиции мышления рядового носителя языка и его метаязыковые способности. Сам

процесс обыденной интерпретации происходит в контексте житейского и коммуникативного опыта интерпретатора, имеющих в его распоряжении специальных научных знаний. Тем самым изучение индивидуальных привычек сознания выходит за рамки анализа обыденных толкований и перемещается на новый уровень - в поле языковой личности.

Категория языковой личности многогранна и представители разных направлений лингвистических исследований подходят к ее изучению с разных сторон. Авторы работ по когнитивному терминоведению интересуют роль языковой личности в создании терминов, а также репрезентация языковой личности в профессиональном общении и через научные тексты. Основой описания служит оппозиция типов знания (научного и обыденного), носителем которых является языковая личность, и ситуации общения с участием профессиональной языковой личности: профессиональное общение, устный диалог, терминотворчество. Авторы работ по когнитивному терминоведению различают прежде всего профессиональную языковую личность и непрофессиональную. Таким образом, одной из основных категорий современного когнитивного терминоведения, изучающего терминологические процессы во взаимодействии с человеком, его деятельностью и мышлением, становится категория профессиональной языковой личности.

Расширение рамок анализа речемыслительной деятельности носителей языка привело к появлению направления дискурсивного анализа вербально опосредованной деятельности человека в специальной сфере. В работах, посвященных исследованию медицинского дискурса, жанры и стратегии, а также эффективность коммуникации рассматриваются в соотношении с типами языковой личности врача и пациента: Л.С.Бейлинсон указывает, в частности, на роль образовательного статуса родителей детей-пациентов, В.В.Жура связывает успешность общения с рядом причин – стилями общения врача, его дискурсивной компетенцией, а также с коммуникативными характеристиками, психоэмоциональными типами пациентов, описанными в медицинской литературе, и эмотивной позицией языковой личности больного, ее тезаурусной компетенцией. Э.В.Акаева выделяет основные когнитивные стратегии врача, ориентируясь на ментальные механизмы адресата, типичные эмоциональные состояния пациентов, умение слушать собеседника. Т.В.Кочеткова изучает медицинский дискурс в связи с формированием элитарного типа языковой личности в профессиональной медицине.

Столь устойчивый интерес к категории языковой личности в исследованиях по медицинской терминологии и медицинскому дискурсу свидетельствует о признании за языковой личностью важной функции в организации коммуникативного общения. Все авторы в определенной степени отдают должное роли языковой личности участников речевой деятельности, но лишь в той мере, которая отвечает поставленными ими целям.

Комплексному исследованию русской языковой личности посвящена кандидатская диссертация И.С.Прокудиной «Русская языковая личность в аспекте когнитивных стилей репродуцирования научного текста»(2009). Среди работ по исследованию реального функционирования лексических единиц в обыденном метаязыковом сознании рядовых носителей языка с языковой личностью в качестве объекта специального рассмотрения можно назвать кандидатскую диссертацию Т.Ю.Кузнецовой «Стратегии семантизации слов носителями русского языка (экспериментальное исследование вариативности толкований)»(2012).

Принимая во внимание все интересующие нас аспекты исследования бытия терминов в обыденном сознании, должны заметить, что нам наиболее близка позиция авторов статьи по обыденной медицинской коммуникации Н.Д.Голева и Н.Н.Шпильной, которые предлагают рассматривать обыденное и профессиональное сознание в единстве коммуникативной и когнитивной сторон речевой деятельности. По мнению авторов, дискурсивная деятельность носителей обыденного языкового медицинского сознания представляет собой

поле различных дискурсивных практик, обслуживающих сферу наивного медицинского общения. В данном поле происходит репрезентация фрагмента языковой картины мира, включающего знания (представления) носителей языка о медицине[3].

Мы полагаем, что обыденное лексикографирование медицинских терминов рядовыми носителями языка, каковыми, на наш взгляд, являются студенты первого курса врачебных факультетов, с одной стороны, репрезентирует наивную медицинскую картину мира, а с другой, происходит в искусственной сфере функционирования языка – в учебно-медицинском дискурсе. Позиция наивного лексикографа характеризуется промежуточным положением между обыденным непрофессиональным дискурсом, характеризующимся трансляцией наивных медицинских знаний, и псевдомедицинским, позиционируемым непрофессиональной языковой личностью в качестве научного, профессионального. В нашем случае эта позиция вынужденная, поскольку рядовые носители языка, не имея достаточных специальных знаний, поставлены перед необходимостью максимально приблизиться к научному определению, что объективно им пока не под силу. Но влияние установки на результат дефинирования абсолютно исключать нельзя, то есть полностью естественными условия лексикографирования считать невозможно.

Подведем некоторые итоги. Учитывая подтвержденное нашими исследованиями несовпадение реального и нормативного значения медицинских терминов, мы полагаем, что обыденное лексикографирование данного пласта специальной лексики может быть самостоятельным предметом лингвистического изучения. К тому же, отмеченная вариативность толкований, будучи проявлением природы языкового знака, одновременно служит отражением индивидуальности языковой личности. В связи с этим исследование функционирования медицинских терминов в

обыденном метаязыковом сознании приобретает теоретическую и практическую значимость.

Литература

- 1.Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1: коллективная монография / отв. ред. Н.Д.Голев.- Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 7-40.
- 2.Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыты реализации // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.3: коллективная монография / отв. ред. Н.Д.Голев; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2010. – С. 205-263.
- 3.Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник КемГУ. – 2012. - №1(49). – С.128-137.
- 4.Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики. // Вопросы филологии. – 1999. - №2. – С.5–13.
- 5.Диссертации Акаевой Э.В., Бейлинсон Л.С., Жура В.В., Кочетковой Т.В.
- 6.Мишланова С.Т. Термин в медицинском дискурсе. АДД, Москва,, 2003.
7. Шиканова Т.А.Медицинская терминология: реальное и нормативное значение (теоретико-экспериментальное изучение).//Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом: материалы 2-ой заочной международной научно-практической конференции (25–28 февраля 2013 года): в 4ч.Ч.3./науч.ред. К.В.Патырбаева, А.В.Попов, Е.Ю.Мазур; Пермь, 2013.-С.138–151.

Присяжнюк О.Я.

*к. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
гуманитарных факультетов
Одесского национального университета
имени И.И. Мечникова
г. Одесса, Украина*

Особенности социальных диалектов

Целью данной статьи является социальная вариативность британских диалектов. Ее изучение имеет особое значение из-за глобального распространения английского языка в современном мире. Большинство научных работ по данному вопросу посвящено описанию и анализу произносительной нормы RP (Received Pronunciation). В учебных заведениях обучение английскому языку как иностранному ведется преимущественно на базе произносительной нормы RP; использование других вариантов не рекомендуется. Между тем знание особенностей отдельных диалектов не только расширяет лингвистическое мировоззрение ученика и помогает оценить все богатство и многообразие английского языка, но и облегчает общение с жителями Великобритании, которые являются носителями того ли другого диалекта. Интенсивность международных контактов в условиях глобализации и расширение экономических, политических, торговых и культурных связей между Украиной и англоязычными странами возрастает. Все это определяет *актуальность* данной проблемы.

Одной из особенностей современной языковой ситуации в Великобритании является вариативность британских диалектов. Лингвисты выделяют три основных фактора, влияющих на возникновение вариативности в диалектной системе: влияние соседних диалектов, взаимодействие норма – диалект и возникновение инноваций в рамках самого диалекта [4]. Известно, что английский национальный литературный язык сложился в начале XVI в. на почве лондонского диалекта [5]. Основой этого процесса были те крупные сдвиги в общественном строе Англии, которые характерны для XVI века. Основным признаком национального литературного языка является его тенденция к всенародности и закономерная нормативность как в письменной, так и разговорной форме. При этом единство и общность развития диалектов того или иного языка могут быть нарушены в результате действия различных факторов, в том числе и экстралингвистических. Сюда относятся: длительное сохранение феодальной раздробленности страны; двуязычие, при котором функции общегосударственного языка принадлежат чужому языку (например, после скандинавского завоевания Британии), а местные диалекты родного языка оказываются функционально равноправными в пределах своих территориальных границ; распад первоначально единой (экономически и политически) области распространения того или иного диалекта и др. [4]. На раннем этапе национального периода на литературной норме говорит лишь образованная часть общества. Позднее социальная база литературного языка расширяется за счет увеличения числа грамотных и за счет процессов взаимопроникновения литературной нормы в диалекты и наоборот.

Современное состояние английских диалектов свидетельствует о том, что региональные диалекты не поддаются полному нивелирующему влиянию нормы и значительно отличаются от литературного языка. Степень этого различия зависит от исторического развития диалекта. Основное различие заключается в том, что в диалектах часто сохраняются черты, которые не сохранились в литературном стандарте, и это понятно: в небольших населенных пунктах сельской местности, веками живущих своей замкнутой жизнью и практически не испытавших влияние извне, язык мало подвержен изменениям. Диалекты сохраняют множество языковых явлений разных периодов истории языка, в том числе заимствования из других языков (скандинавские, норманнские) [2].

Изучение диалектов дает бесценный и поистине неисчерпаемый материал не только для проникновения в глубочайшие истоки языка, его историческое прошлое, но позволяет здраво, без предвзятости и односторонности оценить и понять особенности становления и развития литературной нормы, различных социальных и профессиональных говоров, а также языковых вариантов. Только учет диалектных данных открывает возможность понять не только так называемые «отклонения» от правил произношения и грамматики, но и сами эти правила, и может служить прочной основой для исследования становления и развития значений слов. Существует точка зрения, что диалекты – это «вульгарная речь»,

употребляемая «необразованными» слоями общества. Однако такое суждение неверно, так как, во-первых, литературная норма складывается на основе одного или нескольких местных диалектов; во-вторых, языковые особенности любого местного диалекта обусловлены не «небрежностью» речи его носителей, а строгими историческими закономерностями [2].

Было бы примитивно и неверно представлять себе речь носителей диалекта как совершенно однородную и состоящую сплошь из диалектизмов на всех языковых уровнях (фонетика, грамматика, лексика) и во всех речевых ситуациях. Язык – сложное общественное явление, он существует в человеческом обществе, в реальной повседневной речевой практике людей, принадлежащих к различным социальным, профессиональным, территориальным формациям. Широкое распространение литературного стандарта по всей территории Великобритании, междиалектные контакты, влияние профессиональных и социальных языковых образцов, присущих определенным слоям говорящих, воздействие радио и телевидения – все это определяет в конечном итоге речь отдельных носителей диалекта, которая и в пределах единой территории в такой же степени неоднородна, как и в различных ареалах. Даже речь отдельных носителей диалекта в пределах одной деревни или общины имеет свои специфические особенности.

Что касается языковой нормы, то последнее время в английском языке наметились две основные тенденции к ее искажению [3]. Прежде всего, это *Estuary English* – подчеркнуто грассирующий акцент, символ дурного вкуса, распространяемый с телеэкранов. С другой стороны, это форма английского языка, на которой говорят в Лондоне и его окрестностях, и, в более широком смысле, на юго-востоке Англии – вдоль Темзы и ее устья (*estuary*). Им пользуются не только известные политики, спортсмены и ведущие программ, но и младший сын Английской Королевы принц Эдвард. *Estuary English* отличают вокализованное L, подобное по звучанию W, когда *milk bottle* произносится как *miwk bottoo*, или *football* как *foo'baw* или практически полное упразднение звука t, когда вместо *quite nice* мы слышим [kwaɪ' nais].

Вторая тенденция, которой опять способствовало телевидение – это *Australian English*, появившийся около 20-25 лет назад вместе с появлением австралийских мыльных опер. Этот вариант прижился и теперь используется в телевизионных программах для всех возрастов. Одной из его характерных особенностей является наличие вопросительной интонации в утвердительных предложениях. Английский язык претерпел значительные изменения, обусловленные не только географическими, но и социальными причинами. Несмотря на все попытки унифицировать язык, единый "Королевский английский" так и не получил широкого распространения.

Социальные диалекты включают в себя целый ряд генетически, функционально и структурно различных явлений [4]:

1) профессиональные диалекты, т.е. разновидность социального диалекта, объединяющая людей одной профессии или одного рода занятий. Жаргоны (арго), т.е. диалекты, состоящие из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или

нескольких естественных языков и применяемые (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в качестве тайных языков (воровской жаргон);

2) разновидности английского жаргона: а) «обратный сленг»: например, *yob* вместо *boy*; б) «центральный сленг»: например, *ilkem* вместо *milk*; в) «рифмующийся сленг»: например, *artful dodger* вместо *lodger*; г) так называемый «medical Greek»: например, *douse-hog* вместо *house-dog*. Все эти виды псевдосленга используются исключительно с целью сделать язык той или иной социальной группы непонятным для непосвященного. Для жаргона характерно не только искажение существующих слов языка, но и многочисленные заимствования, внешний облик которых нередко модифицируется таким образом, что они ничем не отличаются от остальных лексем данного языка;

3) узкоспециальный характер жаргона может быть проиллюстрирован на материале лексики, типичной для различных учебных заведений: за пределами этих учреждений указанная лексика либо вовсе не употребляется, либо используется в другом значении. Например, в Итоне используются следующие жаргонизмы: *scug* «ничтожный человек», «негодяй», *tug* «ученик колледжа»; в Вестминстер-Скул: *bag* «молоко», *beggar* «сахар»; в Уинчестерском колледже: *to go continent* «оставаться дома», *tug* «безвкусный, несвежий»; «обычный, простой». Воздействие экстралингвистических условий существования языка сказывается только на его лексико-семантическом составе: возникает большая или меньшая в количественном отношении прослойка «социально окрашенных» слов, которая и определяет характер социальных диалектов. В действительности, язык во всех своих проявлениях и разновидностях (в том числе и в различных диалектах) предстает как сугубо социальное явление: было бы неверным считать, что основные факторы, регулирующие существование и развитие языка, носят только «внутриязыковой характер» или что язык представляет собой некую «саморегулирующуюся систему», а социальные факторы – это только «периферийные влияния». Общественная природа языка определяет не только условия его бытования, но и все его функции, особенности его лексики и фразеологии, грамматики и стилистики;

4) сленг, т.е. бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определенной социальной или профессиональной среде. Сленг рассматривается как сознательное, преднамеренное употребление элементов общелитературного словаря в разговорной речи в чисто стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, точности, а также, чтобы избежать штампов, клише. Это

достигается использованием таких стилистических средств, как метафора, метонимия, синекдоха, литота, эвфемизм.

Диалекты языка и литературный стандарт (образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются как «правильные» и общеобязательные и который противопоставляется диалектам и просторечию), неразрывно связаны не только потому, что диалектная речь возникает на основе стандарта, но и потому что, как правило, языковой стандарт складывается на основе диалектной речи. Литературный стандарт английского языка не является исключением: в 15 веке Великобритания изобиловала наличием множества различных диалектов, но по мере того, как увеличивался приток населения из деревни в город, эти диалекты все больше и больше смешивались и в результате сложился языковой стандарт (можно сказать, что первоначально это была лондонская форма юго-восточного диалекта). С течением времени этот язык совершенствовался и был признан языком, на котором говорила образованная часть населения страны. Однако было бы неверно считать, что стандарт – это зафиксированная форма произношения, которая не подлежит изменениям. Естественная эволюция языка, а также различные экстралингвистические факторы приводят к изменению и литературного стандарта. Некоторые нормы языка выходят из употребления и сменяются новыми в силу исчезновения одних реалий и появления других.

Рассмотрим фонетические особенности социальных диалектов: 1) дифтонг литературного варианта [ou] обычно отражается в сленге как [эо] или [au]: *go* [gэо] или [gau]; *row* [rэо] или [rau]; 2) дифтонг [au] литературного варианта отражается как [a:]: *mouth* [ma:f], *about* [э'ba:t], *loud* [la:d]; 3) дифтонг [ai], изображаемый на письме в литературном варианте через *i* в условно-открытом слоге, в сленге произносится как [oi]: *time* [toim], *fine* [foin], *line* [loin]; 4) в безударном слоге [ai] редуцируется в [i]: *by myself* [bi mi'self]. Дифтонг [ei] произносится как [ai]: *pale* [pail], *day* [dai], *baby* ['baibi]; 5) вместо литературного краткого [e] в сленге обычно произносится краткое [i]: *get* [git], *catch* [kitj], *steady* ['stidi], а вместо краткого [i]—[e]: *spirit* ['sperit]; 6) английское литературное [ju:] в сленге отражается как [u:]: *duke* [du:k], *tune* [tu:n], *suit* [su:t], *new* [nu:]. С другой стороны, паразитическое *j* появляется после [d, tʃ, r, v]: *parents* ['peirjəns], *favour* ['feivjər]; 7) краткое *o* отражается как [ʌ]: *god* [gʌd], *dog* [dʌg], *loss* [lʌs]; 8) краткое [ʌ] произносится как [i] или [e]: *sich*, *sech* (*such*), *jist*, *jest* (*just*), *brisk*, *bresh* (*brush*); 9) после долгих [u:] и [i:] используется полусогласный звук, который превращает их в дифтонги: *booze* [buwz], [bauz], *treat* [tri:t]; 10) в ряде случаев вместо звука [э:] произносится [a:]: *first* [fa:st].

Итак, языковая ситуация в Великобритании характеризуется наличием диглоссии, в условиях которой наблюдается функциональная дифференциация различных типов произношения [3].

Обобщая все выше сказанное, можно сделать вывод о том, что языковая ситуация на Британских островах характеризуется

противопоставлением высокопрестижной, не связанной территориально ни с каким районом (только исторически – с юго-востоком), выполняющей самые важные социальные функции орфоэпической нормы произношения, с одной стороны, и сложной системы социально-территориальных типов произношения, имеющих ограниченные социально-коммуникативные функции, с другой.

Литература

1. Диалект, акцент, просодия / сост. Г.М. Скуланова, Т.И.Шевченко. – М., 1999. – 47 с.
2. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения / Т.И. Шевченко. – М.: Высшая Школа, – 1990. – 144 с.
3. Trudgill P. *Introducing language and society* / P.Trudgill. – Penguin, 1992. – 79 p.
4. Hudson R. *Sociolinguistics* / R. Hudson. – 2 nd. edn. – Cambridge, 1996. – 279 p.
5. Wells J.C. *Accents of English* / J.C. Wells. – Cambridge, 1982. – Vol.2: The British Isles. – 465 p.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ VIII. ПСИХОЛОГИЯ	5
SECTION VIII. PSYCHOLOGY	5
Антонова М.С.	
Самоизоляция как проблема современной молодежи	6
Артемьева Т.И.	
Психобиографические исследования И.А. Сикорского	9
Артемьева Т.И.	
Вклад К.Д. Кавелина в создание отечественной этнопсихологии	13
Гаврилович А.А.	
К проблеме возрастных особенностей страхов у школьников	19
Газизова У.В., Хабибрахманова Р.Ф.	
Образ мира у детей подростков из неполных семей	22
Гиздатуллина И.И.	
Определение и классификация ценностных ориентаций у молодежи	26
Гостев А.А.	
О религиозном менталитете: на перекрестке исторической и политической психологии	28
Ивашенко И.А., Маркер А.В.	
Динамика развития мотивов учебно-профессиональной деятельности студентов-психологов	30
Ким К.А.	
К проблеме психодиагностики лиц с нарушениями зрения: звуковой тест	33
Ким К.А.	
Особенности коммуникативной функции у слепоглухих	36
Киселева А.А., Мартыненко О.В.	
Особенности взаимосвязи ценностных ориентаций и психодинамических свойств в структуре интегральной индивидуальности школьников и студентов	38
Логунова В.В., Литвиченко К.Е.	
Аспекты женской измены	45
Медведская Е.И.	
Феномен стигматизации в представлении подростков	47

Петрова С.С.	
Исследование причин и форм отклонений в поведении подростков СПУ «Уральского подворья»	49
Пикова Ю.В.	
Особенности ценностных ориентаций курсантов и сотрудников полиции с разным профессиональным стажем	51
Саенко Е.С.	
Человек после войны: посттравматический синдром и проблемы социальной реабилитации участников боевых действий	55
Сальников Ю.А.	
Представления преподавателей о научных текстах и приемах их освоения студентами	58
Собильская А.С.	
Психологическая превенция конфликтного поведения молодежи на межнациональной почве	61
Харитонов Е.В.	
Менталитет и язык	63
Холондович Е.Н.	
Представления о русском менталитете в наследии Н.И. Костомарова	65
Шапран Т.В., Буренок И.И.	
Стресс как последствия психологического сопротивления	72
Сенаторов В.А.	
Динамика развития отечественного социально-психологического знания в 1960 – 1970-е годы	75
РАЗДЕЛ IX. ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ	79
SECTION IX. PHILOLOGY, LINGUISTICS, STUDY OF CONTEMPORARY LANGUAGES	79
Behrooz Mahmoodi Bakhtiari, Roxana Dayani	
Exchange of Power in David Mamet's Oleanna: A study within Leech's Model	80
Абайдуллина Л.Р.	
Языковая личность в концепции И. Н. Горелова и К. Ф. Седова	100
Садыкова Ю.Р.	
Паронимия как явление, порождающее коммуникативную неточность речи в языке профессионального общения	104
Сычева Л.В., Мостачева Е.Ю.	
Teaching idioms in business English	107

Блинкова Л.М., Ушакова Н.В.	
Актуальность использования проектной методики в обучении иностранному языку	112
Бурмич М.А.	
Инновационные технологии в преподавании языковых дисциплин	115
Васильева М.Н.	
Прецедентные феномены в романе В.Е. Максимова «Ковчег для незванных»	117
Васильева О.Н.	
Чеховский интертекст в творчестве В.С. Маканина	121
Возбранная Т.В.	
Проявление тенденции к новообразованиям в современном русском языке	123
Гардецька Р.П.	
Семантика демінутивного суфіксального маркера - et(te)	126
Долбіна К.Д.	
Асоціативне наповнення зоонімної пропріальної лексики	129
Жук А.В.	
Особенности фразеологических единиц, объединенных концептом «время»	132
Каспирович Н.А.	
Античность в новелле П.П. Муратова «Менипп»	138
Козлова Ю.Е.	
Современные методики самостоятельного изучения иностранных языков	142
Кононова А.А.	
Лексико-стилистические средства реализации категории комического в новостном дискурсе как способа взаимодействия пишущего с адресатом (на материале английской печатной прессы)	145
Косова О.А.	
Конфронтационно-невротический дискурс в свете теории базовых эмоций	148
Кудаева З.Ж.	
К проблеме разграничения адыгских пословиц и поговорок	154
Мельниченко К.А.	
Социолингвистический аспект процесса заимствования лексики из английского языка	156

Мельничук И.М.

Взаимовлияние языка и культуры. Особенности французского коммуникативного поведения. 159

Мещерякова А.В.

Истоки мотива лебедя в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги» 163

Микаилова Н.Г.

Социо – культурная обусловленность представлений о возрасте 167

Монастырецкая О.В.

Термины-фразеологизмы в терминологии международного права 170

Неклесова В.Ю.

Коннотативные характеристики имени собственного Библия в украинском, английском, испанском языках 172

Пимшина В.В., Микаилова Н.Г.

Специфика перевода фразовых глаголов в англоязычных рекламных текстах 174

Подгорная К.А.

Два перевода романа Достоевского «Преступление и наказание»: трудности перевода реалий на английский язык 177

Полевая А.А.

Новые тенденции развития молодежного языка коммуникаций во Франции 181

Сабитова Н.С.

Роль судьбы в повести И.С. Тургенева «Фауст» 183

Свиридова Т.Н.

Обучение аудированию в свете коммуникативной направленности обучения иностранному языку в вузе 185

Тимофеева А.М.

Концепты «свет» и «тьма» в поэтической картине мира Ю. Шесталова 189

Трегубова Ю.А., Демина Е.Р.

Английские заимствования в текстах вывесок и названий предприятий сферы обслуживания г. Ельца Липецкой области 193

Филиппова Е.М.

Проблема жанра книги И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» 198

Харишин Д.Г.

Китайська традиційна концепція особистості в осмисленні Лу Сіня 204

Шабалина Е.Н.	
Прагматический потенциал языковых нарушений в художественной коммуникации	209
Швелидзе Н.Б.	
Некоторые особенности семантики фразеологизмов со значением эмоционального переживания, эмоционального отношения, выражения эмоций	212
Шиканова Т.А.	
Обыденное медицинское сознание как сфера бытия медицинских терминов	215
Присяжнюк О.Я.	
Особенности социальных диалектов	220

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Часть 3

**Психология; филология, лингвистика, современные
иностраннные языки**

Материалы третьей международной
научно-практической конференции (26–28 апреля 2013 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *К.В. Патырбаевой*

Дизайн обложки – А.В. Патырбаева (wolveran@mail.ru)

Подписано в печать 12.05.2013.

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 13,49.

Тираж 100 экз. Заказ № ____

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного университета

614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано на ризографе ООО «Учебный центр “Информатика”»

614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Scientific edition

**ACTUAL ISSUES
OF SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES**

Part 3

**Psychology; Philology, Linguistics, Study of contemporary
languages**

The collection of scientific writings as a result of participation in the III
International Theoretical and Practical Conference (Russian Federation,
Perm, April 26th-28th of 2013)

Published in author's edition
Formatted by K.V. Patyrbaeva
Cover Design by A.V. Patyrbaeva (wolveran@mail.ru)

Printed by the Educational Center “Informatics”, Ltd
614990 Russian Federation, city of Perm, Bukireva Street, 15